

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД «ЦЕНТР СОЦИАЛЬНЫХ И
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ «СТРАТЕГИЯ»

КАЗАХСТАН в поле зрения СОЦИОЛОГИИ

О Б Щ Е С Т В Е Н Н Ы Й Ф О Н Д
СТРАТЕГИЯ
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Алматы, 2026

УДК 316(574)
ББК 60.5(5Каз)
К14

Под редакцией: Илеуовой Г.Т., Симаковой О.А.

К_Казахстан в поле зрения социологии. Антология социологических рассказов – Алматы: Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», 2026. – 272 стр.

ISBN 978–601–12–9237–5

Данное издание представляет собой антологию социологических рассказов о результатах исследований Фонда по широкому спектру вопросов, объединенных единой темой – социальная жизнь общества. Здесь заинтересованный читатель найдет научные и публицистические статьи о социально-экономическом самочувствии казахстанцев, их социальных ожиданиях и настроениях, о динамике оценок потребительского потенциала казахстанских семей за последние 20 лет, направлениях внутренней и внешней миграции, о жилищной проблематике, об отношении к реформе среднего образования и системы медицинского страхования, о вопросах сохранения здоровья, материалы по религиозной тематике и развитию культуры, касающиеся социальной напряженности и протестности, и другие.

Отдельной главой представлены рассказы, касающиеся оценки состояния отрасли социологических исследований в Казахстане. В том числе представлены результаты экспертных опросов 2011, 2018 и 2026 гг. о потреблении результатов социологических исследований представителями различных целевых групп и об изменениях отношения экспертной среды Казахстана к социологической продукции.

Книга может быть полезна социологам, политологам, журналистам, экономистам, представителям общественных организаций, государственных органов и всем тем, кто интересуется процессами социального развития Казахстана за последние 25 лет.

УДК 316(574)
ББК 60.5(5Каз)

Публикация издана Общественным фондом «Центр социальных и политических исследований «Стратегия» на собственные средства

ISBN 978–601–12–9237–5

© Илеуова Г.Т., Симакова О.А.
© ОФ «ЦСПИ «Стратегия», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
ОБ ИНДУСТРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КАЗАХСТАНЕ	7
Вопросы к социологии или вопросы социологии?	7
Трансляция социологической информации через СМИ как фактор доверия к социологии	18
Проблема субъектности казахстанской социологии.....	23
Хочу все знать: о потребности в социологической информации в экспертном сообществе	25
СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	32
2006 - 2010 гг.	32
Экономия как образ жизни современного жителя Казахстана	32
Уровень доходов казахстанского населения: социологический аспект.....	37
Миграционные настроения и миграционная политика в РК: социологический анализ.....	42
Жилищная проблема в оценках населения	48
Ситуация в сфере среднего школьного образования в РК	56
2011–2020 гг.	62
Казахские традиции vs исламизация?.....	62
Восприятие населением Казахстана ситуации в сфере культуры	73
Особенности социальной мобильности в условиях современного Казахстана.....	82
Современное мещанство: социальный конформизм или адаптация к жизненной среде?.....	87
«Обжегшись» на ФОМС, «дуем» на ФСМС	91
Эмиграция русских: приглашение к размышлению	96

Уровень жизни в городах-ядрах казахстанских агломераций	105
Самозанятые – кто они такие?.....	116
Государство и социальные ожидания населения: что говорят данные опросов?.....	120
Вчера «интеллигенция» – сегодня «интеллектуалы»?	125
2021–2026 гг.	131
Социальное самочувствие и протестные настроения казахстанцев в преддверии январских выступлений 2022 года	131
Социальное самочувствие населения – от медленного спада к быстрому подъему	147
И снова о развитии Алматы	156
Экономика, туризм и экология для социальной жизни села: что на вершине треугольника?	166
Социальная адаптация вдоль и поперек: попытка продольного и поперечного анализа адаптивности поколений.....	171
«Если бы у меня появилась лишняя пара тысяч долларов, то...».....	183
Той как карнавал	189
Изменения в самочувствии потребителей, перешедших на бездымные устройства для курения	192
Почему я атеист?	197
Материальное положение, тревоги и надежды казахстанской семьи	209
Проявления социальной напряженности в пореформенном Казахстане: общественные настроения и поведенческие реакции.....	216
Русские в Казахстане: между диаспоральностью и гражданственностью	237

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая Вашему вниманию книга – это сборник некоторых результатов работы Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», которому в июне 2026 г. исполнится 25 лет.

В Сборнике собраны материалы – научные и публицистические статьи – которые вышли в свет в разные годы, и в нашем представлении поднимают важные вопросы, которые не должны ускользать из поля зрения исследователей и аналитиков.

Все статьи разделены на два главных раздела – наше мнение об индустрии социологических исследований в Казахстане и работы, посвященные изучению социальных процессов, протекающих в обществе, социальным отношениям и состоянию социальной сферы в преломлении мнений населения страны. При этом обращаем внимание, что статьи расположены в хронологическом порядке, и это отражает направленность нашего исследовательского интереса в те или иные периоды жизни общества.

В книге вы найдете результаты исследований Фонда по широкому спектру тем: социально-экономическое самочувствие, социальные ожидания и настроения населения, оценка потребительского потенциала казахстанских семей за последние более чем 20 лет, особенности внутренней и внешней миграции, жилищная проблематика, отношение к образовательной реформе, реформе системы медицинского страхования и также вопросы сохранения здоровья, материалы по религиозной тематике и развитию культуры, касающиеся социальной напряженности и протестности и др. В разные годы мы поднимали вопросы современной социальной структуры казахстанского общества – писали о среднем классе, о мещанах, о самозанятых, об особенностях восприятия на современном этапе понятия «интеллигенция». Отдельное направление наших исследований – это региональное направление. В сборник включены материалы, в которых мы делаем попытку поднять вопрос об агломерациях Казахстана, а также на примере г. Алматы вносим предложение оценивать городское развитие с помощью композитных индексов.

Иногда наши исследования носили и носят разовый характер, но чаще, если какая-то тема или проблема привлекла внимание, мы стараемся возвращаться к ее изучению снова, чтобы наблюдать за объектом или процессом

в развитии, динамике, видеть последствия применяемых к нему решений и действий. Мониторинговый взгляд лучше всего помогает поддерживать наше участие в международном проекте «Евразийский монитор», в ходе которого на регулярной основе (не менее одного раза в год) задаются вопросы об экономическом положении страны и материальном положении респондентов, удовлетворенности жизнью и социальном оптимизме, об отношении к работе президента, правительства и парламента.

Что касается наших оценок состояния индустрии социологических исследований в Казахстане, то для этих целей мы привлекли результаты 3 экспертных опросов, которые провели в 2011, 2018 и 2026 гг. и которые позволили в определенной мере понять ожидания и удовлетворенность от работы социологов экспертной среды – представителей СМИ, НПО, государственных органов, депутатского корпуса, партийных структур, бизнеса.

В Сборнике представлены работы коллег, которые в разные годы работали в Фонде и внесли свой вклад в описание социальных процессов в Казахстане, и с которыми мы по-прежнему сохраняем теплые дружеские отношения.

Мы хотим выразить свою глубокую признательность редакциям научных журналов, интернет-изданий и печатных СМИ, которым была и остается интересна социологическая информация, и которые любезно представляли нам страницы своих изданий. Мы надеемся, что и в дальнейшем результаты социологических исследований будут вызывать не только интерес у широкого круга читателей, но и будут востребованы как важный источник информации о нашей действительности.

ОБ ИНДУСТРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КАЗАХСТАНЕ

Вопросы к социологии или вопросы социологии?¹

Илеуова Гульмира

В последнее время достаточно часто нам, социологам, приходится сталкиваться с критическим отношением к результатам наших исследований. Недоверие и скептицизм сопровождают практически любую общественную презентацию данных социологических исследований. Конечно, можно отмахнуться от подобных нападков, апеллируя к известному «а судьи, кто?», но, все-таки, хотелось бы сделать попытку разобраться в сложившемся положении, определиться по специфическому кругу вопросов.

В целом, проблемное поле социологической науки в Казахстане достаточно широкое и охватывает как ее теоретические, так и практические аспекты. При этом объектом критики со стороны экспертного сообщества становится в большей степени прикладная (эмпирическая) социология. Помимо «продажности», ставшей «классическим» поводом для критики, она сейчас обвиняется в несоответствии вызовам времени, в неспособности отразить сложившуюся социальную реальность и в невыполнении своей дисциплинарной функции. Показательно и то, что при очевидном росте потребности и интереса к изучению казахстанского общества, спрос на услуги социологов остается на довольно низком уровне.

Пока схематично можно выделить три блока вопросов, касающихся состояния и функционирования социологической отрасли в Казахстане.

1. Внутриотраслевые вопросы. Одной из проблем в данной связи можно назвать проблему дискредитации науки «квазисоциологическими» организациями. Сейчас стала достаточно распространенной практика проведения социологических исследований и интерпретации их результатов непрофильными/непрофессиональными компаниями. Уже никого не удивляет, что организации-однодневки без соответствующих кадровых, организационных и технических ресурсов презентуют в СМИ

¹ Илеуова Г. Вопросы к социологии или вопросы социологии? // Правила игры, апрель, 2011 г.

и в экспертных кругах свои «псевдосоциологические» данные, которые не несут никакой научной и практической ценности, а нацелены только на PR-эффект. В результате наносится урон имиджу, как самой отрасли, так и профильных организаций, существующих на этом рынке длительное время. Особое обострение этой тенденции мы наблюдаем в электоральные периоды. Как выход: необходимо активное будирование вопроса о принятии «Кодекса казахстанского социолога», введении «Стандартов проведения исследования».

2. Проблема взаимоотношений и взаимодействия производителей и заказчиков-потребителей социологической информации. Здесь хотелось бы обратить внимание на такой аспект. Государство на сегодняшний день формирует львиную долю заказов на рынке социсследований. Однако в государственных органах, как на местах, так и на центральном уровне широко вошло в практику использование проведения исследований в качестве механизма по освоению бюджетных средств. Если, например, обратиться к сайту «Госзакупки», где размещаются объявления о тендерах на проведение исследований, то обнаружится, что госорганы не только устанавливают цену на исследования (пример: опрос 1000 респондентов по Акмолинской области за 300 000 тенге²), но и вторгаются в «святая святых» социологов – в методологию, программу исследования, диктуя его задачи, методы, объемы и характеристики выборки и т.д. и т.п. В результате подобных тендеров и конкурсов побеждают организации, качество работы которых вызывает большие сомнения. Безусловно, реальным инструментом для изучения проблемной ситуации в регионе или отрасли либо для установления обратной связи с населением такие социологические исследования становятся редко. Для научного и экспертного сообществ подобные исследования также мало представляют интерес с точки зрения анализа глубинных процессов, протекающих в разных сферах общества.

3. Проблема взаимоотношений производителей социологической информации и СМИ. В данном случае можно говорить о проявившейся проблеме транслирования социологической информации с помощью средств массовой информации, поскольку именно они являются по существу самым главным каналом продвижения результатов социологических исследований в публичное пространство. Довольно часто наблюдается ситуация, когда социологические данные, попадая в открытую печать, приобретают совершенно иной смысл, чем было в них первоначально заложено. Искажение социологических результатов в СМИ чаще всего происходит

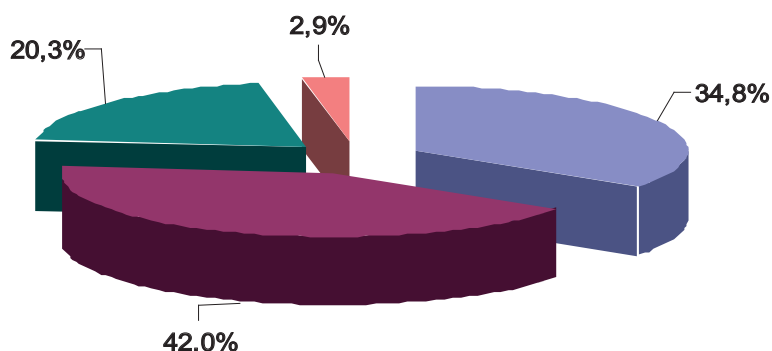
2 <https://goszakup.gov.kz/app/index.php/ru/publictrade/showlot/5263700>

из-за слабой подготовленности журналистов и их неумения «переваривать» озвучиваемые социологами цифры. Также зачастую присутствует целенаправленная дискредитация социологических организаций, данные которых не совпадают с субъективными ощущениями журналистов либо противоречат идеологии их издания, телеканала.

Таким образом, вопросов, которые следовало бы прояснить, много. Чтобы исследовать и осветить некоторые из них в январе 2011 года ОФ «ЦСПИ «Стратегия» был проведен экспертный опрос, по проблемам производства, трансляции и потребления социологической информации в РК. Было опрошено 69 экспертов – представителей средств массовой информации, бизнеса, государственных органов, научных кругов, неправительственных организаций, аналитиков, политологов, политиков и общественных деятелей.

Обращаетесь ли Вы к данным социологических исследований в своей профессиональной деятельности? На первый взгляд, ответы на этот вопрос показали достаточно оптимистичную картину: только 23% экспертов совсем не обращаются к данным социологических исследований или делают это крайне редко – нет необходимости (см. диаграмму 1). Но ведь никто никогда и не говорил, что социология нужна абсолютно всем! 76,8% опрошенных сообщили, что продуктивно относятся к социологическим исследованиям: используют их данные в своей работе или, как минимум, стараются это делать.

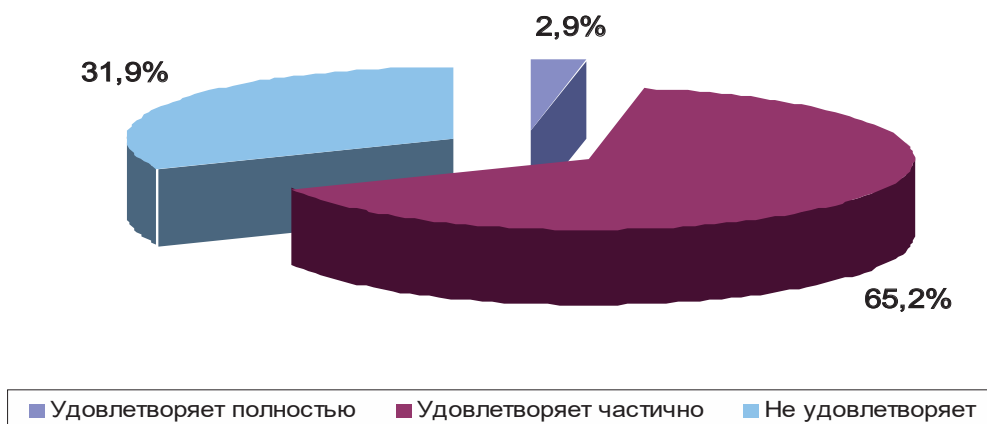
Диаграмма 1. – Обращение экспертов к данным социологических исследований

- Использую данные исследований в своей работе
- Стараюсь учитывать в работе данные исследований
- Обращаюсь, но очень редко
- Нет необходимости обращаться к данным социологических исследований

Следует отметить, при этом, что удовлетворенность экспертов данными социологических исследований не кажется низкой (см. диаграмму 2). Только 3% полностью не удовлетворены ими. Большинство опрошенных, все-таки, говорило, что полностью или частично удовлетворено результатами опросов. Вместе с тем, сразу возникает вопрос: что означает для подавляющего числа экспертов (65%) частичная удовлетворенность данными социологических исследований?

Диаграмма 2. – Удовлетворенность экспертов данными социологических исследований

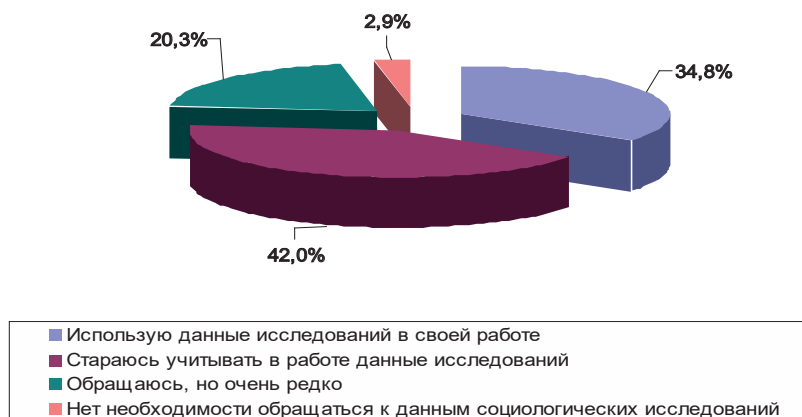
Удовлетворенность качеством материалов. Как мы видим (см. таблицу 1), по всем параметрам оценки социологических исследований как приговор звучит – «средний уровень». Т.е. ни один из анализируемых параметров не получил весомых долей высоких оценок. Некоторым исключением можно считать параметр «доступность изложения», треть опрошенных посчитали ее соответствующей высокому уровню. Произведя антирейтинг, т.е. распределив параметры в соответствии с полученными оценками «низкий уровень», обнаруживаем, что хуже всего эксперты оценивают глубину интерпретации полученных данных, далее, их убедительность, соответствие данных сложившимся представлениям экспертов по исследуемым вопросам и, наконец, доступность изложения. По существу, ситуация хорошо иллюстрируется известной поговоркой «сапожник без сапог»: эксперты обвиняют социологов в том, что они в первую очередь не могут глубоко проработать и убедительно преподнести полученные ими результаты. Этим, видимо, и может быть объяснена частичная удовлетворенность экспертов данными социологических исследований.

Таблица 1. – Оценка уровня материалов социологических исследований по параметрам

Параметры	Уровень	%
Доступность изложения	Высокий	34,8
	Средний	62,3
	Низкий	2,9
Убедительность представленных данных	Высокий	11,9
	Средний	58,2
	Низкий	25,4
	Затрудняюсь ответить	4,5
Глубина интерпретации данных	Высокий	5,8
	Средний	66,7
	Низкий	26,1
	Затрудняюсь ответить	1,4
Соответствие Вашим представлениям по исследуемым вопросам	Высокий	13,0
	Средний	58,0
	Низкий	17,4
	Затрудняюсь ответить	11,6

Доверие. Еще одним основанием для того, чтобы понять, как относятся эксперты к деятельности социологических организаций, является показатель доверия результатам их исследований. Ни один из экспертов не сказал, что доверяет полностью результатам социологических исследований; четвертая часть – скорее доверяет; 15,9% опрошенных скорее не доверяет или не доверяет совсем (см. диаграмму 3). Большинство (63,8%) предпочло выбрать вариант ответа «доверяю выборочно», т.е. не всем организациям либо не всем результатам опросов.

Диаграмма 3. – Доверие экспертов к результатам социологических исследований

Какие факторы определяют доверие экспертов публикуемым социологическим данным? В значительной степени в данном случае оказывают влияние субъективные факторы, такие как «репутация компании, проводившей исследование» (52,2%) и «отношение к специалисту-социологу, комментирующему данные» (20,9%) (см. диаграмму 4). Сами «результаты, полученные по итогам исследования» (44,8%) также являются базовым фактором, опираясь на который эксперты принимают решение о доверии социологической организации. К сожалению, в экспертной среде так и не сформировалось строгого отношения к представлению результатов социологических исследований: только для 7,5% опрошенных наличие описания параметров исследования (информации о методике, выборке и др.) является фактором доверия.

Диаграмма 4. – Факторы, определяющие доверие экспертов результатам социологических исследований (не более 2-х вариантов ответа)

Наиболее удручающими можно признать результаты опроса экспертов в той части, которая касается их оценки степени влияния социологических исследований на политический процесс (в широком смысле) в Казахстане, на деятельность его основных субъектов. Как показал анализ полученных данных, социология если и оказывает какое-то влияние, то скорее несущественное (см. таблицу 2). Самая высокая доля респонден-

тов, считающих, что социологические исследования оказывают существенное влияние, отмечает его в отношении деятельности отдельных госорганов, акиматов. Наименьшее влияние, по оценкам экспертов, социологические данные оказывают на поведение избирателей. Около трети опрошенных полагает, что социологические исследования не оказывают никакого влияния на общественно-политическую жизнь в РК.

Таблица 2. – Оценка степени влияния публикаций социологических исследований на различные аспекты и субъектов политической деятельности

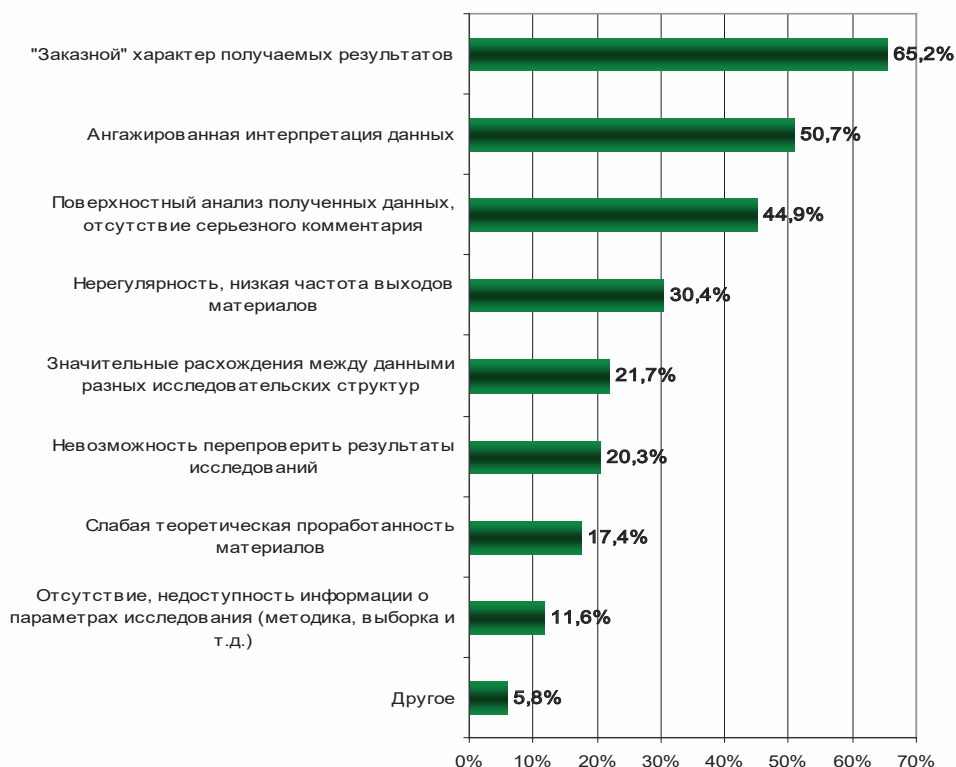
Субъекты	Степень влияния	%
На тактику и деятельность политических партий	Оказывают существенное влияние	10,3
	Оказывают несущественное влияние	55,9
	Не оказывают никакого влияния	22,1
	Затрудняюсь ответить	11,8
На деятельность отдельных государственных органов, акиматов	Оказывают существенное влияние	14,7
	Оказывают несущественное влияние	51,5
	Не оказывают никакого влияния	27,9
	Затрудняюсь ответить	5,9
На поведение избирателей	Оказывают существенное влияние	10,4
	Оказывают несущественное влияние	43,3
	Не оказывают никакого влияния	32,8
	Затрудняюсь ответить	13,4
На политику государства в целом	Оказывают существенное влияние	8,8
	Оказывают несущественное влияние	52,9
	Не оказывают никакого влияния	26,5
	Затрудняюсь ответить	11,8
В целом на общественно-политическую жизнь в РК	Оказывают существенное влияние	7,4
	Оказывают несущественное влияние	52,9
	Не оказывают никакого влияния	29,4
	Затрудняюсь ответить	10,3

Почему же возникли такие проблемы с доверием социологическим исследованиям? Какие их недостатки позволяют экспертам быть настолько критичными и безапелляционными в своих оценках?

Как показал опрос, основные обвинения – в заказном характере получаемых результатов, ангажированной интерпретации и поверхностном анализе полученных данных, в отсутствии серьезных комментариев (*см. диаграмму 5*). Обвинения достаточно тяжелые, но в то же время и предсказуемые в силу сложившегося вокруг социологии общественного дискурса. Имеем ли мы здесь дело с объективной оценкой или на нее давит груз

сложившегося негативного стереотипа? На это трудно дать точный ответ, т.к. «невозможно перепроверить оценку» экспертов. Но следует обратить внимание, что, как и в вопросе о доверии результатам социологических исследований (см. диаграмму 4), на оценки экспертов не влияет отсутствие информации об исследовании, его технических характеристик. Также не входит в число наиболее заметных недостатков, по мнению экспертов, слабая теоретическая проработанность социсследований. Из чего можно сделать предположение, что эти параметры мало интересуют опрошенных, возможно в силу необходимости более глубокого вникания в тему. А ведь опрос может быть плохим не потому, что он «ангажирован», а потому, что он плохо проработан методологически и методически. Но зачем экспертам так углубляться? Обвинения в заказном характере исследований социологов, которые основываются чаще всего на таком субъективном факторе, как «несоответствие данных социологических исследований представлениям экспертов по исследуемым вопросам» (см. таблицу 1) очень «удобны в использовании» и не требуют специальной подготовки.

Диаграмма 5. – Основные недостатки публикуемых результатов социологических исследований (не более 3-х вариантов ответа)

Что можно сказать по поводу полученных данных? Они показывают, что есть «вопросы к социологии», но и вопросы развития самой социологической отрасли в Казахстане также налицо. В связи со сложившейся ситуацией сразу же возникают классические вопросы о том, кто виноват и что делать? Если с первым вопросом ответ более или менее ясен (только навскидку можно предложить целый перечень проблем, из-за которых социология в Казахстане не развивается или развивается плохо: узость рынка, слабая профессиональная подготовка специалистов, разрозненность профессионального сообщества и т.д. и т.п.), то по второму вопросу не все так просто, как кажется на первый взгляд. Определенный оптимизм в этой связи придает тот факт, что потребность в социологии существует – по данным опроса, все эксперты хотели бы получать социологическую информацию, из них регулярно – 49,3%, и по необходимости – 50,7% (см. диаграмму 6).

Диаграмма 6. – Потребность в получении социологической информации

- Да, хотел бы регулярно получать социологическую информацию
- Да, хотел бы по необходимости получать социологическую информацию

Основной формат, в котором эксперты хотели бы получать социологическую информацию – это аналитический отчет по результатам исследований (59,4%) (см. диаграмму 7). Менее востребованы: презентации в виде диаграмм и графиков; статистические/табличные отчеты; короткие обзорные статьи по полученным данным. И уж совсем не интересны, как это ни печально, беседы, интервью с социологами.

Диаграмма 7. – Предпочитаемый формат документа при получении социологической информации (не более 2-х вариантов ответа)

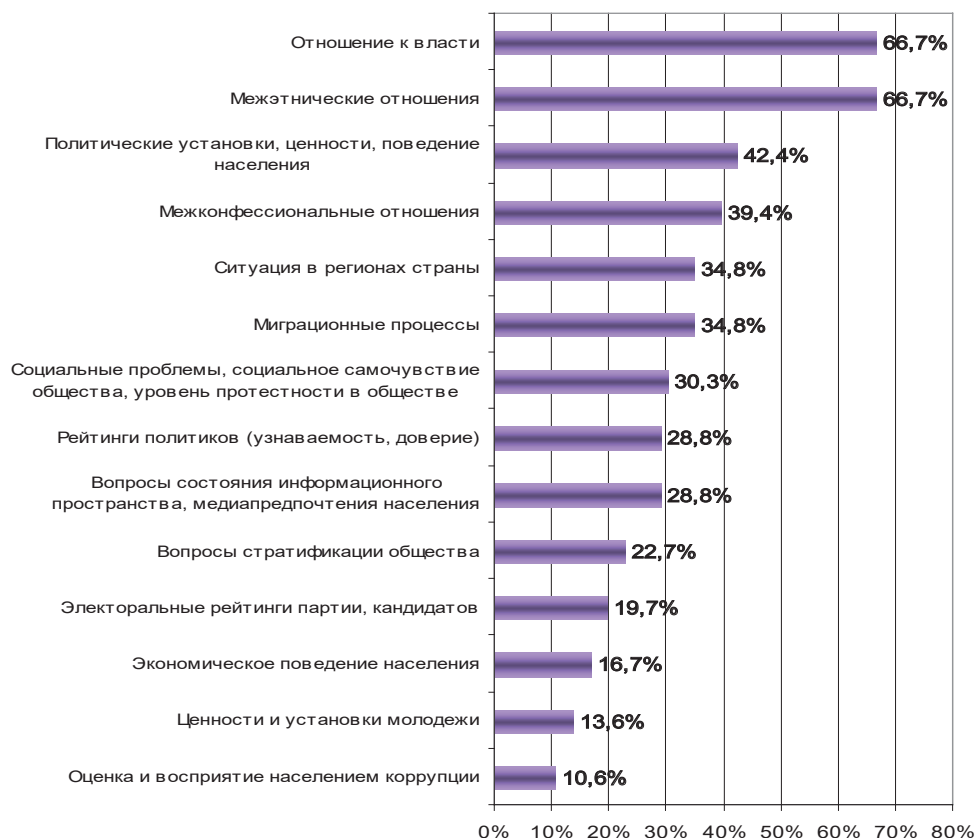

Если проанализировать, какая именно тематика волнует экспертов, обнаружится, что в первую очередь интересуют исследования на стыке политической и социальной сфер: состояние межэтнических и межконфессиональных отношений, политические установки, включая отношение к власти, ценности и поведение населения. В меньшей степени вызывают интерес сугубо социальные темы: социальные проблемы, самочувствие, вопросы социальной стратификации общества. Также невысокий интерес вызывает у опрошенных экспертов и чисто политическая проблематика — это рейтинги политиков, электоральные рейтинги партий, кандидатов. Коррупция, несмотря на ее обоснованно важный для безопасности страны характер, по результатам опроса лежит на периферии экспертного интереса, впрочем, как и изучение ценностей и установок молодежи.

Рейтинг тем, которые интересуют экспертов, показывает наличие определенной заданности, конъюнктуры в выборе опрашиваемых. На наш взгляд, интерес чаще всего связан не с тем, насколько остро стоит для страны та или иная проблема-тема. А с тем, какие вопросы в данный момент времени являются наиболее «раскачанными» в информационном пространстве. Так, например, отсутствие интереса к рейтингам политиков может быть связано только с преданностью сложившейся безальтернативности действующего президента и его команды. И как могут в условиях кризиса не интересовать серьезных экспертов вопросы социально-экономического плана? В тоже время самые «популярные» в последние два года «межэт-

нические и межконфессиональные отношения» находятся на вершине рейтинга. Но, как показывает анализ работы социологических организаций, нельзя сказать, что именно эти темы являются доминирующими в их «исследовательской корзине». Получается, что социологи не отвечают современным потребностям. Но если идти вслед только за запросами экспертов, то не окажется ли в итоге так, что на периферии изучения останутся те проблемы и вопросы, которые кому-то кажутся малоинтересными, а в реальности – являются базовыми? Как, например, сейчас получается с низкорейтинговой молодежной тематикой.

Диаграмма 8. – Интересующая экспертов тематика социологических исследований (не более 5-и вариантов ответа)

В заключении хотелось бы отметить: как показало исследование, проблемы социологии в Казахстане существуют, хотя бы на уровне восприятия экспертной средой результатов социологических исследований. «Средненький уровень удовлетворенности» не может устраивать про-

фессионалов. Данная ситуация сложилась не сразу, и наскоком ее не изменить. Но, думается, что свет в конце тоннеля есть, и при принятии необходимых мер, и самое главное при объединении усилий профессионального сообщества, успехов можно достичь. Самое главное сейчас – это начать большой разговор на эту тему, привлечь к ее обсуждению все заинтересованные стороны.

Трансляция социологической информации через СМИ как фактор доверия к социологии³

Бейсембаев Серик

«Как повысить доверие к себе и к своим данным?» – вот тот ключевой вопрос, стоящий на повестке дня у профессионального сообщества, именующего себя прикладными социологами. О том, что есть такая проблема говорить не приходится. Все мы знаем о преобладающем в экспертной и журналистской среде скептицизме в отношении публикуемых в нашей стране социологических данных. Также очевидной и бесспорной является причина, по которой сейчас необходимо принимать меры для повышения к себе доверия со стороны аудитории. Ведь доверие – это не только индикатор состояния отрасли, но и условие для ее развития. В конце концов, это – символический капитал (имидж), который, по законам рынка, конвертируется в ресурсный и финансовый капитал.

Понятно, что повышение доверия, улучшение имиджа – задача не простая, требующая комплексных, системных, а также институциональных мер. Во многом отношение к социологии в настоящее время обусловлено неразвитостью самой отрасли, не только как науки, но и как вида производства. Об этом много сказано и написано, поэтому сегодня я хотел бы остановиться на другом не менее важном аспекте развития прикладной социологии, таком, как публичное взаимодействие социологов со своей целевой аудиторией. Вполне очевидно, что именно сбои и издержки в процессе коммуникации с целевой аудиторией явля-

3 Бейсембаев С. «Трансляция социологической информации через СМИ как фактор доверия к социологии». Выступление на круглом столе «СМИ и социология: проблемы отражения реальности». ОФ «ЦСПИ «Стратегия» при поддержке Фонда имени Фридриха Эберта в Казахстане. 29.04.2011. – Алматы: 2011.

ются одной из главных причин, формирующих недоверчивое отношение к социологии.

Сразу надо оговориться, что под целевой аудиторией понимается круг лиц, которые по роду своей профессиональной деятельности заинтересованы (нуждаются) в получении и использовании социологической информации. Это – журналисты, аналитики, государственные служащие, политические и общественные деятели, бизнесмены, ученые. Именно эта категория потребителей социологической информации является референтной по отношению к социологической отрасли. Она оценивает уровень развития отрасли, влияет на формирование общего мнения о ней, обеспечивает ее работой.

Публичное взаимодействие социологов с целевой аудиторией начинается через трансляцию первыми своих исследовательских данных с помощью СМИ, а также через специальные площадки – круглые столы, презентации, конференции и т.п. Как правило, для существующих на сегодняшний день исследовательских организаций в Казахстане публичность – вещь второстепенная. Не говоря уже о том, что самих публичных социологов можно по пальцам сосчитать. Другое дело как в целом такая закрытость от широкой общественности отражается на имидже прикладной социологии в целом. Думается, что сегодняшних разговоров о «продажности» и ангажированности социологии было бы меньше, если бы существовала группа, образно выражаясь, «говорящих голов», которые могли бы открыто выступать от имени социологического сообщества, давать комментарии и регулярно публиковаться в СМИ. В таком случае не оставались бы без ответа прямые выпады и откровенные обвинения в адрес прикладной социологии в Казахстане.

Поэтому, первой, и наиболее важной проблемой взаимодействия с целевой аудиторией я считаю недостаточный уровень публичности отечественной социологии, а отсюда – необходимость его повышения. Показателен пример, когда один уважаемый политолог заявил, что он доверяет данным организации N, потому что у них на сайте вывешены табличные распределения исследования.

Сама проблема выражается в слабой представленности социологических публикаций в информационном пространстве, а также низком уровне упоминания данных исследований. О наличии такой проблемы показал проведенный нашим Фондом опрос. Было выявлено, что со стороны целевой аудитории присутствует высокая заинтересованность в получении социологической информации, притом, что в казахстанских СМИ ее явно недостаточно. Так, практически все респонденты

в ходе опроса заявили о своем интересе к публикациям СИ, но при этом подавляющее большинство респондентов сообщили, что встречают материалы социсследований в казахстанских СМИ редко или время от времени.

Слайд 1

СТРАТЕГИЯ

Интерес к материалам СИ и оценка частоты их публикации в казахстанских СМИ

«Интересны ли Вам публикации результатов социологических исследований?»

Как часто в казахстанских СМИ Вы встречаете публикации социологического характера?

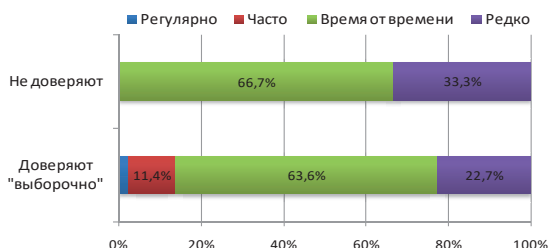
Объем публикуемой в СМИ социологической информации напрямую влияет на доверие к социологии в целом. Сейчас, когда публикаций мало, очевидно, что не накоплена критическая масса необходимой информации для составления экспертами (потребителями) представления об основных характеристиках нашего общества. Т.е. отсутствует мейнстрим социологической мысли о наиболее общих процессах и явлениях, протекающих в казахстанском обществе. Часто социологи, опубликовав свои данные, не имеют возможности сослаться на подтверждающие/сравнительные данные других организаций. В этой ситуации понятно, что целевая аудитория оказывается дезориентированной и понять «кто есть кто?» в социологии не может. Данный тезис подтверждает анализ результатов опроса целевой аудитории. Так, опрос показал, что чем выше осведомленность экспертов о социологических публикациях, тем лояльнее он к ним относится. И, наоборот, чем меньше он сталкивается с результатами исследований (в СМИ и в своей работе), тем меньше у него к ним доверие.

Слайд 2

СТРАТЕГИЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Доверие к результатам СИ и их потребление

Доверие к результатам СИ в зависимости от того, как часто эксперты сталкиваются с социологическими публикациями в СМИ

Доверие к результатам СИ в зависимости от особенностей потребления социологической информации

Следующая проблема связана с неэффективным выстраиванием коммуникаций социологов со СМИ. Журналисты, будучи одними из основных потребителей социологической информации, одновременно, являются ее ретрансляторами и реинтерпретаторами. Зачастую искажению результатов исследования, а также их неправильному толкованию социологи обязаны братьям журналистам. Наш опыт показал, что социологам необходимо выработать специальную стратегию действий по отношению к представителям СМИ, чтобы избежать возможных недопониманий и разногласий. По нашим оценкам, среди журналистов наиболее распространены следующие «вредные» привычки при обращении к социологическим данным:

1. Незнание основных категорий социологии, отсутствие представления о методах проведения социологических исследований. Часто во время озвучивания данных мы сталкиваемся с журналистами, далекими от таких понятий как выборка, репрезентативность, методы опроса и т.д. Чтобы быть понятым приходится проводить для них краткий курс социологии. Типичный вопрос журналиста, который представляет данную категорию: «И Вы, опросив, всего 1500 человек, делаете выводы по всему Казахстану?». Еще один «шедевр» – «Вы, наверное, казахов не опрашивали, поэтому у вас такие данные...». Базовая, и как показывает практи-

ка, трудно устранимая привычка, из-за которой результаты массовых опросов не воспринимаются в качестве весомого факта, доказательства в описании действительности.

2. Вырывание из контекста с целью подогнать данные исследования под определенный тезис. В нашем случае в последний раз это проявилось, когда ряд популярных газет «подкололи» нашу компанию за то, что по нашим данным более 85% казахстанцев имеют хороший и средний заработок и якобы живут «в шоколаде». Понятно, что журналист в своей статье не упомянул, что это была субъективная оценка респондентами своего материального положения, и что 60% из этих 85% оценили свое положение как среднее, и что в условиях Казахстана среднее – это доход на уровне прожиточного минимума.

3. Измерение валидности (истинности) предложенных социологами данных в рамках своего мироощущения и представлений, либо по меркам редакционной политики СМИ. «Не верю я в ваши данные». «Почему?» – спрашиваем мы. «Потому что, мои родственники, друзья, я вот с ребятами встречался... говорят по-другому», «вот спросите любого на улице», «мы же оппозиционная газета!». Железный аргумент, с которым не поспоришь.

Распространение указанных привычек среди журналистов, и, кстати, среди многих экспертов, опять же во многом результат состояния социологической отрасли, которая не воспитывает соответствующую социологическую культуру среди своих потребителей. Тем не менее, очевидно, что даже при нынешних условиях можно работать над выстраиванием эффективной коммуникации с представителями СМИ. Выстраивать ее можно многими способами. Начиная от личных бесед, заканчивая системными и институциональными методами. Был случай, когда один эксперт, наотрез отказывавшийся верить нашим данным, после 20 минут «разжевывания» всех тонкостей исследования, все же признал и принял, на его первый взгляд «неверные» результаты СИ.

Таким образом, работа в указанных двух направлениях позволит позаботиться о третьей проблеме публичного позиционирования социологов – это повышение качества, доступности социологических материалов. Имеется в виду не только улучшение содержательной части публикаций, но и переход к более высокому уровню подачи данных исследований с развитием соответствующей инфраструктуры – создание и наполнение сайтов, электронные рассылки, специализированные журналы и издания. В итоге социология должна не только давать ответы на имеющиеся вопросы о казахстанском обществе, но и быть оперативной, актуальной и доступной. Предыдущий опыт развития отрасли показал, что не стоит

ждать помощи со стороны, это – вопрос самоорганизации самого социологического сообщества. Я думаю, что сегодняшний круглый стол – это один из первых шагов в этом направлении.

Проблема субъектности казахстанской социологии⁴

Илеуова Гульмира

1. Добрый день, благодарю за возможность высказаться по такой интересной теме. Но хотела бы зайти сегодня не со стороны общества и его актуальных запросов, а с точки зрения того, что предлагают те, кто предлагает социологическое измерение общества, т.е. мы исследователи и исследовательские организации.

2. Позволила себе покреативить и использовать сравнение из сферы высшей нервной деятельности человека.

Как известно, есть первая, базовая, сигнальная система. Применительно к Казахстану и к социологии, это те «рефлексы», которые возникли при освоении нами действительности, которые мы, как социологи, выработали применительно к среде обитания, к нашему обществу, что и обеспечивало нам адекватное поведение в имеющихся социальных условиях. К среде обитания, в которой живем и к которой мы адаптировались, я бы отнесла – заказы, т.е., финансы; весь спектр разных заказчиков; сами исследовательские организации и предлагаемая нами инфраструктура исследований; исследовательские технологии и все, что нам, социологам, позволяет жить, а иногда и выживать. Заметьте, к этой среде обитания я могу лишь в слабой мере отнести СМИ, НПО или другие институты гражданского общества – с их стороны практически нет интереса к работе социологов (редко заказывают), социологические исследования редко цитируются, востребованность в социологии однобокая и ситуативная (например, электоральная). Таким образом, остаются один на один два актора: заказчик, зачастую в лице государства, государственных органов или корпоративный сектор, и мы – исполнители. И понятное дело, что в таких условиях вторая сигнальная система – язык, образы, понимание –

⁴ Выступление на круглом столе, организованном КИСИ при Президенте РК по актуальным вопросам развития социологии в Казахстане. 29.10.2020г.

как минимум, не развивается, приходит в упадок, сокращается тезаурус, нет необходимости к чему-то стремиться, искать. Зачем? Если все, начиная от цели и задач исследования, иногда и гипотез, и заканчивая количеством страниц и стиля изложения, уже за нас решили наши заказчики. (Кстати, часто стала сталкиваться с требованием научного стиля).

3. Итак, вторая сигнальная система нашего социологического сообщества нуждается в развитии, для этого нужна рефлексия сложившегося состояния. Хотела бы остановиться на некоторых вещах, которые касаются все исследовательские организации.

- Бюрократия наступает. Чтобы, как ей кажется, улучшить качество работ выставляются немыслимые ранее, но принимаемые почти как должное сейчас требования 100% контактов респондентов; 50% телефонный контроль полевых работ!!! (а как же анонимность?). Конечно, можно сказать, что это касается бумажных опросов. Но мы же не знаем, до чего еще может дойти бюрократ в своем контролирующем раже?!
- Запрет на проведение опросов в соцсетях, регулирование экзит-полов и в этой связи вспоминается инициатива по стандартизации работы организаций, маркетинговых и др.
- Требование «научности» изложения текстов социологических отчетов, которые при рассмотрении оказывается обычным канцеляритом
- Аккредитации в Комитете науки. Может кто-то знает?

С другой стороны, в то же время со стороны немногочисленных потребителей все-таки, есть запрос на социологическую информацию, ее дефицит, много неосвоенных тем;

- есть требования по открытости данных, их верифицируемости и сопоставимости;
- разобщенность сообщества, нет среды обсуждения.

Ответы на эти запросы позволят развить нашу вторую сигнальную систему, наш язык, наш понятийный аппарат.

В общем, что-то надо делать. Я вижу изменения. В частности, по проведению тендеров, но эти меры, давая нам зарабатывать, не дают нам развиваться в когнитивном плане, не дают возможности развиваться научно.

- Смотрю на темы студенческих работ – как говорили раньше, мелко-темье и неглубокая рефлексия, берутся одни и те же направления, нет приращения знаний об обществе.
- Перестали публиковаться предваряющие аналитические обоснования, просто дается решение (например, слышащее государство, что это?)
Что делать?
- Активизировать работу Ассоциации?

- Провести Конгресс?
- Скидываться и проводить социологические конференции регулярно?
- Журнал?
- Социологические премии для студентов? Настоящие?
- Открытая база данных социологических исследований.

Хочу все знать: о потребности в социологической информации в экспертном сообществе

Симакова Ольга

Фонду «Стратегия» в 2026 году исполняется 25 лет. И на протяжении всего этого времени Фонд, как и многие исследовательские организации, проводит политику открытости и дружелюбности по отношению ко всем заинтересованным в социологической информации и, по мере возможности, делится социологическими данными по актуальным вопросам с широкой общественностью. Но, также как некоторые эксперты задаются вопросом о доверии результатам социологических исследований, мы, социологи, все чаще задаемся вопросом о востребованности социологических данных у целевой аудитории. Особенно в сегодняшних условиях, когда технологии искусственного интеллекта становятся основным инструментом работы с информацией.

Сразу оговоримся, что под целевой аудиторией мы понимаем круг лиц, которые по роду своей профессиональной деятельности заинтересованы (нуждаются) в получении и использовании социологической информации. Это – журналисты, аналитики, государственные служащие, политические и общественные деятели, бизнесмены, ученые, т.е. та референтная группа, которая пользуется социологической информацией для своих нужд, влияет на формирование общего мнения о социологической отрасли и обеспечивает ее работой.

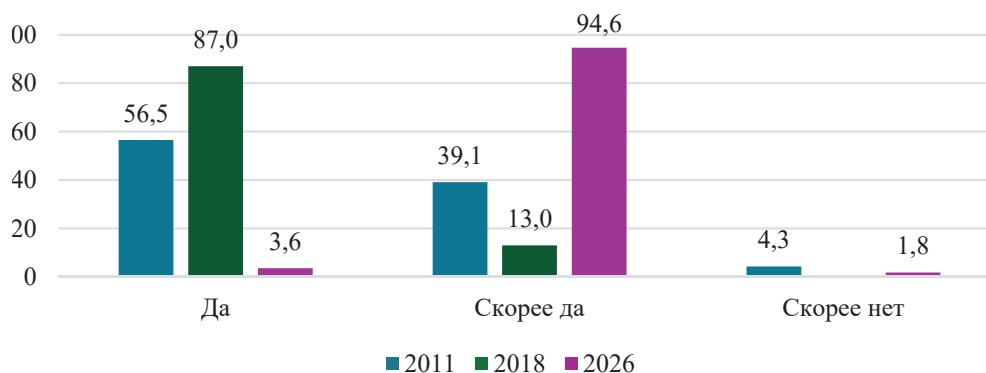
Впервые опрос по теме отношения к социологической информации в экспертной среде был проведен в 2011 году. Тогда в опросе приняло участие 69 экспертов (всего адресно было разослано 75 анкет). Вторая волна была проведена в 2018 году; заполненные анкеты прислали 54 эксперта (всего адресно было разослано 72 анкеты). И вот, в 2026 году мы прове-

ли третью волну опроса. Было разослано 75 анкет; из них результативных – 56. Отметим, что для целей мониторинга все вопросы и варианты ответов в анкете были сохранены в редакции 2011 года; в некоторых случаях варианты были дополнены с учетом текущих реалий.

Какие же изменения произошли в отношении к социологической информации за прошедшие 15 лет?

Согласно результатам опросов, сомнений в том, что социологическая информация вызывает интерес у целевой группы, нет: во всех трех замерах доля тех, кто не интересуется подобными материалами, варьирует на уровне статистической погрешности. В то же время мы можем наблюдать, что интенсивность этого интереса меняется. Если в 2011 году каждый второй (56,5%), а в 2018 году подавляющее большинство (87%) участников опроса оценивали свой интерес к социологической информации как однозначный (вариант «да»), то по результатам 2026 года мы можем наблюдать, что увлеченность социологическими материалами сменилась любопытством: 9 из 10 опрошенных, отвечая о своем интересе к подобной информации, выбрали вариант «скорее да» (94,6%).

Диаграмма 1. – Интересны ли Вам публикации результатов социологических исследований? %

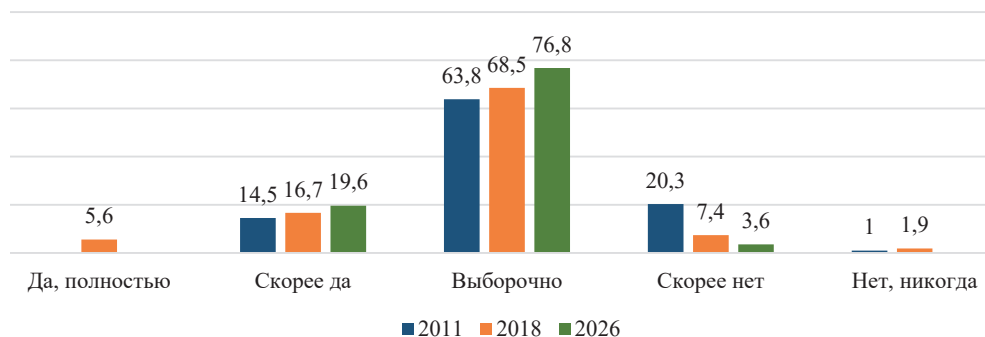

Чем может быть вызвано изменение интереса к социологической информации у целевой аудитории? В качестве предикторов были взяты пять переменных: доступ к социологическим материалам через СМИ, потребность в такой информации, использование социологических данных в профессиональной деятельности, удовлетворенность качеством социологических данных и в целом доверие социологическим исследованиям, проводимым в стране. Результаты множественного линейного регрессионного анализа показали, что модель статистически значима: ($F = 5,391$, $p < 0.05$). Предикторы объясняют 35% дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0.35$). Зна-

чимый вклад в изменение зависимой переменной вносят такие факторы, как доверие социологической информации ($\beta = 0.28$, $p < 0.05$) и доступность социологической информации в СМИ ($\beta = 0.29$, $p < 0.05$). Факторы использования социологических данных в работе, оценка качества данных и потребность в социологической информации оказались незначимыми ($p > 0.05$).

Если говорить о доверии, то сравнительный анализ результатов трех волн экспертного опроса показал, что с 2011 года уровень доверия результатам социологических исследований, проводимых в стране, медленно, но повышается. Большинство участников отметили, что их доверие выборочно (76,8%). И на это, в первую очередь, влияет репутация компании, которая проводила исследование («Все известны, но, например, PaperLab – какой-то оппозиционный центр, там важнее критиковать, чем давать данные. Прогосударственные структуры, включая по госзаказу (КИСИ, КИОР, Аманат, ЦИОМ, Общественное мнение) использую чаще, потому что в профессиональной деятельности важно понимать на чем основывают свои решения государственные стейкхолдеры. Стратегия, Бриф, Сандж, хоть и очень редко публикуются, интересно читать из-за интерпретаций, какие-то моменты неочевидные выявляются»). Эту причину как главную назвало большинство участников во всех трех опросах, отвечая на вопрос о том, что определяет доверие или недоверие к публикуемым в Казахстане социологическим данным. Отметим, что по результатам опроса в 2026 году, в топ-3 организаций, предоставляющих социологическую информацию, к которым чаще всего обращаются эксперты, вошли ОФ «ЦСПИ «Стратегия», Исследовательский центр Paperlab и Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ). И надо признать, что такой результат закономерен, так как эти организации одни из немногих, которые предоставляют результаты социологических исследований для широкой публики.

Диаграмма 2. – В целом, Вы доверяете результатам социологических исследований, проводимых в Казахстане? %

Но есть и изменения в выборе причин доверия. Так, в 2011 и 2018 годах больше внимание уделяли самим результатам исследования, которые служили основой для доверительного отношения. В 2026 году же стали чаще смотреть на то, кто и где комментирует результаты исследований. Большее значение в целевой группе стали придавать отношению к специалисту-социологу, комментирующему данные, что указывает на растущий авторитет социологов как экспертов. Также большее значение в контексте доверия стала иметь репутация СМИ, в котором публикуются эти данные. Только каждый третий из участников опроса в 2026 году в качестве причины доверия называет наличие описания параметров исследования (36%); в 2018 году на эту причину указывали 43%.

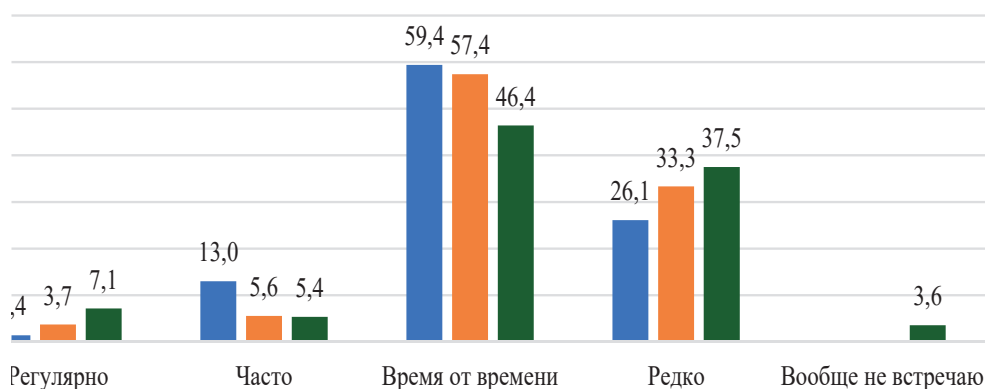
Учитывая, что по мнению участников всех трех замеров в тройку основных недостатков публикуемых в Казахстане результатов социологических исследований входит ангажированная интерпретация данных (*«Быть менее ангажированными»*, *«Аффилированность с квазигоссектором не вызывает доверия»*), а в 2026, как и в 2011 году, первое место занял такой недостаток как «заказной» характер получаемых результатов (48%; в 2011 – 65%), основной причиной недоверия социологической информации в целевой аудитории можно назвать подозрения в отсутствии объективности распространяемых социологических данных. Как показывает практика, экспертов часто интересует вопрос о том, кто выступает заказчиком исследования, из чего делаются соответствующие выводы.

Еще одной причиной недоверия, получившей актуальность в 2026 году, стала невозможность перепроверить результаты исследований (41%): *«редко сопоставление с результатами исследований других компаний»*. В 2011 и 2018 гг. данному аспекту уделялось значительно меньше внимания по сравнению с той же оценкой качества анализа данных и регулярностью их публикации. В целом, по сравнению с 2011 годом доля тех, кого не удовлетворяет качество публикуемых у нас в стране материалов по результатам социологических исследований, снизилась (с 31,9% в 2011 г. до 25% в 2026 г.), но большинство экспертов продолжают говорить о том, что они удовлетворены качеством социологической информации не полностью, а лишь частично (64–71%).

Доступность социологической информации в СМИ является еще одним значимым фактором, который поддерживает интерес целевой группы к социологической информации. И как показывает динамика результатов ответов на вопрос о том, как часто в казахстанских СМИ эксперты встречают публикации социологического характера, их представленность в прессе снижается. И хотя 7% участников опроса подтвердили, что сталкиваются с такой информацией в СМИ регулярно, заметно сни-

зились доли тех, кто выбирал варианты ответа «часто» (с 13% в 2011 г. до 5,4% в 2026 г.) и «время от времени» (с 59,4% в 2011 г. до 46,4% в 2026 г.). При этом увеличилась доля тех, кто отметил, что редко встречается в СМИ материалы социологического характера (с 26,1 в 2011 г. до 37,5% в 2026 г.).

Диаграмма 3. – Как часто в казахстанских СМИ Вы встречаете публикации социологического характера? %

Телевидение и газеты, как источники распространения социологической информации, согласно опросу, окончательно уступили место интернет-изданиям и социальным сетям. В 2026 году в топ-3 источников, где чаще всего участники опроса встречают социологическую информацию, также вошли подкасты с экспертами.

Но несмотря на снижение доступа к социологической информации через СМИ и наличие тех или иных претензий со стороны экспертов к качеству исследований, которые попали в открытый доступ, потребность в этих данных у целевой аудитории сохраняется. За эти годы увеличилась доля тех, кто использует результаты социологических исследований в своей профессиональной деятельности (с 34,8% в 2011 г. до 42,9% в 2026 г.): *«принимаю для сведения в своей работе, ... просто беру на вооружение данные при построении переговорной позиции или аргументации для своих документов (чаще интерпретации и без прямого цитирования)»*. Также стало больше желающих получать социологические данные на регулярной основе (с 49,3% в 2011 г. до 60,7% в 2026 г.). Выросла заинтересованность в доступе к обзорным и аналитическим материалам, таблицам с распределениями и презентациям на основе социологических данных: *«Больше давать таблиц с результатами исследований за разные периоды для наглядного сравнения»*,

«Качество самих исследований не вызывает сомнений. Хотелось бы более легкого и понятного текста в обзорах, описаниях исследований», «Чаще использовать инфографики, выходить в СМИ».

Если говорить о темах социологических исследований, то в 2026 году, по результатам сравнительного анализа, у целевой аудитории сохраняется интерес к вопросам отношения к власти и протестности в обществе, ситуации в регионах и вопросам стратификации общества. Снижился интерес к вопросам социального самочувствия населения, межэтническим и межконфессиональным отношениям, ценностям и установкам молодежи. При этом больший интерес стали вызывать такие темы как политические установки и ценности, идентичность и идентификационные процессы, экономическое поведение населения.

Диаграмма 4. – Какая тематика исследований интересует Вас в наибольшей степени?

Для чего вообще нужны социологические исследования? Борис Андреевич Грушин, методолог изучения общественного мнения, автор таких книг как «Мнение о мире и мир мнений» (1967) и «Массовое сознание» (1987), рассматривал социологические исследования как необходимый инструмент для понимания общества во всем его многообразии настроений и ценностей широких слоев населения, преодоления социальных и идеологических мифов и развития науки. Он считал, что невозможно развивать государство или решать социальные проблемы, не зная реальных запросов общества. К сожалению, в реалиях Казахстана, как подтверждают эксперты, социологические исследования еще не приобрели значимого веса как инструмент управления. Государство недооценивает, а население не понимает важность социологии: *«не хватает социологической среды для развития экспертизы. Простому населению непонятно, зачем проводить исследования, и на базе чего государство принимает решения»*. Большинство участников опроса признают несущественное влияние результатов исследований как на решения органов управления (58,9%), так и на политику государства в целом (66,1%).

И тем не менее, у целевой аудитории интерес и потребность в социологической информации объективно присутствует. Еще в запросах экспертов часто звучит слово «регулярность»: *«Регулярно сообщать о проводимых исследованиях», «регулярность и сравнительный анализ в ретроспективе», «регулярные публикации по темам исследований»*, – что также указывает на потребность не просто в материалах на основе отдельных тематических опросов, а на мониторинговых опросах, чтобы *«расширить спектр тем для регулярного мониторинга (квартального/ежегодного) для составления долгосрочной динамики изменений»*. И да, у экспертов могут меняться тематические пристрастия, отношение к тем или иным исследовательским организациям, претензии к качеству и количеству данных в широком доступе, но одно остается очевидным: 9 из 10 участников опроса хотели бы получать социологическую информацию на регулярной основе или по необходимости.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2006–2010 гг.

Экономия как образ жизни современного жителя Казахстана*

ОФ «ЦСПИ «Стратегия»

Одним из основных последствий экономического кризиса во всем мире стало снижение уровня потребления. По различным данным, за последние 2 года общий спрос на товары и услуги в странах Европы упал в среднем на 20–30%. В Казахстане такие подсчеты не ведутся, тем не менее, на основе полученных социологических данных, можно утверждать, что население республики в новых экономических условиях заметно сократило свои расходы. Люди стали бережнее относиться к своим финансам, что выразилось в сокращении ими расходов по широкому спектру товаров и услуг, в том числе и на продукты первой необходимости.

Об этих и других особенностях экономического поведения казахстанцев стало известно в результате массового опроса взрослого населения страны, который проводился Общественным фондом «Центр социальных и политических исследований «Стратегия» в ноябре 2009 года. Исследование было проведено по всему Казахстану. Всего опрошено 1543 человек. Для отбора респондентов была использована многоступенчатая, квотная выборка (тип населенного пункта (город/село), пол, возраст, национальность). Ошибка выборки составляет $\pm 3\%$.

Как показал опрос, потребительское поведение граждан страны оказалось достаточно «чувствительным» к кризису. Почти 90% опрошенных жителей сообщили, что в современных условиях пересмотрели стратегию распоряжения собственными финансами. Если из них 49% стали экономить по всему набору расходов, то 38% сказали о выборочной экономии средств («на чем-то экономят, на чем-то нет»). Лишь у каждого десятого жителя страны, по данным опроса, расходная часть семейного и личного бюджета не подверглась секвестру.

Какие группы населения чаще остальных вынуждены прибегать к экономии в условиях кризиса? Интересно, что склонность к бережливости не имеет ярко выраженной привязанности к какой-либо демографиче-

* <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/958-ekonomiya-kak-obraz-zhizni-sovremennogo-zhitelya-kazakhstan>

ской характеристике респондентов. Можно лишь отметить незначительное преобладание доли «экономного» населения среди женщин и представителей пожилой возрастной группы. В территориальном отношении также существенных различий по данному показателю не выявлено, за исключением того, что в областных и районных центрах люди несколько чаще стали экономить, чем в столичных городах.

Главным признаком, определяющим экономность потребителей, как показал опрос, является уровень их материальной обеспеченности. Как и следовало ожидать, бедные и низкообеспеченные слои населения гораздо чаще вынуждены ограничивать свои потребительские запросы по сравнению с более состоятельными группами.

Всего, по результатам опроса, среди населения было выделено 4 доходно-имущественных групп: бедные (ежемесячный доход семьи в расчете на каждого ее члена составляет менее 1 прожиточного минимума⁵), низкообеспеченные (от 1 до 2 ПМ), среднеобеспеченные (от 2 до 3 ПМ) и богатые (от 3 ПМ и более)⁶. Как представлено в следующей Диаграмме, уровень экономии потребителей растет пропорционально снижению доходов их семьи. Если среди бедных групп населения 60% находятся в режиме полной экономии, то среди богатых этот показатель составляет 21%, т.е. ниже в 3 раза. В то же время вызывает интерес, что разница в склонности к экономии между низко- и среднеобеспеченными категориями граждан небольшая: 50% в первом и 46% во втором случае сообщили о переходе своей семьи в режим строгой экономии. Это позволяет говорить о схожести экономического поведения, которое демонстрируют две группы населения в условиях кризиса.

**Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос
«В нынешних условиях стали ли Вы экономить?»,
в разрезе доходно-имущественных групп, %**

	Богатые (более 3 ПМ)	Среднеобеспеченные (от 2 до 3 ПМ)	Низкообеспеченные (от 1 до 2 ПМ)	Бедные (до 1 ПМ)
Стали экономить	21	46	50	60
В чем-то стали экономить, в чем-то нет	44	41	39	34
Нет	33	12	9	5

5 В декабре 2009 года 1 ПМ в Казахстане составил около 12 тыс. тенге

6 Расчеты по группировке населения по уровню доходов были осуществлены на основе полученных данных по следующим вопросам анкеты: «Сколько денег, в среднем за месяц, получает вся Ваша семья из всех источников дохода?» и «Сколько человек проживает вместе с Вами, включая Вас лично и всех детей?»

Как видим, несмотря на существующие различия, экономное расходование средств в той или иной мере характерно для каждой из рассмотренных имущественных групп населения. Однако в данном случае необходимо учитывать наличие фактора субъективизма при определении респондентами понятий «экономия» и «экономить в новых условиях». Очевидно, что для каждой доходно-имущественной группы существует собственное понимание экономии, которое формируется исходя из личной «корзины потребления». В связи с этим возникает вопрос о том, на чем именно стали экономить представители вышеуказанных групп.

Прежде чем перейти к описанию специфики отдельно взятых групп, предлагаем рассмотреть общий рейтинг бюджетных статей, которые подверглись сокращению в связи с кризисом в стране. Как представлено в таблице, первое место в рейтинге принадлежит сразу трем категориям – *крупная бытовая техника, отдых/отпуск, одежда и обувь*. Именно эти статьи, в новых экономических условиях, оказались наиболее подверженными урезанию. По данным опроса, более 40% из группы «экономящих вообще» (вопрос задавался только тем, кто стал экономить в связи с кризисом) стали ограничивать в настоящий момент расходы по указанным позициям.

Следующие места в рейтинге принадлежат таким видам потребления, как *покупка движимого, недвижимого имущества, досуг/развлечение и продукты питания* (38, 34 и 32%, соответственно). Далее по убывающей идут такие статьи, как *мелкая бытовая техника, предметы роскоши, лечение/медикаменты, коммунальные расходы*. В наименьшей степени попали под сокращение *расходы на связь, на транспорт и образование*.

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос «На чем Вы стали экономить в связи с кризисом?», % в целом и в разрезе доходно-имущественных групп

	Об- щий	Бедные	Низко- обеспечен- ные	Средне- обеспе- ченные	Бога- тые
Крупная бытовая техника	41,9	42,3	46,8	47,1	43,3
Отдых, отпуск	41,2	35,3	45,2	49,3	36,7
Одежда и обувь	41,1	51,6	38,4	29,4	16,7
Большие покупки (недвижимость, автомобиль и т.п.)	37,9	40,2	44,1	38,2	36,7
Досуг и развлечения	34,1	34,8	40,1	32,4	26,7
Продукты питания	32,0	41,1	27,7	22,1	26,7
Мелкая бытовая техника	25,1	26,6	31,2	26,5	6,7

	Об- щий	Бедные	Низко- обеспечен- ные	Средне- обеспе- ченные	Бога- тые
Предметы роскоши	22,9	21,7	25,0	30,1	20,0
Лечение, медика- менты	19,1	29,9	17,7	15,4	13,3
Коммунальные расходы	14,8	19,4	11,8	10,3	6,7
Связь (в том числе и мобильная)	14,3	15,0	15,3	16,9	3,3
Расходы на транспорт	11,1	15,7	10,8	14,7	6,7
Образование	10,0	13,8	10,2	6,6	16,7
Другое	1,3	1,2	1,6	0,7	-
Ни на чем	0,7	-	1,1	1,5	6,7
Загрудняюсь ответить	2,1	2,6	0,5	1,5	

Сравнительный анализ показывает, что экономия в одной доходно-имущественной группе значительно отличается от экономии в другой. Так, бедные слои населения, по данным исследования, значительно чаще, чем остальные имущественные группы, стали сокращать затраты на товары первой необходимости – на одежду, обувь и продукты питания. Также в этой группе более распространена экономия на лечении, медикаментах и коммунальных расходах. Очевидно, что бедные, будучи финансово ограниченной группой, экономят на потребностях первостепенной важности – одежде, еде и лекарствах. Впрочем, несложно догадаться, что расходы на эти статьи занимают львиную долю потребительской корзины данной категории граждан (при ежемесячном доходе менее 1 ПМ на человека). То есть экономия в данном случае является не *бережливим ведением хозяйства, в основе которого лежит уменьшение издержек, расходов*, как указано в терминологических словарях, а вынужденным сокращением потребления в ущерб своему здоровью и своим жизненным потребностям. В этом и заключается специфика экономии в группе бедных.

Перечень статей расходов, максимально подвергшихся сокращению в условиях кризиса, среди низкообеспеченных слоев оказался совершенно другим, чем в предыдущей группе. Как показал опрос, здесь уменьшились затраты, прежде всего, на *крупную бытовую технику, отдых и большие покупки (авто, квартира)*. Также значительно чаще, чем в других группах отмечаются варианты *досу/развлечение и мелкая бытовая техника*.

Полученные данные свидетельствуют, что структура потребления второй группы сильно отличается от первой (бедные). Экономия в случае

второй группы направлена на потребности более высокого уровня, требующих больших финансовых вложений. Говорит ли это о том, что низкообеспеченные слои в докризисный период намеревались потратиться на дорогостоящие покупки, но решили от них отказаться с наступлением кризиса? Скорее нет, так как финансовые возможности данной группы недостаточны для таких затрат. (Если, конечно, не допустить, что речь идет о кредитах, на которые в кризисное время люди перестали надеяться). Скорее речь идет о неудовлетворенности социальных запросов т.н. нижнего среднего класса, который, обладая относительно небольшим источником доходов, и будучи плохо обеспеченным материальными благами, постоянно стремится достичь более высокого уровня жизни. В связи с ухудшением общей экономической конъюнктуры, можно предположить, что эти ожидания имеют еще более туманную перспективу для рассматриваемой имущественной группы, что и отразилось на полученных в ходе опроса данных.

Подтверждением данного тезиса служат результаты по этому вопросу в среднеобеспеченной и богатой группах. Так, например, видно, что чем выше уровень материальной обеспеченности, тем реже респонденты склонны делать отметку в предложенном списке бюджетных статей (процентная наполняемость вопроса снижается с повышением уровня доходов). Соответственно, для этих групп характерно гораздо меньшее число бюджетных статей, попавших под сокращение в условиях кризиса. В первом случае – это крупная бытовая техника, отдых/отпуск, предметы роскоши, во втором – образование. Вполне очевидно, что социальные запросы среднеобеспеченных категорий граждан направлены на улучшение качества своего потребления. Поэтому экономия в данной группе связана с ограничением потребления более качественных товаров и услуг и, частично, отказом от некоторых излишеств (например, предметы роскоши). Что касается экономящей части богатых, то в новых условиях, в представлении данной категории, именно расходы на образование показали менее необходимыми и, соответственно, подлежащими урезанию.

Таким образом, резюмируя полученные данные, можно отметить, что экономический кризис оставил глубокий отпечаток на потребительском поведении казахстанских граждан. Если на уровне доходов последствия кризиса слабо ощутимы (по данным предыдущих исследований ОФ «Стратегия»), то на уровне потребления кризис отразился в куда большей степени. Конечно, не вызывает сомнения, что сдержанность в своих затратах была характерна рядовому казахстанскому потребителю и в докризисный период. Однако строгая экономия на уровне каждого пятого богатого и почти каждого второго среднеобеспеченного гражданина указывает на

еще большее распространение бережливости в обществе, как реакции на сложившиеся в стране экономические условия, которые в ближайшей перспективе не вселяют большого оптимизма. А пока... «а пока, затянем туже пояса», – говорит рядовой казахстанец и в привычном для себя режиме продолжает искать, где и что купить подешевле.

Уровень доходов казахстанского населения: социологический аспект⁷

Бейсембаев Серик

Одним из главных негативных результатов политических и экономических реформ, осуществленных в стране за последние 20 лет, стало увеличение разрыва между уровнем жизни обеспеченных и необеспеченных слоев населения. В повседневной практике фактов, свидетельствующих о глубокой материальной дифференциации казахстанского общества, более чем достаточно. Однако, как ни странно, в научной и экспертной среде отсутствует полноценная информация, позволяющая оценить реальные масштабы имущественного расслоения населения в условиях Казахстана. Предоставляемые органами статистики данные о благосостоянии населения фиксируют лишь отдельные показатели уровня жизни (средняя заработная плата, размер прожиточного минимума, уровень безработицы и т.п.), что дает лишь обрывочное представление об особенностях распределения материальных благ в обществе.

Общественный фонд «ЦСПИ «Стратегия» проводит регулярные опросы общественного мнения, где вопросам имущественного расслоения населения уделяется особое внимание. Полученные результаты не только позволяют отследить динамику уровня доходов населения в течение наблюдаемого периода, но также дают возможность описать «имущественную пирамиду» казахстанского общества и ее основные характеристики.

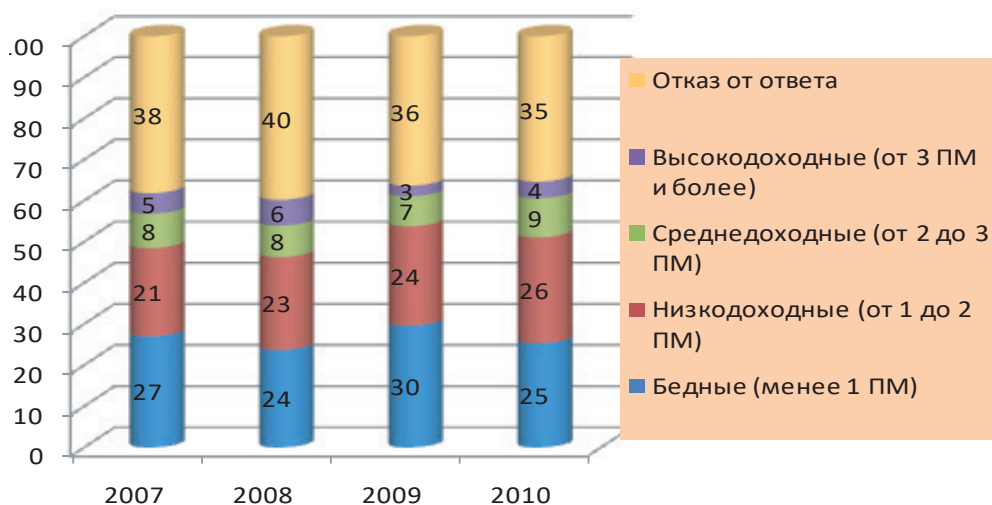
Надо отметить, что в условиях Казахстана вопрос о доходах традиционно относится к разряду «неудобных» – люди неохотно делятся информацией, касающейся личных заработков. В ходе опросов в среднем более трети опрошиваемого населения отказывается отвечать на вопрос о том,

⁷ Бейсембаев С. Уровень доходов казахстанского населения: социологический аспект. 26.05.2010. – <https://www.ofstrategy.kz/ru/publications/ourarticles/society/item/252-publication5>

каким является среднемесячный доход семьи в денежном эквиваленте. Согласно последним данным, если около 65% респондентов предоставили информацию о своих доходах, то 35% отказались. С исследовательской точки зрения такая закрытость, помимо банальной неинформированности (например, молодежь), связана со спецификой экономических отношений, когда широкая распространенность теневых способов заработка и непрозрачность экономической деятельности порождает своеобразное общественное табу в вопросах дохода. Примечательно, что чаще всего отказ от ответа встречается среди жителей столичных городов (почти каждый второй!).

Классификация «открытых» ответов респондентов (называли сумму сами в произвольной форме) была произведена с помощью показателя прожиточного минимума (ПМ=12 141 тг.), размер которого выступил единицей измерения уровня имущественного расслоения. В результате среди населения было выделено 4 доходные группы, условно обозначенные, как *бедные*, *низкодоходные*, *среднедоходные* и *высокодоходные*. Как показывают результаты, начиная с 2007 года доля каждой из указанных групп в составе населения подверглась незначительным изменениям (Диаграмма 1). Стоит лишь отметить, что в 2009 году произошло снижение уровня доходов населения по сравнению с предыдущими годами. В частности заметно уменьшилось число высокодоходных групп (с 6 до 3%) и увеличилось количество бедных (до 30%). В текущем году видно, что материальный достаток населения после периода спада немного восстановился.

Диаграмма 1. – Динамика уровня доходов населения

Что представляет собой каждая группа с точки зрения социальных и демографических характеристик?

Как показывает анализ данных, основными дифференцирующими факторами в условиях Казахстана являются: место проживания, социально-профессиональный статус и, в некоторой степени, уровень образования респондентов. Так, в числе бедных сравнительно чаще встречаются безработные и домохозяйки, жители сел (37%!), а также люди со средним образованием.

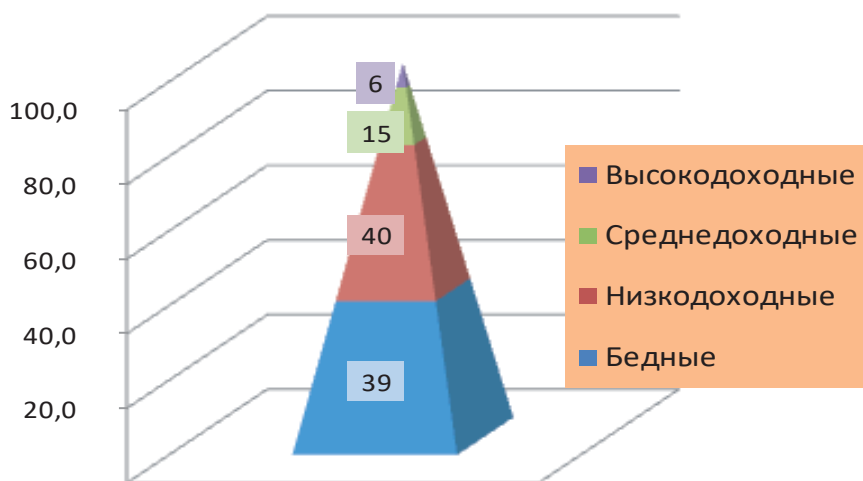
В низкодоходную группу в большей степени подпадают работники бюджетной сферы, а также пенсионеры. По другим признакам значимых корреляционных связей в данной группе не выявлено.

Среднедоходная группа относительно чаще представлена руководителями/менеджерами, работниками сферы услуг/торговли и пенсионерами. Также относительно высокий уровень людей со средним уровнем доходов зафиксирован среди жителей столичных городов. Здесь доля данной категории граждан встречается в 2 раза чаще, чем в среднем по республике.

В высокодоходную категорию граждан значительно чаще попадают предприниматели, руководители/менеджеры (в 2,5 раза выше общереспубликанского показателя), государственные служащие (в 2 раза), а также работники частных компаний (в 1,5 раза). В данном случае интерес вызывает широкая представленность среди высокодоходной группы государственных служащих, официальный заработок которых, по логике, предполагает гораздо меньший уровень благосостояния.

Также при рассмотрении характеристик различных имущественных групп был проведен анализ социальной структуры респондентов, отказавшихся отвечать на вопрос о своих доходах. По результатам можно утверждать, что данная группа не имеет какого-либо ярко выраженного социального признака и ее характеристики вполне соотносимы с общим массивом. Это говорит о равной представленности в различных слоях населения доли «отказников». Соответственно, есть все основания для экстраполяции данных о размере семейного дохода на весь объект исследования. С учетом этого «имущественную пирамиду» казахстанского общества можно представить в следующем виде:

Диаграмма 2. – Структура населения по уровню доходов

Как видим, почти 40% жителей страны по уровню ежемесячного семейного дохода находятся за чертой официально установленной черты бедности: их доходы не превышают 12 000 тенге в месяц на члена семьи. Это при том, что прожиточный минимум в Казахстане достаточно низок, даже по сравнению с соседней Россией, где он составляет почти 25 000 в перерасчете на нашу валюту (в связи чем собственно говоря уровень ПМ в Казахстане подвергается острой критике). О низком уровне материального достатка данной группы свидетельствует тот факт, что преобладающая ее часть (60%) постоянно испытывает нехватку денежных средств и удовлетворяют лишь минимальные социальные потребности (см. таблицу ниже).

Доля низкодоходных слоев также составляет 40% от общего числа населения. Здесь на каждого члена семьи приходится от 12 тыс. до 24 тыс. тенге в месяц, что позволяет иметь средний потребительский потенциал, при котором удовлетворяются основные социальные потребности (питание и покупка товаров первой необходимости), однако крупные покупки все же являются роскошью. Следует отметить, что каждый третий из этой группы оценивает свои потребительские возможности как низкие.

К среднедоходной группе на сегодняшний день можно отнести 15% населения страны. Согласно полученным показателям, несмотря на относительно высокий доход (от 24 до 36 тыс. тенге в месяц на одного члена семьи), потребительский потенциал данной группы также имеет в большей степени средние показатели. Единственное отличие от предыдущей группы – почти 2-х кратное превышение доли граждан, позволяющих

себе хороший уровень потребления. Также обращает внимание наличие в данной группе большого числа респондентов, затруднившихся оценить свои потребительские возможности.

И, наконец, высокодоходными, на сегодняшний день можно считать лишь 6% населения. 39% из них, как стало известно, имеет высокий потребительский потенциал, а 36% – средний. Как правило, элитные группы населения слабо доступны для массовых опросов, поэтому можно допустить, что доля высокодоходных слоев, представленных в исследованиях, может быть выше на 2-3%.

Таблица 1. – Соотношение уровня доходов и потребительского потенциала

Потребительский потенциал	Уровень доходов				
	До 1 ПМ	От 1 до 2 ПМ	От 2 до 3 ПМ	От 3 ПМ и более	Общий
Низкий потребительский потенциал («Денег до зарплаты не хватает, приходится заниматься» и «На повседневные затраты уходит вся зарплата»)	59,2	35,1	19,2	14,5	35,1
Средний потребительский потенциал («На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна» и «В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов»)	31,5	49,7	45,9	35,5	45,0
Высокий потребительский потенциал («Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи» и «Практически, ни в чем себе не отказываем»)	7,7	10,9	18,5	38,7	13,2
Не знаю, отказ от ответа	1,5	4,3	16,4	11,3	6,7

Таким образом, полученная имущественная структура населения свидетельствует о достаточно низком уровне материального благополучия населения в целом. Данный вывод противоречит широко растиражированному официальными источниками мнению о существенном росте

благополучия народа Казахстана за последние несколько лет. Как показывают данные, плодами уже пережитого страной экономического бума успешно воспользовались относительное меньшинство, в то время как основная масса населения продолжает оставаться на нижних ступенях по уровню жизни.

Если в начале Независимости речь шла о процессе углубления материальной дифференциации населения, то сейчас справедливо утверждать о стабилизации показателей материального неравенства. Сформировался узкий слой относительно обеспеченных и среднеобеспеченных граждан, число которых приблизительно в 5 раз меньше остальной, малобеспеченной группы населения. В этой ситуации негативными являются процессы замедления темпов снижения уровня бедности, наличие в обществе большой доли бедных, которые выключены из развития и у которых улучшение жизни не происходит в течение длительного времени.

В посткризисный период Казахстан ставит себе целью построить индустриальную экономическую систему с масштабным внедрением и использованием новых технологий в производстве. Однако с учетом сложившихся жизненных условий, в которых пребывает большинство населения, кажется более целесообразным акцентировать внимание на преодолении бедности и улучшении качества человеческого капитала в стране. Ведь пока половина населения озабочена проблемами выживания, любые попытки культурной, экономической и социальной модернизации обречены на провал.

Миграционные настроения и миграционная политика в РК: социологический анализ⁸

Илеуова Гульмира

Вопросы внешней и внутренней миграции актуализируются в РК все в большей степени. Согласно докладу Всемирного банка, республика занимает девятое место в списке ведущих держав, принимающих трудовых мигрантов. Кроме того, проводится политика по перемещению в страну репатриантов (казахи-оралманы). Существенны показатели и внутри-страновой миграции.

По расчетам как отечественных, так и зарубежных экспертов, Казахстан остро нуждается в привлечении иностранной рабочей силы. Это понимают и в Правительстве, так, по сообщению вице-министра труда и соцзащиты населения РК Биржана Нурымбетова: «Министерство труда и соцзащиты населения РК внесло в правительство проект постановления, предусматривающий либерализацию режима привлечения иностранной рабочей силы на территории РК».

Вместе с тем, при анализе документов заметно, что основной акцент в вопросах миграции делается на целесообразности их решения с точки зрения интересов государства. При этом не берется в расчет то, каким образом на привлечение дополнительной (иностранной) рабочей силы отреагирует население, для которого до сих пор вопросы трудоустройства/безработицы остаются самыми насущными и, соответственно, любые движения государства в этой сфере оцениваются исходя из уже имеющих стереотипов, и сопровождаются усилением массовых фобий.

В настоящей статье представлены результаты социологического исследования, в ходе которого были рассмотрены две взаимосвязанные темы: оценка миграционных настроений населения в настоящее время и отношение населения к основным направлениям миграционной политики государства. Общереспубликанский опрос населения проводился в сентябре 2009 года ОФ «ЦСПИ «Стратегия» в 14 областях и 2 гг. республиканского значения – Алматы и Астана. Выборка – многоступенчатая, квотная, репрезентированная по таким признакам, как место жительства, пол, возраст и национальность респондентов. Ошибка выборки составляет $\pm 3\%$.

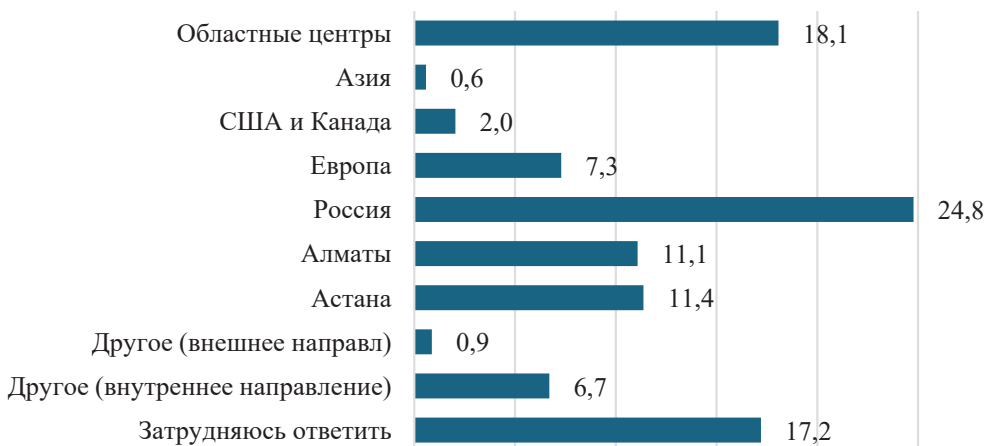
Ключевой вопрос, характеризующий миграционные настроения населения – «Скажите, пожалуйста, хотели бы Вы поменять место своего жительства?». Согласно полученным данным, подавляющее большинство респондентов (73%) никуда бы не хотело переезжать. Для сравнения, в августе 2004 года о том, что они не хотят никуда переезжать, нам сообщали только 58% опрошенных. Можно сделать осторожное предположение, что пик миграции в Казахстане пройден. Для подавляющего большинства переезд перестал быть основной и единственной формой решения жизненных проблем. Четверть опрошенных (23%) с различной долей условности («хочу, но еще не решил, когда» и «хочу, но не знаю, смогу ли это сделать») хотела бы поменять место своего жительства, при этом из них только 4% реально готовы на переезд. Обращает на себя внимание низкая доля затруднившихся с ответом (4%) – т.е. население, в целом, определилось по этому вопросу.

Диаграмма 1. – Распределение ответов по вопросу «Скажите, пожалуйста, хотели бы Вы поменять место своего жительства?», % от всех опрошенных

Куда бы хотели переехать казахстанцы? Из 23% опрошенных, которые сообщили о своем желании переехать, 25% назвали Россию. Вместе с тем, в суммарном выражении, миграционный интерес для наибольшего числа наших сограждан (47%) вызывают различные населенные пункты Казахстана, т.е. внутрискановые перемещения. Еще 11% опрошенных в качестве других направлений миграции назвали европейские и другие страны мира.

Диаграмма 2. – Распределение ответов по вопросу «Укажите, пожалуйста, куда Вы хотите/хотели бы переехать?», % от числа готовых к переезду

Основным, но не доминирующим (менее трети ответов), обстоятельством для тех, кто потенциально готов к переезду, являются вопросы, связанные с трудоустройством. Отсутствие работы, соответственно, доходов, приводящее к низкому уровню жизни и невозможности планирования будущего собственных детей – вот комплекс причин, которые побуждают казахстанцев принимать сложное решение о переезде из родных мест.

Таким образом, существует зафиксированная прямая связь между степенью социально-экономической удовлетворенности респондентов и их миграционными настроениями.

Как выглядит миграционная ситуация в разрезе групп, имеющих различное материальное положение? Анализ данных показывает, что:

- к миграции склонны более бедные слои населения (тем, у кого «денег не хватает до зарплаты» и «на повседневные нужды уходит вся зарплата»), но при этом речь чаще идет о декларировании миграционных настроений (в данной группе значительна доля тех, кто сомневается, что сможет это сделать). Более зажиточные («в основном на все хватает») и богатые («ни в чем себе не отказываем») слои реже заявляют о желании переехать;
- для бедных слоев свойственна декларация о переезде в областные центры и о внутристрановой миграции, из зарубежного направления – Россия. Для более богатых слоев предпочитаемые направления – г. Астана и европейские страны;
- различаются и причины/обстоятельства переезда: для зажиточных слоев – это плохая экология и отсутствие условий для планирования будущих своих детей; для более бедных – проблемы трудоустройства и низкий уровень жизни в месте настоящего проживания.

Чтобы узнать, каково отношение казахстанских граждан к проводимой в стране миграционной политике были выбраны 5 ее основных направлений, отраженных в «Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2007–2015 годы».

Одним из главных направлений государственной миграционной политики является переселение в РК этнических казахов. В ходе опроса выяснилось, что 56,3% опрошенных поддерживают данное направление, 31% – возражают против него, 13% – затруднились ответить.

Регулирование государством внутристрановой трудовой миграции поддерживает подавляющее большинство респондентов – 64%. Практически равным является количество тех, кто возражает против данного направления – 18% и затрудняется с ответом – 19%.

За привлечение иностранной рабочей силы выступает только около трети респондентов – 30%. Большинство опрошенных – 57% не поддерживает данное направление миграционной политики. Еще 13% затруднились с ответом.

Противодействие нелегальной миграции поддерживает 54% опрошенных, возражает против данной меры 28%, еще 18% – затруднились с ответом.

Применение избирательного подхода к переселенцам из других стран, с учетом их образования, профессии, инвестиционного и финансового капитала поддержали 55% респондентов; 23% возражают, пятая часть (22%) – затруднившихся.

Что касается отношения к направлениям миграционной политики различных групп населения, то можно заметить следующее различие: обеспеченные слои населения более либеральны в отдельных вопросах (по привлечению трудовых мигрантов или в отношении отдельных групп мигрантов) и в то же время более требовательны в вопросах правового регулирования миграционных процессов; бедные слои – жестче, категоричнее в вопросах миграционной политики и нетерпимее к различным группам мигрантов.

В целом, можно сказать, что, как минимум, одно из центральных направлений государственной миграционной политики – привлечение иностранной рабочей силы – не находит поддержки среди населения, другие направления не поддерживаются от одной пятой до трети опрошенного населения.

В рамках исследования респондентам предлагалось оценить, как относятся местные жители к различным категориям мигрантов. Опрос показал, что, в целом, казахстанцы довольно настороженно относятся к новоприбывшим: ни по одной из рассматриваемых категорий показатели доброжелательности не превысили 50%. Скорее лояльное (доброжелательное) отношение проявилось к внутренним мигрантам (48%) и к приезжающим на ПМЖ иностранцам (47%). Обращает на себя внимание и недостаточно высокий уровень доброжелательности к казахам-репатриантам (48%). Вместе с тем, в этническом разрезе заметно, что казахи склонны проявлять большую дружелюбность к мигрантам: из 5 групп к 3 (оралманы, внутренние мигранты и иностранцы, прибывшие на ПМЖ) среди казахов доля доброжелательности выше 50%, по сравнению с другими этническими группами. Среди населения не сформировалось отношение к такой группе, как трудовые мигранты, прибывшие по квоте. И однозначно негативное отношение было выражено к мигрантам, приехавшим работать в Казахстан нелегально (53%).

Таблица 1. – Отношение населения к различным группам мигрантов

Отношение к группам мигрантов	К репатриантам	К другим, переехавшим в РК на ПМЖ	К приехавшим по трудовой квоте	К приехавшим работать нелегально	К внутренним мигрантам
Доброжелательное/скорее доброжелательное	47,6%	47,3%	33,9%	15,1%	48,2%
Нейтральное/безразличное	25,0%	33,2%	32,9%	24,0%	30,5%
Негативное/скорее негативное	20,7%	13,0%	24,1%	53,1%	12,7%

Примечательно, что опрос показал очень характерную схожесть оценок во всех возрастных группах. Незначительные флуктуации долей по возрастам не меняют в целом ровной картины: всем возрастам свойственна недоброжелательность по отношению к различным группам приезжих. Таким образом, эти данные разрушают давно сложившийся стереотип о толерантности и некритичной гостеприимности казахстанцев.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что в условиях, когда для значительного числа казахстанцев остро стоят вопросы трудоустройства, привлечение дополнительной рабочей силы из-за рубежа, и, в целом, переезд новых групп мигрантов, приводят к обострению данного вопроса, формируя у казахстанцев мнение, что кто-то хочет забрать или уже забирает их работу. На данном этапе население недостаточно доброжелательно относится и к основным направлениям миграционной политики, и к группам мигрантов в ней участвующих, что в итоге создает еще одну зону «конфликта интересов». В качестве одной из рекомендаций необходимо предложить формирование активной и взвешенной информационной политики, разъясняющей населению основные подходы и аргументы государственной миграционной политики, в которой учет интересов казахстанцев нашел бы свое достойное отражение.

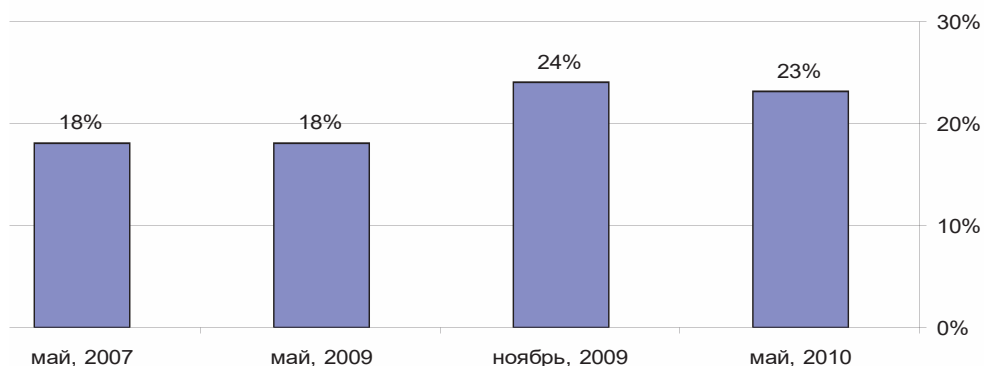
Жилищная проблема в оценках населения^{9 10}

ОФ «ЦСПИ «Стратегия»

1. Важность жилищной проблемы в масштабе страны

В рейтинге проблем, которые стоят перед страной, жилищная проблема на протяжении нескольких лет занимает 3–4 место. Начиная с ноября 2009 года, значимость данной проблемы в общественном мнении увеличилась с 18% (май 2009 г.) до 24%, и продолжает удерживаться на этом уровне в течение 6 месяцев.

Диаграмма 1. – Важность жилищной проблемы в масштабе страны (% от общего числа опрошенных)

По мнению участников фокус-групп, жилищная проблема в Казахстане *«есть и на все 100%», «если у 100 тыс. человек есть квартиры, то у 200 тыс. человек их нету. Это конкретный факт»*. Но несмотря на то, что жилищный вопрос был актуален и в период Советского Союза, когда жилищный фонд был в государственном управлении, такого конфликтного потенциала, который он приобрел на сегодняшний день, тогда не было.

9 ОФ «ЦСПИ «Стратегия». 2010. – <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/206-zhilishchnaya-problema-v-otsenkakh-naseleniya>

10 Массовый опрос жителей страны проводился с 10 по 22 мая 2010 года на основе репрезентативной выборки. Было опрошено 1622 респондента в 14 областях и 2 городах республиканского значения, в 47 точках опроса, из них: 20 – в городской, 27 – в сельской местности. Выборка удовлетворяет условиям 95% вероятности при 3% доверительном интервале. Также были проведены 4 фокус-группы в различных регионах страны.

По результатам групповых дискуссий можно выделить пять блоков причин обострения проблемы жилья на текущий период:

Отсутствие контроля со стороны государства

По мнению респондентов, государство с самого начала должно было принимать участие в регулировании рынка недвижимости в Казахстане и не допускать всякого рода спекуляций. Но оно не только не смогло осуществить должный контроль над ситуацией на рынке жилья, но и не обеспечило эффективной законодательной базой.

«Почему вот этот процесс вот все-таки так деформировался, что у нас цены на недвижимость раздули и сейчас люди не могут себе ее никак купить? Потому что все сделки до 2007 года, связанные с недвижимостью, они не облагались подходящим налогом. И со стороны государства не было вот этого вот контроля, чтобы эта проблема не создавалась, вот недоступность жилья» (Алматы).

Неэффективность работы государства в этом направлении продолжает наблюдаться на примере низкого контроля над качеством исполнения жилищных государственных программ. *«Есть программы поддержки населения в любой сфере, но нет контроля за исполнением, нет этого. Вот та же жилищная программа – выдаются, но проблема в том, что их получают те же люди, опять же коррупция, опять...».*

Также участники фокус-групп считают, что государство должно нести ответственность за ситуацию в жилом строительном бизнесе. Поэтому факт необходимости оказания государственной помощи категориям граждан, обманутым строительными организациями или чиновниками, распределявшими земельные участки, является бесспорным.

Завышенные цены на рынке жилья

Факт завышенных цен на рынке жилья является общепризнанным, тем не менее, несмотря на кризис, ситуация не меняется. Ценовая конъюнктура привела к формированию ситуации несоизмеримости рыночных цен на недвижимость и покупательного потенциала населения. Т.е. подавляющая часть потенциальных покупателей оказалась неплатежеспособной.

«Получается, что проблема жилья у нас сводится к тому, что у нас получается, цена очень завышена, цена на недвижимость и доходы населения несоизмеримы. Получается, цена-качество тоже не сопоставимы» (Алматы)

«Невероятно дорогие цены на квартиры. По сравнению с Алматы у нас квартиры стоят в 2 раза дороже» (Атырау).

«Проблемы с улучшением жилищных условий есть у каждого. Появляются дети. Соответственно, то, что было приемлемым для двоих, для троих уже мало. А для того, чтобы улучшить положение, необходимы денежные

средства. А чтобы были хорошие финансовые возможности, надо найти хорошую работу, на которую ты никогда не устроишься» (Атырау).

По мнению участников фокус-групп основную ответственность за ситуацию с ценами на рынке жилья несут следующие субъекты:

– Государство, по причинам указанным выше;

– Агентства по недвижимости, которые вступили в заговор по удержанию цен на определенном уровне, чтобы не обвалить рынок недвижимости;

«Вот то, что спрос рождает предложение, я с этим согласна, спрос рождает предложение, это в условиях нормальной рыночной экономики. К сожалению, у нас нет рынка, в Алматы особенно, по недвижимости. Почему – потому что есть понятие «свободная рыночная экономика», а есть понятие «олигополис». То есть, у нас рынок недвижимости Алматы, это олигополис, это несколько агентств недвижимости, которые заработали себе имя и очень хорошо зарабатывают. То есть, они диктуют цены сейчас, устанавливают тот возможно какой-то воображаемый уровень цен, чтобы простой люд ориентировался. То есть, сейчас нет реального спроса и реального предложения, есть только те цены, которые создали вот эти компании, чтобы не обвалить рынок по недвижимости в Алматы, потому что это было бы вообще убийством для всего, для банковской системы, для всего» (Алматы)

– Спекулянты, которые воспользовались условиями «дикого рынка» для скупки жилья с целью организации арендного бизнеса;

«Проблема в том, что те, кто здесь жили, в свое время, я уверена 100%, смогли ухватить квартиры, вот когда эти квартиры обесценились, теперь у каждого местного по несколько квартир и они живут припеваючи, сдают эти квартиры. А вот с тех, кто приехали и работают здесь, они тянут, тянут...» (Астана)

«У нас до сих пор нет земли, вся земля находится в собственности богатых людей. Сейчас эти люди продают земли по 2–5 тыс. долларов. Откуда мы найдем такие деньги?» (п. Мерке)

Недоступность условий для приобретения жилья

На рынке жилья нет дефицита в предложениях со стороны банков или кредитных организаций по предоставлению кредитов на покупку жилья. Но, к сожалению, условия, которые предлагаются, оказываются неподъемными для большей части населения. По свидетельствам участников фокус-групп, иной раз процентные ставки по ипотеке достигают 34%.

«А нет у меня жилья, в банк придешь за ипотекой, сразу справки. Вот 1 раз интервью давал по телевидению, мне говорят, а что вы думаете об ипотеке, я говорю, вещь классная, только не всем доступная. Очень высокий процент ипотеки» (Астана).

Сложность составляет и сбор необходимого пакета документов для получения ипотеки или земельного участка. Также говорилось о большом проценте отказов.

Коррупция

Коррупция при распределении жилого фонда, земель под жилое строительство, по свидетельствам участников фокус-групп, приобрела очень большой масштаб. Посреднические услуги государственных служащих стали прибыльным бизнесом.

«Наши дети работают уже 6–7 лет на государственной службе, у них нет квартиры до сих пор. На очереди стоят 5 лет. Говорят, что за 10–15 тыс. долларов выдаются квартиры вне очереди» (п. Мерке).

«Как будет хватать, если квартиры получают люди, которые обеспечены жильем? Они получают и сдают квартиры» (Атырау).

«Если есть деньги, проблем нет. Когда-то, 2 года назад я просила себе землю, как мать-героиня. Мне сказали, если найдете ее, то, пожалуйста, мы ее вам выдадим. Но я не нашла. Земли нет. Смотрю, тут есть дом разрушенный, хотела взять его землю, мне ее не дали, а в итоге продали одной богатой девушке. Не буду называть ее имя, она собирается строить тут дом, приобрела за 200 тыс. тенге. Бесплатную землю вот так вот продают» (п. Мерке).

«На счет земли, такая же ситуация. Кто дал взятку, тот быстро получил землю. Мы тоже давно стоим в очереди» (Атырау).

Внутренняя миграция

Дополнительное напряжение в вопросах обеспечения жильем возникает вследствие перенаселения городов за счет внутренней миграции. С одной стороны, миграция обусловлена объективными причинами – отсутствием работы на селе, упадок инфраструктуры, низкий уровень жизни и отсутствие перспектив. Но, с другой стороны, нерегулируемые потоки в города усугубляют дефицит жилого фонда, возникают ситуации с самозахватом жилья.

«В селе нет будущего. Нет работы» (п. Мерке).

«Видите, в чем проблема? В селе получить квартиру намного легче, чем в городе. Но при этом, там нет работы, то есть, соответственно, там не на что жить. Все равно человек, который живет в селе для того, чтобы прокормить семью, приезжает в город на заработки» (Атырау).

«Потому что вот столицы – Алматы, Астана, где всегда крутятся финансы, и работа есть, поэтому люди сюда рвутся, на периферии работы нет, поэтому все сюда стараются, и вот проблемы с жильем они и создают, конечно, правильно было сказано» (Алматы)

Как результат, наличие на карте страны «вымирающих» населенных пунктов и переполненных городов.

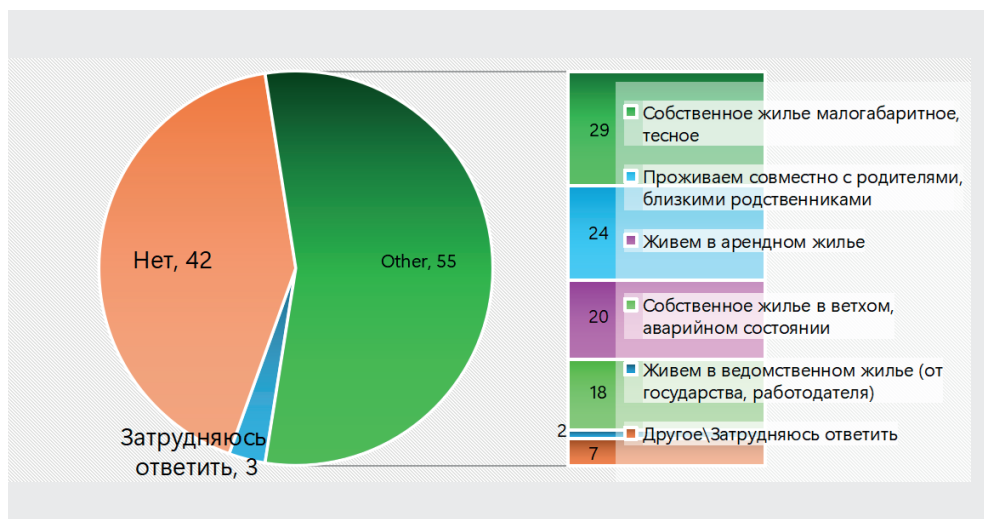
«У нас возник перекоп, вот люди приехали, то есть, если в той же Караганде пустуют, просто коробки стоят, тем не менее, с Караганды переезжают в Астану» (Алматы).

«Раньше город Алматы был столицей, все ехали в Алматы, все старались попасть, закрепиться, получить жилье, даже в советское время. Ну, вот сейчас столица Астана, все едут в Астану, стараются здесь закрепиться, жилье приобрести, чтобы дети хорошее образование получили, это естественно» (Астана).

2. Потребность в собственном жилье

По результатам исследования (см. диаграмма 2) каждый второй из опрошенных (55%) испытывает потребность в улучшении жилищных условий.

Диаграмма 2. – Потребность в жилье и ее основание
(% от общего числа опрошенных)

Из них: 29% в качестве основания для улучшения жилищных условий указали наличие малогабаритного, тесного жилья. 24% проживают совместно с близкими родственниками. 20% – живет в арендованном жилье. 18% респондентов указали на ветхость, аварийное состояние своего жилища. В ведомственных квартирах проживает не более 2%, из тех, кто нуждается в жилье.

Таким образом, из тех, кто нуждается в улучшении жилищных условий, 46% нуждаются в этом по причине отсутствия собственного жилья.

Анализ социально-демографических характеристик респондентов, испытывающих потребность в улучшении жилищных условий, позволяет сделать следующие заключения:

– Чаще всего с жилищным вопросом сталкиваются жители столичных городов.

– Основной группой, которая испытывает потребность в собственном жилье, выступают молодые люди в возрасте от 18 до 34 лет.

– Респонденты, которые нуждаются в улучшении жилищных условий, чаще всего не обременены семейными обязательствами, или состоят в гражданском браке.

– В улучшении жилищных условий чаще нуждаются люди со средним или средним специальным образованием, имеющие невысокий профессиональный статус и низкий потребительский потенциал.

Участники четырех фокус-групп в ответах на вопрос «Для кого существует жилищная проблема?» оказались единодушны:

– Во-первых, это характерно для городской местности, *«в селе сосредоточено не так много людей, и они сами строят себе дом. Сельский акимат выдает разрешение. В городе как они смогут построить дом?»*

– Во-вторых, для приезжих, внутренних мигрантов. *«Для кого: для иммигрантов, допустим там, для каких-то переселенцев, для приезжих... Я думаю, только для приезжих и все. Нет, ну, конечно, жилищной проблемы не быть не может вообще, такого не бывает, но в меньшей степени она существует для местных», «просто идет урбанизация, все из села приезжают в город в поисках лучшей жизни, и все сталкиваются с жилищной проблемой».*

– В-третьих, это молодежь, в том числе сельская. *«Эта проблема особенно актуальна для молодежи», «у молодежи региона тоже нет жилья, им некуда идти; на приобретение нет денег», «учитывая, что сельская молодежь переехала в город в поисках работы, не имея своего жилья».*

3. Возможности по приобретению собственного жилья

Как показывают результаты массового опроса, каждый второй казахстанец, нуждающийся в улучшении своих жилищных условий, на сегодняшний день не имеет финансовой возможности для приобретения собственного жилья. Прежде всего, согласно анализу данных, это люди, проживающие в сельской местности, находящиеся в предпенсионном и пенсионном возрасте и имеющие низкий уровень доходов. Также обращает внимание преобладание в этой группе представителей русской национальности.

Доля тех, кто все же в среднесрочной перспективе рассматривает возможность улучшить свои жилищные условия, составляет 46%. Домини-

рование в этой группе молодежи от 18 и до 24 лет говорит о том, что эти надежды в большей степени основаны на жизненном оптимизме (максимализме), присущей данной категории, а не на трезвой оценке имеющихся материальных и других возможностей.

Тем не менее, представляется интересным, какие способы приобретения/получения жилья являются наиболее перспективными для тех, кто намерен улучшить свои жилищные условия. По данным опроса, основными путями решения жилищной проблемы для этой группы населения являются оформление ипотеки и покупка за собственные средства (по 29%). Следующий распространенный метод – это получение квартиры по Госпрограмме жилья (22%). Будут занимать у родственников, друзей каждый шестой и каждый десятый надеется на льготное жилье, предоставляемое государством. И наименее популярным решением проблемы жилья, по данным опроса, является участие в долевом строительстве (7%). Также необходимо отметить, что примерно чуть более 5% населения в варианте «другое» отметили о намерении купить землю и построить себе дом.

Таким образом, взвесив все плюсы и минусы существующих способов решения жилищной проблемы, большинство участников ФГ приходят к общему заключению, что в нынешних условиях самым оптимальным вариантом выхода из ситуации является арендное жилье. По их мнению, для среднестатистической семьи со средним уровнем доходов – это наиболее доступный способ иметь крышу над головой, и при этом быть свободным от кредитных обязательств, загоняющих человека в кабальные условия.

«Сейчас с условием того, что недвижимость стоит дорого, несоизмеримы доходы и цена, плюс банковский процент, ну это просто неподъемная ноша на самом деле, лучше платить за аренду, потому что аренда предполагает, что ты вот сегодня эти 400 долларов заплатил – заплатил, но у тебя нет этого долга, этого банковского процента». (Алматы)

В этой связи вполне закономерна повышенная заинтересованность со стороны граждан к государственной программе «Арендное жилье», которая начала действовать с этого года. По материалам ФГ видно, что большую надежду на программу возлагают, прежде всего, жители столичных городов, которые озабочены проблемой высокой стоимости аренды жилья в гг. Алматы и Астана: *«Если я получаю 60 тысяч, и отдаю там за аренду частнику, то получается, что мне выгодно туда пойти в программу арендного жилья, я лучше 40 тысяч, 30 тысяч отдам»* (Алматы).

4. Знание и оценка государственных жилищных программ

Одной из задач исследования было поставлено определить степень информированности населения о государственных жилищных программах и выявить мнение и оценку относительно данных программ, существующие в общественном мнении.

По результатам исследования можно сделать закономерный вывод, что среди тех, для кого жилищный вопрос является насущным, уровень информированности (знания) о различных государственных жилищных программах выше, чем среди тех, у кого этот вопрос решен. Тем не менее, в ходе групповых дискуссий было высказано замечание о том, что эти программы имеют слабую информационную поддержку.

«В чем проблема? В том, что все эти программы, которые вы перечисляете, о них нигде не пишут. То есть, только через родственников, знакомых ты узнаешь, что есть такие программы. А инвалиды, которые должны получать по тем же программам льготное жилье, они нигде не бывают. Почему-то об этих программах нигде не говорится. Тихо, молча, мимо людей, через своих все это проходит. И все. То, что, например, вы озвучили, я об этом первый раз слышу» (Атырау).

В целом, любая Программа по своей задумке и задачам, которые она призвана решать, оценивается респондентами как хорошая, многообещающая, но основной вопрос заключается в том, как она будет реализовываться. *«И Госпрограмма, и программа «10 соток – каждому казахстанцу» – хорошие программы, это возможность, которая дается людям. Только необходимо проконтролировать процесс распределения объектов. Вот в чем дело».*

По результатам опроса населения, в вопросе о том, станет ли в ближайшие 5 лет улучшение жилищных условий доступным для большинства граждан Казахстана, нет единого мнения. 49% опрошенных с той или иной степенью уверенности считают это условие выполнимым, а 42% опрошенных придерживаются диаметрально противоположного мнения. Участники фокус-групповых обсуждений также не смогли однозначно ответить на этот вопрос. Но все сходятся на том, что определяющую роль в этом процессе должно сыграть государство – должны быть созданы условия. *«Либо у человека должна быть достойная зарплата, чтобы накопить и купить, либо адекватные цены на недвижимость. То есть, чтобы как-то это регулировать».*

Ситуация в сфере среднего школьного образования в РК^{11 12}

ОФ «ЦСПИ «Стратегия»

Внешнее (родители) и внутреннее (учителя) восприятие состояния системы среднего образования в целом оказались схожими. Как среди родителей, так и учителей, положительные оценки преобладают над отрицательными. Чаще всего состояние системы среднего образования оценивается как «удовлетворительное» (54% и 50% соответственно).

Состояние системы среднего образования...	родители		учителя	
...благополучное	23%		23%	
...удовлетворительное	54%		50%	
...вызывающее тревогу	15%	17%	14%	20%
...кризисное	2%		6%	
Загрудняюсь ответить	6%		7%	

В тоже время, у учителей система школьного образования вызывает больше тревоги, нежели у обывателей – 20% против 17%. В этом вопросе заметны существенные различия между оценками учителей, в зависимости от стажа их работы в школе. Наиболее критичными оказались педагоги со стажем работы 17–20 лет (27%). А чем меньше стаж работы учителя в школе, тем более оптимистичные оценки.

Также заметна корреляция в оценках учителей, в зависимости от того, в школах с каким языком обучения они работают. Так, в школах с казахским языком обучения 33% назвали состояние среднего образования благополучным, тогда как среди учителей школ с русским языком обучения доля таких ответов составила 18%.

По результатам исследования, население страны в качестве ключевой особенности современной казахстанской системы школьного образования называют ее переходный и экспериментальный характер. Это выражается в непрекращающемся перенимании чужого опыта без соответствующей подго-

11 ОФ «ЦСПИ «Стратегия». 2010.

12 Массовый опрос жителей страны проводился с 13 по 24 сентября 2010 года на основе репрезентативной выборки. Было опрошено 1549 респондентов в 14 областях и 2 городах республиканского значения, в 46 точках опроса, из них: 20 – в городской, 26 – в сельской местности. Выборка удовлетворяет условиям 95% вероятности при 3% доверительном интервале. Также были проведены 4 фокус-групп.

товительной работы, а также учета особенностей социального и культурного развития общества. В общественном мнении преобладает представление, что в настоящий момент система среднего образования не имеет собственного «лица», и непонятно какой она будет через несколько лет.

Согласно опросу учителей, 45% считает, что реформы школьного образования дали неоднозначный результат (что-то улучшилось, а что-то ухудшилось), а 33% считает, что реформам еще трудно дать оценку. С тем, что реформы оказались успешными, согласился только каждый десятый (11%) из опрошенных учителей.

Если сравнивать с советской системой образования, то по результатам исследования, современное казахстанское образование выигрывает в вопросах инфраструктуры, форм организации учебного процесса и доступе к информации, а проигрывает в вопросах качества образования и методического обеспечения учебного процесса.

За последние несколько лет в системе среднего образования было принято множество нововведений, которые привели к существенному реформатированию школьного образования, как в содержательном, так и в структурном отношении. Поэтому возник интерес протестировать последние инновации в сфере среднего образования на предмет их общественной поддержки.

Всего для оценки были предложены 8 нововведений. На основе оценок родителей и учителей эти нововведения можно разбить на 3 группы:

Таблица 1. – Нововведения, поддерживаемые, как родителями, так и учителями

Нововведения	родители		учителя	
	поддерживают	не поддерживают	поддерживают	не поддерживают
Внедрение интерактивных технологий в учебный процесс / Оқу процесінде интерактивті технологияларды енгізу	93%	2%	94%	3%
Введение школьных инспекторов полиции / Мектеп полиция инспекторлары енгізу	90%	7%	88%	6%
Введение обязательного стандарта школьной формы / Мектеп формасының стандартын міндеттеу	88%	11%	89%	7%
Внедрение в школах предмета «Самопознание» / Мектептерде «Өзін өзі тану» пәнін енгізу	82%	9%	74%	14%

Таблица 2. – Нововведения, поддерживаемые родителями, но отвергаемые учителями

Нововведения	родители		учителя	
	поддерживают	не поддерживают	поддерживают	не поддерживают
Введение униформы для учительского состава / Мұғалімдер қауымына арнайы киім формасын енгізу	64%	28%	24%	69%
Единый национальный тест (ЕНТ) / Ұлттық бірінғай тест (ҰБТ)	55%	38%	43%	53%

Таблица 3. – Нововведения, отвергаемые, как родителями, так и учителями

Нововведения	родители		учителя	
	поддерживают	не поддерживают	поддерживают	не поддерживают
Написание школьных учебников иностранными специалистами / Мектеп оқулықтарын шет ел мамандарына жазғызу	40%	50%	22%	65%
Введение 12-летнего среднего образования / 12 жылдық орта білім беруді енгізу	32%	62%	35%	54%

Таблица 4. – Аргументы «за» и «против» нововведения

Нововведения	Аргументы за и против
Внедрение интерактивных технологий в учебный процесс / Оқу процесіне интерактивті технологияларды енгізу	Современно, в ногу со временем, будет способствовать повышению заинтересованности школьников в учебе. Главное, чтобы квалификация учителей соответствовала
Введение школьных инспекторов полиции / Мектеп полиция инспекторларын енгізу	Вопросы безопасности требуют постоянного пристального внимания. Не редкими стали факты вымогательства у школьников, как со стороны старшекласников, так и посторонних лиц.

Введение обязательного стандарта школьной формы / Мектеп формасының стандартын міндеттеу	Дисциплинирует, нивелируются различия по доходу семей. В качестве пожеланий: сделать школьную форму более доступной и по цене, и по местам реализации. Экипировка одного школьника в денежном эквиваленте может варьировать от 15 до 80 тысяч тенге в зависимости от местности проживания семьи, а также возраста ученика
Внедрение в школах предмета «Самопознание» / Мектептерде «Өзін өзі тану» пәнін енгізу	Поможет в вопросах воспитания, становления ребенка как личности. В тоже время, новый предмет – это дополнительная нагрузка для учеников
Введение униформы для учительского состава / Мұғалімдер қауымына арнайы киім формасын енгізу	Учитель должен служить примером для учеников и придерживаться делового стиля в одежде
Единый национальный тест (ЕНТ) / Ұлттық біріңғай тест (ҰБТ)	+ : Оперативность в проверке знаний – : потеря навыков рассуждения и аргументации у учеников; психологическое напряжение, как у школьника, так и у его родителей; высокая зависимость от удачи; коррупция Только 31% учителей из опрошенных согласились с тем, что ЕНТ является хорошим показателем качества образования ученика
Написание школьных учебников иностранными специалистами / Мектеп оқулықтарын шет ел мамандарына жазғызу	Отрицательное отношение в силу того, что иностранные специалисты не знают историю, традиции, культуру Казахстана, ментальных особенностей населения. Допустимо только в отношении точных наук

По результатам исследования, можно констатировать, что переход к 12-летнему образованию не имеет общественной поддержки. С тем, что 12-летнее образование будет способствовать повышению конкурентоспособности казахстанского школьного образования, как основная мотивировка реформы, в качестве аргумента согласны 41% опрошенных учителей; 34% – против, а 25% затруднились с ответом на этот вопрос.

Среди населения целесообразность данной реформы вызывает большие вопросы. Отрицательное отношение, потому что:

– Школьная программа в выпускных классах не вызывает интерес к учебе и не стимулирует к приобретению новых навыков и компетенций;

- Информационная загруженность школьной программы;
- После 9 класса многие уходят из школы;
- Поощрение иждивенчества среди молодежи (школьный возраст от 6–7 до 18–19 лет);
- Низкий уровень морально-нравственного поведения учеников старших классов, несовместимый с учебой в школе (ранние браки, беременности и т.п.).

В целом, полученные результаты свидетельствуют о том, что данная реформа сопровождалась крайне скудной информационно-разъяснительной работой среди как населения, так и педагогического состава.

Таблица 5. – Рейтинг актуальных проблем школьного образования выглядит следующим образом:

№	Перечень проблем (по результатам анкетного опроса населения)	%
1.	Учебники (нехватка, дороговизна, изношенность, некачественность и т.п.)	49,1
2.	Слабая материально-техническая база школ (от технической укомплектованности классов до состояния коммунальной инфраструктуры школ)	22,5
3.	Компетентность учителей	16,1
4.	Денежные поборы, коррупция в школе	13,6
5.	Низкое качество обучения	9,3
6.	Отсутствие грамотной, сбалансированной программы обучения	8,2
7.	Дефицит кадров (включая проблему текучести кадров)	8,1
8.	Зарплата учителей	5,7
9.	Отношение учителя к ученику (халатность, безразличие и грубость со стороны учителей)	5,3
10.	Поведение учеников, дисциплина	5,0
11.	ЕНТ	4,4
12.	Обеспечение питанием	3,9
13.	Платное образование	2,4
14.	Переполненные классы	2,3
15.	Отсутствие специализированных кружков, секций в школах	1,7
16.	Преподавание казахского языка	1,6
17.	12-летнее образование	0,7
18.	Другое	15,6
19.	Ничего не беспокоит	2,1
20.	Затрудняюсь ответить	16,1

Парадоксальной можно назвать ситуацию, которая складывается вокруг фигуры школьного учителя. С одной стороны, как население, так и сами педагоги, признают факт девальвации общественного статуса школьного учителя. Устойчивым стал ассоциативный ряд, в котором фигурируют маленький размер заработной платы, добровольно-принудительная общественная нагрузка, снижение авторитета учителей, как у учеников, так и у их родителей и т.п.

В тоже время, ожидания, которые связывают респонденты, имеющие детей школьного возраста, с образом учителя, преимущественно положительные. Так, по результатам количественного опроса, оценивая учителей и работников школьной администрации по таким характеристикам, как морально-личностные, профессиональные качества, а также готовность помочь ученику или его родителю, были получены показатели выше 70%.

Что касается вопросов социального самочувствия учителей, то по результатам опроса, 81,1% опрошенных удовлетворены и скорее удовлетворены выбором профессии учителя (50,8% «да» и 30,3% – «скорее да»). Менее всего удовлетворены своим профессиональным выбором учителя из школ с казахским языком обучения, возрастом до 30 лет и со стажем работы 3–8 лет.

Лояльность среди учителей выбранной профессии довольно низкая: около половины опрошенных (47,5%) скорее всего, поменяли бы место работы, если бы представился такой случай; 36,4%, скорее всего, не сделали бы это; 16,2% затруднились с ответом.

Учителя довольны такими сторонами своей работы, как: возможность быть полезным обществу (93,2%), отношения с администрацией школы (92,5%), содержательность работы (91,5%), расписание уроков (91,2%), самостоятельность в работе (90,8%).

Не удовлетворяют: размер заработной платы (45,2%), социальная поддержка со стороны государства (40,3%), общественный статус учителя (37,2%) и обязательное участие в выборных кампаниях (23,3% при 18,6% затруднившихся с ответом).

2011–2020 гг. Казахские традиции vs исламизация?¹³

ОФ «ЦСПИ «Стратегия»

Сенсационным стало выступление Главы государства в г. Туркестан, во время которого он открыто выразил свое неодобрение по поводу распространения среди молодежи «моды» на хиджаб. Проявив собственную позицию по данному вопросу, Н.Назарбаев затронул одну из актуальнейших проблем современного казахстанского общества. Условно ее (проблему) можно сформулировать как усиление противоречия между традициями казахского народа и современным процессом исламизации населения. Одним из ярких проявлений этого противоречия как раз стал вопрос хиджаба. Но совершенно ясно, что проблема скрыта гораздо глубже, а указанное обстоятельство является всего лишь верхушкой айсберга. Не нужно быть экспертом, чтобы увидеть нарастающего в обществе напряжения по поводу увеличения числа последователей ислама с «нетипичными» для казахского общества внешностью, культурой поведения и мировосприятием. Это особенно касается крупных городов, где культурный фон гораздо разнообразнее, а социальные контакты носят более интенсивный характер. Пока еще явной конфронтации населения на этой почве нет. Противостояние в настоящий момент больше носит виртуальный характер. Так, социальные сети, форумы и информационные сайты стали своеобразной площадкой, где противоборствующие стороны ведут ожесточенные идеологические «войны». Однако никто не может гарантировать, что существующие разборки в сети не перенесутся в реальный режим, а разногласия не перерастут в открытый конфликт.

В этой ситуации закономерно возникают вопросы: что происходит с исламом в Казахстане? Чем обусловлено сегодняшнее усложнение внутриисламской ситуации в стране? На самом ли деле происходит активная интервенция зарубежных исламских миссионеров? Как рядовому гражданину отличить «родную» веру от «навязанной»? И самое главное, как будет в будущем развиваться религиозная ситуация в стране?

Чтобы привнести хоть какую-то ясность по указанным вопросам, мы провели ряд экспертных интервью. Сразу следует оговориться, что иссле-

13 ОФ «Центр социальных и политических исследований «Стратегия». Казахские традиции vs исламизация? // МК в Казахстане, 23–30 марта, 2011 год

дование носит обзорный характер и не претендует на абсолютную научную объективность, а является попыткой обрисовать основные контуры вышеобозначенной проблемы.

В проведенных интервью экспертами выступили – религиоведы, журналисты, представляющие исламские и социально-культурные издания, ученые-историки.

Итак, что думают наши эксперты по ключевым вопросам ислама в Казахстане?

Были ли казахи мусульманами?

Основу религиозной идентичности современных казахов, безусловно, составляет мусульманство, принадлежность к исламской умме. Но дискуссионным остается вопрос о том, какое верование было характерно нашим предкам в досоветское время. Спектр мнений по данному вопросу впечатляет своим разнообразием. Одни приписывают казахам тенгрианство с элементами шаманизма, другие рьяно доказывают наличие исламских корней, третьи выдвигают версию о существовании специфической формы религиозного мировоззрения, сформировавшегося на стыке разных культур и верований. Проведенные интервью стали яркой иллюстрацией сложившегося плюрализма мнений относительно истории ислама в Казахстане. Не только разность подходов определяет расхождение экспертных оценок, но и наличие условностей и неопределенностей, возникающих в связи с «белыми пятнами» в казахстанской этнологии и истории.

В целом, эксперты разделились на два лагеря – те, кто считают, что ислам был однозначным и осознанным выбором казахов и те, кто склонен причислять казахов к мусульманской умме с некоторыми оговорками.

Первая позиция, убеждающая, что мусульманство было неотъемлемой частью культурно-духовной жизни казахов со времен создания Казахского ханства и до советского периода, строится на следующих аргументах в свою защиту:

– При дворе у казахских ханов служила духовная знать (кожа), а все султаны имели дополнительно арабские имена.

– В персидских, китайских исторических источниках казахи описываются как мусульмане, а первые записи, опровергающие это положение, сделали российские исследователи, которые руководствовались колониальной идеологией, заточенной на уничтожение национальной самобытности.

– На казахской земле жили и занимались просвещением множество ученых (улемов) ислама. Они внесли свой неповторимый вклад в мировое исламское богословие. Самым именитым из них является Кожа Ах-

мет Яссауи, который выступает символом исламских традиций в казахской истории.

Интересен тезис одного из экспертов, согласно которому казахи изначально образовались как мусульманская общность. При этом казахами, по его утверждению, называлась только ханская династия, отделившаяся в середине 15 века от Узбекского ханства под предводительством ханов Жанибека и Керейя. Все остальные племена, населявшие территорию современного Казахстана, могли быть язычниками, тенгрианцами, буддистами, но ханская династия, которая позже объединила некоторые из них под своим флагом, была чисто мусульманской. Исходя из этого посыла, мусульманство казахов преподносится как неоспоримый исторический факт, а ислам рассматривается как один из основополагающих факторов создания казахского этноса.

Все разговоры вокруг «казахов – слабых мусульман» другой эксперт-историк связывает с царской, позже советской идеологической доктриной, в рамках которой и была запущена «утка» о недостаточном укоренении ислама в казахском обществе. По его мнению, этот миф оказался очень живучим, так как по сей день продолжается его воспроизводство различными экспертами и учеными. Как правило, главным авторитетом, на которого ссылаются сторонники этого утверждения, является Ш. Уалиханов, который в своих трудах как раз приписывал казахскому обществу «плохое мусульманство». Но, как утверждают сторонники первой позиции, мнение Ш. Уалиханова не может быть объективным, так как он, будучи российским подданным и разведчиком царской администрации, рассуждал предвзято. *«Он просто выполнял свою работу – защищал интересы царской России»*, – заключают эксперты.

Не соглашается с такой постановкой другой участник интервью. Он считает, что *«споры с Ш. Уалихановым – дело неблагодарное»*, так как Шокан считался одним из лучших российских востоковедов XIX века и был казахом по крови, соответственно, знал ситуацию в казахской степи как никто лучше. О слабой религиозности казахов писал не только Уалиханов, но и все многочисленные путешественники, ученые, чиновники, посетившие тогда территорию казахской степи. Массовая исламизация кочевников произошла гораздо позже, считает историк – во второй половине XIX столетия, после ликвидации ханской власти и окончательного вхождения казахских земель в состав Российской империи. *«Только с этого времени кочевники начали соблюдать пост, свершать пятикратную молитву, а богатые степняки стали отправляться на паломничество в Мекку, что свидетельствовало о проникновении в повседневную жизнь понятий об основных обязанностях мусульман»*, – добавляет он.

Культуролог объясняет причину, по которой казахи, ведшие кочевнический образ жизни, не могли быть мусульманами в классическом понимании. Прежде эксперт апеллирует к Л.Гумилеву, который также придерживался мнения, что ислам в кочевом обществе приживается плохо. По Гумилеву для утверждения ислама, как любой другой религии, требовалось «пустое» духовное пространство, которое у казахов было занято тенгрианством. В тот момент, когда ислам пришел на казахские земли, язычество успело сформироваться как неотъемлемая сущность ментальности кочевников. Поэтому, по мнению данного эксперта, можно говорить лишь о видоизмененной форме ислама, распространившегося на территории современного Казахстана.

Следующим важным фактором, обусловившим слабое усвоение казахами норм канонического ислама, этот эксперт называет условия бытования степного кочевника. Мироощущение казаха-кочевника, вынужденного значительную часть своей жизни проводить в седле, отличалось крайним индивидуализмом. *«Я и небо, некая ось сквозь меня проходит, и нет никого кроме меня. Потому что кроме меня, как социальной единицы, никто не ответит за мой род, семью, детей и прочее»*, – примерно так эксперт описывает номадическую ментальность. Такая обособленная ответственность слабо соотносилась с каноническими нормами ислама, который, наоборот, была больше коллективистским, предназначенным для оседлого образа жизни. Но эти нормы не отвергались вовсе, а просто брались кочевником на заметку. «Панорамное» восприятие или способность одновременно удерживать в поле зрения несколько признаков (состояние почвы, травы, погоды, рельефа местности и т.п.) позволяло казаху-кочевнику совмещать широкий информационный ряд и тем самым сохранять духовное многообразие. Также, по мнению культуролога, исламские обряды плохо культивировались в казахском обществе из-за климатических и географических условий. Резкоконтинентальный климат, обширность территории создавали объективные трудности для соблюдения некоторых обязательных ритуалов ислама (к примеру, процедуры омовения, пятничный намаз в мечети).

Таким образом, у части экспертов распространено мнение, что классический ислам в казахском обществе стал распространяться после присоединения Казахстана к России, на севере под влиянием татарских, на юге – бухарских мулл. До этого существовавшая на казахской территории исламская практика была в основном представлена малочисленными дервишами, верование которых принадлежало к суфийской ветви ислама. Кожа Ахмет Яссауи, в этой интерпретации, предстает как один из первых

исламских подвижников, попытавшихся соотнести казахское язычество с классическими канонами ислама.

Тем самым проведенные интервью не позволяют сформировать четкое представление о религиозных предпочтениях казахской общности в периоды до и после присоединения к России. Очевидно, что историческая наука пока еще не в состоянии предоставить убедительную базу для подтверждения той или иной позиции. Сказываются, прежде всего, неясности по таким основополагающим моментам истории, как появление казахской этничности и государственности, роль духовенства в жизни общества, соотношение ислама и кочевого образа жизни и др. Пока что складывается впечатление о существовании пестрой религиозной картины на территории современного Казахстана в XV–XIX вв. Если учитывать разобщенный и многосоставной характер проживавшего здесь населения в эти периоды, то вполне вероятным кажется сосуществование разных религиозных форм – от ислама ханафитского мазхаба до языческих и шаманических верований. В разные исторические периоды соотношение каждой формы верования, возможно, менялось, но их зависимость от территориальной принадлежности, социальной, родоплеменной структуры населения, скорее всего, сохранялась долго.

Что такое наши исламские традиции?

Любое верование передается от поколения к поколению в виде культурных знаков, символов, знаний, обрядности, которые в комплексе создают основу для формирования религиозных традиций общества. В Казахстане в силу исторических обстоятельств говорить о преемственности поколений в религиозном смысле не приходится. Все эксперты, принявшие участие в исследовании, отмечают, что советский период практически полностью уничтожил накопленный веками культурный багаж казахского народа, «зачистил» духовное пространство и привел к реформатированию религиозного сознания населения. Это было необходимым условием для формирования у людей нового мышления в соответствии с идеологическим установками марксистско-ленинского учения.

Тем не менее, утверждать, что духовно-религиозная связь времен и поколений полностью утеряна тоже неправильно. Пусть на уровне ограниченного количества людей, но традиции религиозного характера в постсоветском казахском обществе все же сохранились. Вопрос только в том, можно ли проследить через них мусульманское прошлое казахов, либо эти традиции имеют другую, неисламскую природу.

С этой точки зрения спорной оказалась одна из главных современных религиозных традиций казахов – вера в духов предков, аруахов по-дру-

гому. С точки зрения теолога и историка, аруахи – это не что иное, как продукт советской идеологии, которая специально его *«раздула в противоположение Аллаху»*. В доказательство приводится Ибрагим Караш, богослов, живший в досоветский период, в трудах которого ни разу не упоминается о таком явлении как вера в аруахов. Эксперт-историк этнонимом слова «аруах» сводит к арабскому «рух» – «душа», тем самым доказывая также исламское происхождение понятия.

Но также было высказано иное мнение, согласно которому вера в предков у казахов «аруахизмом» является древним языческим верованием, которое лишь «закамуфлировано» исламским орнаментом: *«возводимые в псевдомусульманском стиле мазары лишь подчеркивают этот факт, а муллы в казахстанских мечетях по требованию паствы безропотно исполняют не имеющие с точки зрения ислама смысла, но зато весьма доходные молитвы в честь бесчисленных предков»*. Именно этим верованием историк объясняет священный для казахов статус Туркестана: *«это город, в котором было похоронено несметное количество степных ханов, батыров, биев, на покровительство которых и полагаются казахи. Так что и здесь мы имеем дело не исламом, а с аруахизмом»*.

Рассуждая о чисто исламских традициях, эксперты ссылаются на обряды и ритуалы, выполнение которых стало на сегодняшний день неотъемлемой частью быта и повседневности казахов. Либо перечисляются имена улемов, проживавших на этой территории в указанные периоды и занимавшихся просвещением, проповедованием ислама. При этом идет апелляция к ханафитскому мазхабу (правовая школа ислама), в сферу влияния которого традиционно вместе с центральноазиатским регионом относится и Казахстан.

И, все-таки, главным остается вопрос: являлся и является ли до сих пор Казахстан, в силу потери в советский период своих исламских корней, «проходным двором», местом, где может прижиться любая новая форма ислама? Либо Казахстан обладает устойчивостью, которая в конечном итоге сможет позволить возродить на новом витке истории ту религиозно-духовную модель, которая практиковалась нашими предками и в которой в благоприятной для нас форме были сняты противоречия между общим (каноны ислама) и особенным (традиции кочевников)?

Проблемы современного развития ислама

Прежде чем попытаться ответить на поставленные вопросы, следует остановиться на анализе современного уровня развития ислама в Казахстане. Как уже отмечалось ранее, советский строй основательно «зачистил» духовно-религиозное поле страны, по существу, поставив целью

полностью сделать его атеистическим. А голод, коллективизация, сталинские репрессии, война, выкосив целые поколения казахов, в еще большей степени усугубили проблему преемственности, непрерывной передачи традиций, знаний, веры. Так, по мнению культуролога, *«в арабских странах нет разрыва в поколениях, преемственность наблюдается, а у нас был надлом, национальная драма (и не одна за весь XX век), очень много нерожденных поколений. Связь поколений нарушается, прерывается, передача не производится»*. Особенно заметным на этом фоне становится взрывной рост религиозности населения последнего времени.

Непосредственно сам рост религиозности среди казахов экспертами не рассматривается в качестве проблемы. Проблема видится в сопровождающих его аспектах. Назовем некоторые из них.

Во-первых, «массовый исход» казахов, особенно молодежи, в ислам не является линейным, заданным процессом. Для многих он происходит на фоне поиска своих, особых, форм вхождения в религию. Именно незаданность, поисковый характер указанного процесса приводит к тому, что, как утверждает историк, *«в связи с нехваткой информации люди сейчас попадают под одностороннее влияние миссионеров. Происходит ошибочная интерпретация»*. Другой историк также говорит о том, что *«казахи все чаще стали вступать в ряды разнообразных и весьма подозрительных сект и течений»*. Данное обстоятельство в очередной раз подтверждает тезис об отсутствии или слабой укорененности в обществе своей концепции ислама. *«Вся проблема заключается в том, что «казахский ислам» каждым понимается по-своему. Для кого-то это просто слабая религиозность, для других – это сплав ислама и древних тюркских верований, для третьих – идеи суфизма и учение Ходжи Ахмеда Ясави»*.

Основным «противоядием» в этой связи эксперты считают наличие безусловных духовных лидеров, в опоре на мнение которых неопиты могли бы делать свой выбор. Но, как отмечалось, таких лидеров сегодняшней официальный ислам в Казахстане не предлагает. *«Должен быть духовный лидер, который смог бы направлять людей, давать нужные знания. У людей сейчас есть тяга к религии, но нет своих ученых, проповедников, которые бы управляли этим стремлением. Чтобы они появились. Поэтому народ сейчас потерялся – не знает за кем следовать. Если они последуют за аферистами, то это будет большой бедой»*.

Таким образом, во-вторых, следующей проблемой можно назвать неудовлетворенность экспертов качеством исламского духовенства. Практически все опрошенные оказались невысокого мнения о работе ДУМ-Ка, его места и роли в религиозной жизни казахстанских мусульман. *«ДУМК – общественная организация, и Дербисалиев не имеет прав в*

исламском мире». Другой эксперт-руководитель СМИ напрямую связывает увеличение в Казахстане различных исламских течений с неудовлетворительной работой муфтията: *«за последние десять лет ситуация изменилась резко в худшую сторону. Это связано с тем, что религией стали управлять люди, далекие от духовной жизни, без соответствующего религиозного образования и подготовки»*. С этим мнением согласен историк, который также не удовлетворен работой официального духовенства и полагает, что исследовать казахское мусульманское общество должны люди, которые обладают глубокими познаниями в исламском богословии. А многие из нынешних религиоведов не изучали арабского или персидского языков, без знания которых (в первую очередь, арабского) невозможно профессионально осуществлять свою деятельность. Как выход рассматриваются открытие школ, духовных академий, исламских научно-исследовательских центров, которые могли бы готовить собственные религиозные кадры; организовывать выпуск словарей и других специальных изданий.

Вместе с тем, только один эксперт оценил работу Духовного управления вполне позитивно, полагая при этом, что приход в туда ученого А. Дербисалиева помог этой структуре в организационном и имиджевом плане.

В-третьих, религия мусульман становится популярной, превращается в значимый элемент общественной жизни. Поэтому неудивительно, что одним из следствий становится превращение религиозной жизни в объект товарно-денежных отношений. Эксперты указывают, что в нашем молодом капиталистическом обществе уровень религиозности человека зачастую оценивается по тому, сколько денег было вложено на строительство мечети или как много средств было потрачено на поминки по усопшему. Мало того, что подобное «конкурирование» развращает и без того неустойчивую паству, оно еще и имеет серьезные социально-политические последствия. Как отмечалось, религиозные общины начинают возникать вокруг личностей, которые попросту тешат свои амбиции: *«У нас любой человек, у кого есть деньги, может создать свою религию. Он платит деньги и за один день у него регистрируют религиозное объединение»*. Говорили эксперты и о таком эффекте подобного финансирования как «учения на заказ»: *«За что борются сейчас проповедники? За души? Нет! За материальные ресурсы: сейчас ищут, где бы оторвать побольше. Проповедники ищут разницу, богословскую разницу в учении, и на ее основе делают деньги»*. Все это еще больше раскачивает и дробит без того сложную ситуацию с исламом в стране.

В-четвертых, в ходе исследования выявилось и различие в оценках уровня влияния на религиозную ситуацию зарубежных миссионеров и

проповедников. Так, по мнению большинства опрошенных, действие сравнительно либерального законодательства по вопросам свободы совести слабо контролирует прозелитскую деятельность исламских миссионеров, что приводит к негативным последствиям. В связи с этим, по мнению экспертов, одним из направлений работы государства должно быть ужесточение законодательства, пресечение деятельности чуждых нам элементов. Как говорил один из экспертов, в сферу интересов таких деятелей входят «и сами казахи, и мигранты из мусульманских стран, проживающие в нашей стране. Органы национальной безопасности без устали громят подобные организации, а суды при рассмотрении таких дел обычно не проявляют снисхождения к подсудимым, но, как рассказывают очевидцы, оказываясь в местах не столь отдаленных, те же салафиты только множат число своих сторонников».

Заметно отличается от других оценок мнение руководителя исламского СМИ; который утверждает, что сейчас ситуация иная, чем в середине 90-х годов: «Тогда финансовые потоки (гранты и деньги) имели зарубежные корни, т.е. раньше проповедникам давали деньги те страны, где они обучались или откуда приезжали. Сейчас внешний поток ничтожно мал. Сегодня финансирование проповедников идет только за счет внутренних резервов: есть богатые последователи, которые платят столько, сколько надо хоть на зарплату, хоть на проповеди, хоть на мечеть». Такой взгляд заметно меняет картину, поскольку и в обществе, и в экспертной среде довольно распространенными являются обвинения в адрес деятельности иностранных миссионеров как одну из главных причин ухудшения ситуации в целом единой мусульманской общине Казахстана.

Хиджаб – носить или не носить

Так как же быть с хиджабом? Можно сказать, что отношение к хиджабу, а точнее к тому, должны ли его носить казашки, стало лакмусовой бумажкой для проявления точной позиции опрошенных. Как сказал эксперт-историк, хиджаб на сегодняшний день – это не только элемент гардероба добропорядочной мусульманки, но и в определенной мере оружие идеологической борьбы.

Вполне понятно, что если эксперт полагает, что ислам в Казахстане приходит на пустое место, то и восприятие внешнего вида новообращенных видится ему в каноническом виде, т.е. с максимальным закрытием тела женщины.

Те же, кто считают, что ислам давно укоренен в нашей стране, и сейчас идет речь лишь о его возрождении, полагают, что эта одежда не подходит для наших женщин. Они говорят о том, что есть свой тра-

диционный вид одежды казахских женщин, который формировался на протяжении многих столетий. По их мнению, *«нашим девушкам не идет иранская или арабская одежда, которая больше предназначена для пустынной, песчаной местности. Я не думаю, что у казахских женщин в XVII–XVIII веках не было соответствующей исламским канонам одежды. Если она была у узбечек и таджичек, то ясно, что она была и у нас»*. С ним согласен другой эксперт, по мнению которого хиджаб – это мусульманская женская одежда, но при этом ни в каком документе не оговаривалось, какой именно она должна быть. Пусть это будет платок, или что-то другое; каждый народ в итоге выработал свой традиционный стиль.

Вместе с тем, все эксперты согласились с тем, что решение этого вопроса не должно приобретать конфликтный характер и уж тем более не должно осуществляться в стенах общеобразовательных учебных заведений.

Каким будет ислам в Казахстане?

Как и следовало ожидать, среди экспертов нет единого мнения по поводу главного вопроса сегодняшнего дня – об оптимальном соотношении традиций и нарастающего процесса исламизации. С одной стороны, отмечалось, что казахские традиции, которые представляют собой часть культурного наследия, и в тоже время составляют современную ткань казахского общества, выступают базой исламизации. С другой – рост религиозности, причем зачастую в опоре на несвойственные нам исламские направления, например, салафитов. Для того чтобы процесс исламизации не приобретал конфликтный характер нам нужно контролировать процесс, необходимо с учетом национальных традиций и настроений в обществе создавать условия для развития духовности общества, т.е. нужно опираться на комплексный подход, *«до сегодняшнего дня ни одна запятая в Коране не поменялась. Коран – это конституция мусульман. Но Аллах всем народам дает язык, государство. У каждого народа свои традиции. В хадисах говорится – если традиция не противоречит религии, надо ее беречь»*.

Но, вместе с тем, выражаются и опасения, что увеличение числа верующих на фоне отсутствия осмысленности и понимания причин прихода в веру, не ведет ни к чему хорошему. Как возможный выход в очередной раз идет апелляция к государству, по существу, звучит призыв к изменению светского устройства государства. Так, теолог считает, что с точки зрения обеспечения национальной безопасности *«государство сейчас должно в Конституции прописать, что ислам является нашей государственной религией, потому что у нас религия бесхозная»*.

Чужую религию может остановить только другая религия». При этом под «другой религией» понимается ислам в Казахстане, закрепленный законодательно, а не как свободный, исторически детерминированный, осознанный выбор людей.

Следует отметить, что данное мнение, которое рассматривает современные процессы в исламе в РК с точки зрения их возрождения/реставрации, не является единственным и превалирующим, другие считают, что ислам в Казахстан приходит практически на пустое место. В этом случае все разговоры об имеющихся традициях казахов как базы для ре-исламизации отбрасываются как пустые. При этом решающим в такой постановке становится аргумент, что *«традиции не есть навсегда что-то устоявшееся. Они же когда-то и кем-то были введены? Наши традиции прививались в кочевом обществе. Сейчас изменился уклад жизни, а это ведет и к изменению традиции».*

Также одной из базовых проблем при таком видении является то, что *«казахи как нация, как общность идей еще не сформировалась».* Если так, то процессы этногенеза и поиска духовной идентичности идут параллельно: *«внутри нация должна быть солидарна на какой-то основе. Общество должно вырабатывать новые традиции, ценности. А ислам – часть общества, он должен развиваться на основе всего того, что есть в обществе, иначе будет раскол. Но ислам сейчас задает основные ценности – вот есть Творец мира, и все вокруг этого. Должно быть стремление в обществе к лучшему. Делается шаг в сторону улучшения – значит, достигаем цели».* Каким в этом случае видится развитие ислама в нашей стране? В наиболее емкой формулировке это видится в следующих словах культуролога: *«Нашего ислама нет. Ислам будет таким, каким мы его примем».* На смену «шамкающему старику в грязном халате», читающему на исковерканном арабском языке молитву, а затем поминающему почивших предков, по мнению эксперта, придет «текстуальная культура», т.е. продвижение ислама будет зависеть от людей коранического воспитания. В таком контексте предполагается, что современные казахи будут больше интересоваться текстом *«последней книги – Корана»*, который неофиту надо познать самому, а не со слов очередного учителя. Вместе с тем, необходимо признать, что в данном случае совсем не учитывается то, что разные люди в силу разности уровня развития, образования, социального положения не смогут адекватно (и уже тем более одинаково) понять и усвоить первоисточник. Конечно, есть люди, для которых подобного рода литература является сравнимой с высокой поэзией, но для подавляющего большинства снова потребуются интерпретация и интерпретаторы.

Так что же в итоге мы имеем? Казахстан исторически находится в лоне ислама ханафитского мазхаба. У нас есть наши традиции и культура, и какими бы они ни были, они наши. У нас наблюдается повышение интереса к религии и рост религиозности населения. В то же время все более отчетливыми становятся предпосылки для опасного усиления внутриэтнического, внутриказахского противоречия на основе расхождения в понимании того, какой ислам является нашим, а какой – не нашим, по первым наблюдениям, чаще всего между городским (отвергающим традиции) и сельским (консервативно-традиционалистским) населением. Может быть правильным выходом должно стать создание выверенного на богословской основе собственного описания казахской исламской традиции с включением в него базовых с одной стороны религиозных, с другой – духовно-культурных концептов народа? В противном случае, если сейчас отделить религию от нашей культуры, то место займут другие формы либо арабская, либо пакистанская, либо какая-то другая. Но ведь, на самом деле, не начинать же все с чистого листа?

Восприятие населением Казахстана ситуации в сфере культуры^{14 15}

Илеуова Гульмира

Если внимательно проанализировать информационное пространство Казахстана, то становится заметной двойственность оценок состояния культуры в республике. С одной стороны, оно описывается как динамично развивающееся, имеющее значительные перспективы. Есть и другое мнение, в котором сквозит глубокая озабоченность и неудовлетворенность нынешним положением. При этом кардинальное различие в оценках чаще всего опирается на позицию оценивающего, на то, какой смысл он вкладывает в понятие «культура». В данном случае становится очевидным наличие двух подходов, выпячивающих

14 Илеуова Гульмира. Восприятие населением Казахстана ситуации в сфере культуры // «Телескоп», №2 (86) 2011.

15 При подготовке данной работы использовались некоторые результаты исследования, проведенного ОФ «ЦСПИ «Стратегия» в июле 2009 года. В 14 областях Казахстана и г. Алматы и Астана (города республиканского значения) было опрошено 1545 респондентов (использовалась маршрутно-квотная выборка, основывающаяся на таких параметрах, как область, место жительства респондентов (город/ село), пол, возраст, этническая принадлежность); проведены 4 фокус-групповые дискуссии (город республиканского значения, областной центр, город областного значения, село).

только одну сторону, одну компоненту культуры: культуры, как производства объектов искусства, совокупности духовных и материальных ценностей (и в этом случае оценки оптимистичные) и культуры, как совокупности обычаев, ритуалов, традиций той или иной нации/этноса. При этом взгляде состояние современной культуры рассматривается с позиций утраты обществом самобытной казахской идентичности. Безусловно, понятие «культуры» гораздо шире, оно включает в себя и эти определения, и многие другие, достаточно взглянуть в словари. Но это все больше экспертные оценки. А что на такую важную тему думает население страны, как оно воспринимает состояние культуры в Казахстане? Предлагаемое исследование было призвано провести своего рода ревизию культурных потребностей населения на современном этапе, выявить их содержание, направленность, приоритеты; определить сходства и различия в установках представителей различных социально-демографических групп.

В рамках исследования респондентам предлагалось подумать о том, кого можно назвать культурным человеком; изменились ли с течением времени (например, в сравнении с советским периодом) смысл и содержание этого понятия?

Как показывают материалы фокус-групповых обсуждений, какого-то совокупного представления о «человеке культурном» в нашем обществе нет. Чаще всего респонденты называли различные признаки, которые в их представлении отражают изучаемое явление. При этом можно отметить, что в разных регионах страны представителями разных социально-демографических страт (возрастных, этнических, поселенческих и др.) во главу угла ставились различные аспекты понимания «культурного человека», а в более широком контексте восприятия таких понятий, как «культура», «духовность», «мораль», «нравственность».

Вместе с тем, можно подвести некоторые итоги.

В первую очередь, когда поднимался вопрос о том, кто такой «культурный человек» в представлении участников фокус-групповых обсуждений, респонденты говорили о внутренней культуре человека, которая предполагает целый набор довольно разнородных качеств – от соответствия своей этнической культуре до умения одеваться. Но, все-таки, преобладающим в разговоре о внутренней культуре человека был акцент на том, что культурный человек не игнорирует сложившиеся стереотипы поведения, общественные нормы, традиции, а старается ими руководствоваться в своей жизни (*«нас отцы учили: не переходить дорогу старшим, не перебивать, когда взрослые разговаривают, помогать и все такое. И в школе тоже нас так воспитывали»*).

Еще одной важной характеристикой культурного человека в представлении участников фокус-групп является его образованность. Как утверждалось, малые знания или их отсутствие однозначно могут свидетельствовать о низком культурном уровне человека (*«Если человек не образован, о какой культуре может идти речь?»*). Достаточно тиражируемым (но не доминирующим), в этой связи, является мнение, что нынешнее молодое поколение, несмотря на, казалось бы, более широкие возможности, предоставляемые современной жизнью и технологиями, более высокие образовательные стандарты, в меньшей степени культурно, чем люди старшего возраста, потому что образованность у молодежи в итоге не перерастает в культурность, воспитанность, стремление саморазвиваться. Т.е., для респондентов старшего возраста современный уровень образования не всегда может рассматриваться как база для культурного развития человека (*«Я библиотечкарь. К нам приходят дети и родители. Родители всегда здороваются и интересуются, какие книги есть в библиотеке, а дети не знают ни названий, ни авторов, бросают книги и уходят. Сами не знают, кого просят: Гоголя или Пушкина, даже автора не знают. Я наблюдаю много безграмотных детей»*).

В то же время данное восприятие не было поддержано участниками фокус-групп более молодых возрастов. По их мнению, нельзя сказать, что молодежь менее культурна. Конфликт «отцов и детей» еще никто не отменял, противоречия во взглядах на жизнь, на отношения людей, на моду, и т.п. людей разных поколений исторически непреодолимы. Вопрос в остроте восприятия этого противоречия, которое в настоящее время усилилось и в связи с переходом к новым общественно-политическим условиям (*«У каждого поколения есть своя культура. Этого нельзя опровергнуть. Вот старшее поколение говорит, что сейчас молодежь неправильно одевается, слишком открыто, вызывающе и так далее. Это мода такая. Вы же тоже одевались по моде? Бабушки тоже говорили, что какие откровенные у молодежи платья, потому что нет рукавов. Все повторяется»*).

Следует отметить, что довольно распространенным в последнее время становится мнение, что культурность человека тесно связана с его религиозностью, что эти два понятия идут «рука об руку», иногда рассматриваются как синонимичные.

Поэтому практически на всех группах поднимались духовно-религиозные аспекты культурного развития человека (*«Верующие люди всегда культурные. Человек, в сердце которого есть религия, всегда культурный»*).

При сравнении с советским периодом, в ходе фокус-групповых обсуждений, отмечалось существенное, зачастую негативное, влияние, которое оказывает изменившаяся социальная реальность на общий культурный фон страны. Культ денег, который доминирует в настоящее время, не мог не сказаться и на духовно-культурной составляющей общества (*«Мне кажется, у нас сейчас теряется культура, это такая рыночная система...»*). С одной стороны, респонденты отмечали негативные явления, проявившиеся в последнее время: люди стали более закрытыми, недоверчивыми, им в меньшей степени стали присущи такие черты, как коллективизм, человеколюбие, добросердечие, гостеприимство, а отсюда и грубость, невнимательность к интересам окружающих, которые очень легко обрядить в «одежды» бескультурья (*«казахское гостеприимство. А сейчас люди не такие. Совсем другие стали. Не только это, но даже то, что говорили про приветствие, а сейчас не так»*).

С другой стороны, по свидетельствам участников фокус-групп, нет ничего сверхординарного в том, что происходит.

Люди не могут не меняться под воздействием обстоятельств и то, что казахстанцы становятся в большей степени индивидуалистами – влечение времени, результат выбора новой экономической модели развития (*«с каждым днем прогрессирует страна»*). Поэтому сейчас нужны иные стандарты при рассмотрении процессов, связанных с культурным развитием общества, в котором учитывались бы такие аспекты современной жизни, как ее неоднородность, открытость миру с появлением возможностей для новых культурных контактов и обменов и др.

Т.е. необязательно, да и неверно, для сравнения использовать советскую «линейку», а необходимо выбирать и другие стандарты для сравнения (*«Сейчас не сравнивают нынешних и людей советских. Сейчас сравнивают нас и американцев. Советские стереотипы забыты. Если сравнить американцев и нас, можно увидеть, насколько мы ниже их»*; *«У всех все разное, а не так однообразно, как в советское время. Люди осваивают новые технологии, освоили интернет. Раньше ведь не было всего этого, и это мешало человеку развить культуру быстрым темпом. Другое дело, это фильтровать все полученное у себя в мозгу. У людей появилось право выбора. Люди приобрели разнообразный вкус, развивается фантазия»*).

В ходе массового опроса населения респондентам предлагалось попытаться ответить на вопрос: что, с их точки зрения, сейчас определяет, а что должно определять место человека в современном казахстанском обществе. Опрос показал значительную разницу между «должным и сущим» в данном вопросе. Так, сейчас основаниями, определяющими по-

ложение человека в обществе, являются богатство и власть, в то время как в идеале таковыми должны выступать достижения человека и уровень его общей культуры (*пожалуйста, см. диаграмму 1*).

По результатам анализа данных в разрезе различных социальных групп населения, обращает на себя внимание значительная степень недовольства жителей областных центров и сел, связанная с их низкой востребованностью и слабой достижимостью высоких результатов в обществе. Так, при ответах на вопрос, что должно определять положение человека в обществе, 71% опрошенных жителей областных центров и 61% сельчан ответили, что это должны быть достижения в образовании, профессиональной деятельности (для сравнения, в столичных центрах доля таких ответов – 45,7%). А сельские жители, кроме того, не удовлетворены материальным уровнем своей жизни: они на второе место в идеальном рейтинге поставили «владение материальными или другими ценностями», в то время как для жителей больших и средних городов на втором месте находится «уровень общей культуры».

Характерно, что представители всех этнических групп единодушны во мнении, что главными составляющими успеха в наше время являются власть и богатство, и также сходятся в том, что так не должно быть, и на смену этому подходу должна прийти оценка заслуг человека по его достижениям и уровню общей культуры. Аналогичная картина вырисовывается и при анализе данных в разрезе возрастных групп.

Диаграмма 1. – Что, по Вашему мнению, должно определять положение человека в обществе? А что определяет сегодня? (% от общего числа опрошенных)

В ходе исследования неоднократно отмечалось, что идет активный процесс проникновения в Казахстан западной массовой культуры и ее стандартов, основанных на индивидуализме, отрицании коллективистских начал в обществе, которые привлекательны некоторым слоям (городским, молодежным), но, в целом, пока еще чуждых, по мнению участников фокус-групп, большей части населения. При этом респонденты также указывали на влияние на их жизнь новых информационных технологий, интернета, которое рассматривается как один из каналов продвижения западной масскультуры. В связи с этим присутствует определенная настороженность: интернет – это нечто неконтролируемое, для многих взрослых малоиспользуемое в повседневной жизни явление, но которое для более молодых поколений становится формой жизни, общения и т.д. Все это вызывает озабоченность, особенно в казахской среде, в силу того что, по мнению некоторых ее представителей, угрожает культурным ценностям казахов, основанных на смеси патриархальности и исламских традиций (*«Молодежь подражает друг другу. Не хочет отставать. Сидят дома и рассказывают про западных звезд, я даже имен выговорить не могу. Потому с духовной точки зрения они отстают. Родители все видят, но им лень»*).

В то же время, участники ФГ не видят защиты от этого влияния во введении цензуры, всякого рода запретов, поскольку есть возможность сравнения с советскими временами, когда существовал «железный занавес», и это время также не рассматривается в позитивном ключе. (*«Вот в советское время, допустим, возник определенный щит, определенная как бы оболочка, через которую культура вообще не пробивалась, а потом, когда он лопнул – человек чуть с ума не сошел от того, что хлынуло это все»*).

Еще одной проблемой, по утверждениям респондентов, является снижение роли семьи в воспитательном процессе: родители мало уделяют внимания детям, не происходит полноценная межпоколенческая передача моральных ценностей и традиционных установок, в том числе и в отношении культуры.

Как отмечалось на ФГ, сейчас люди мало читают как художественную литературу, так и печатные СМИ, редко ходят в библиотеки, которые раньше являлись «очагом культуры». И здесь можно отметить такой парадокс: несмотря на то, что в старших возрастах, такой показатель, как «любовь к книге» все еще является распространенным стереотипом в восприятии уровня культуры человека, в молодых воз-

растах он не распространен, т.е. не привит детям родителями («Никто не думает заставлять ребенка читать книги»). И теперь отсутствие интереса к чтению художественной литературы у молодежи рассматривается как показатель снижения уровня культуры общества в целом. (*«Дети сейчас соответствуют времени. Пользуются компьютером и интернетом. Книги вообще не читают. Читают только школьную программу»*). Объяснение создавшемуся положению одно: *тяжелые, на грани выживания, социально-экономические условия жизни, которые не позволяют родителям в должной мере обращать внимание на воспитание детей («Люди ходят с одной работы на другую, торчат в пробках, ломают голову, как прокормить семью, дать образование, на учебу деньги и так далее! Это же нелегко, какое тут потом место остается для культуры? Другое дело, что надо в какой-то мере смотреть на это не только осуждающе, но и объективно»*).

По утверждениям респондентов, государство также сыграло свою неблагоприятную роль в процессе снижения культурного уровня страны. Так, участники фокус-групп говорили об имевшемся до недавнего времени слабом финансировании, как самой культуры, так и ее объектов, об удручающем состоянии объектов сельской социальной инфраструктуры (*«Как можно назвать образованной страну, где отсутствует Академия наук!! У нас ее нет. Еще сказали про молодежь, да? Да, не про всех можно так говорить. В последние годы вот наши школьники занимают на международных олимпиадах почетные места. Если я не ошибаюсь, они сильны в области математики и физики. Они даже обходят Россию! Но их показатели не могут отвечать за весь Казахстан. У нас же нету достижений в области науки, признанные мировым сообществом! Мы ничего не открываем!»*); *«Вот вся беда в том, что мы остались в селе, которое разрушили, когда жили мы в райцентре, у нас все было, а теперь нас разрушили, никому не нужно»*). Как одно из следствий слабого внимания к развитию культуры со стороны общества и государства, называлась низкая конкурентоспособность, слабая востребованность казахской (традиционной и современной) национальной культуры, казахского языка. (*«Надо поднимать национальную культуру. В городе ее нет вообще!»*).

В последнее время в Казахстане, безусловно, стал приниматься ряд мер, призванных исправить ситуацию: из года в год увеличивается бюджетное финансирование сферы культуры; приняты общего-

сударственные долгосрочные программы – «Культурное наследие» и программа развития государственного языка; ремонтируются старые и строятся новые объекты культуры (театры, музеи) и др. В ходе опроса была предпринята попытка определения рейтинга направлений культуры, которые, с точки зрения населения, требуют поддержки государства. Наиболее требующими поддержки государства направлениями признаны (пожалуйста, см. диаграмму 2): музеи/заповедники, кинематография и казахское национальное искусство. В разрезе различных социально-демографических групп населения имеются определенные различия. Так, в отличие от казахов, у которых тройка наиболее нуждающихся в поддержке – казахское национальное искусство, кинематография и музеи/заповедники, для русских и других этносов поддержка государства более актуальна для – музеев/заповедников, охраны памятников и кинематографии.

Существенны различия в рейтингах, предложенных респондентами, проживающими в разных населенных пунктах.

Так, для жителей столичных городов требующими наибольшего внимания являются направления кинематография и музеи/заповедники; для жителей областных центров – музеи/заповедники и казахское национальное искусство; для жителей села – национальное искусство казахов и охрана памятников.

В разрезе возрастов: поддержка государством казахского национального искусства и музеев/заповедников признается в равной степени всеми возрастными группами, чего не скажешь в отношении кинематографии. В данном случае необходимость большего внимания со стороны государства к этой сфере культуры разделяется в большей степени молодыми и средними возрастными когортами (до 44 лет). В то же время для групп старше 45 лет важной с точки зрения поддержки государства представляется охрана памятников.

Следует отметить, что и на фокус-группах практически в один голос участники говорили о необходимости развития и поддержки отечественного кинематографа. Можно предположить, что поскольку главным способом времяпрепровождения является просмотр программ телевидения, поэтому основной акцент в требованиях поддержки со стороны государства направлен на киноиндустрию. Среднему казахстанцу, «наевшемуся» иностранной кинопродукции (в том числе и российской) нужны хорошие, качественные, разножанровые фильмы отечественного производства.

**Диаграмма 2. – Какие направления культуры требуют наибольшей поддержки со стороны государства?
(% от общего числа опрошенных)**

Если проанализировать полученные материалы исследования и попытаться сделать некоторые обобщения, то главным является то, что восприятие населением ситуации в сфере культуры носит неоднозначный характер. И эта неоднозначность, безусловно, имеет в основании переживаемый Казахстаном транзитный период своего существования.

Так, с одной стороны, по-прежнему живучими остаются подходы к оценке культурной сферы, присущие советскому строю. Состояние культуры здесь чаще связывается с оценкой уровня образованности общества: до сих пор довольно распространено мнение, что в СССР люди были более образованными, а, соответственно, «более культурными», т.е. больше читали, больше интересовались новостями культуры, чаще посещали культурные мероприятия. Сейчас, по мнению респондентов, разделяющих данную точку зрения, всего этого нет или почти нет, и поэтому на современность навешивается ярлык – «бескультурье». Этот взгляд на культуру находит свое отражение в требованиях (скорее, по инерции) к государству о необходимости большего внимания с его стороны к состоянию и охране музеев, заповедников, памятников культуры, театров, развитию литературы. Понятно, что носителями такого понимания, прежде всего, являются представители старшего поколения, сохраняющие консервативность в восприятии современной жизни.

С другой стороны, заметно, что такое видение постепенно теряет свою актуальность. Это связано с тем, что на уровне общественного сознания проис-

ходит отторжение советских образцов, главным образом, из-за характерных для тех лет издержек таких, как закрытость от внешних влияний, социальное и идеологическое единообразие, цензура, отсутствие должного внимания к развитию культуры этносов, населяющих страну и т.д. В этих условиях закономерным образом происходит активный поиск новых культурных образцов. Для молодых их предложила западная массовая культура, воздействуя через СМИ и другие современные каналы коммуникации. Но, более взрослая часть населения, не приемлющая западные идеалы и стандарты, стремится воспроизвести новые культурные лекала, которые не только отражали бы местный социокультурный колорит, но и позволяли бы сохранить самобытность казахского народа в условиях глобализации. В этом русле наиболее заметной тенденцией является усиление запроса на возвышение традиционной казахской культуры, предполагающий возврат к истокам и культивирование обычаев предков. В целом такое понимание развития культуры на сегодняшний день имеет определенный успех (особенно в традиционной казахской среде), особенно с учетом того, что государство выступает активным сторонником возрождения национальной культуры. Однако, несмотря на государственную поддержку, говорить о данном течении, как о доминирующем в культурном развитии Казахстана, пока рано. Таким образом, сохраняющаяся в текущей культурной ситуации фрагментарность общественных запросов на культурные образцы должна рассматриваться как важный фактор формирования культурного пространства на территории республики.

Особенности социальной мобильности в условиях современного Казахстана¹⁶

Илеуова Гульмира

Социальная модернизация как процесс достижения обществом современного состояния (или современности) путем проведения целой совокупности экономических, демографических, политических, психологических преобразований, достаточно хорошо изучен в мировой политологической мысли. На одной из ее составных частей – формирование открытой социальной структуры и обеспечение высокой социальной мобильности – мне бы хотелось остановиться в своем выступлении.

¹⁶ Выступление Г. Илеуовой на конференции «Современные реалии политологической науки в контексте социальной модернизации Казахстана». – Астана, 11 сентября 2012 г.

Но прежде хочу сделать замечания более общего порядка. Мне не очень нравится определение «модернизация», точнее, то, как его используют в нашей стране. О нем вспоминают с периодичностью 1 раз в 10 лет, выдвигая вперед то одну, например, экономическую, то другую – теперь, социальную, составляющие, а потом благополучно забывают, начиная применять новые определения и дефиниции. Я думаю, что не надо быть большим специалистом, чтобы предположить, что в ближайшей перспективе мы заговорим о культурной модернизации. Т.е., имеем дело с разрозненным, а не системным видением путей развития страны. Вместе с тем, то, что мы, Казахстан, хотим жить в модерновом (т.е. современном), цивилизованном обществе, имея стандарты жизни, сравнимые с наиболее развитыми странами мира, является вполне понятным, оправданным, а главное – достижимым желанием. Так что, казалось бы, как ни называй процесс развития – модернизация, вестернизация, прогресс – главное, чтобы в итоге население жило хорошо.

Но вот читая материалы, которые вышли в последнее время по теме социальной модернизации, обнаруживаю, что основной упор в них делается, например, на мерах по искоренению элементов иждивенчества среди отдельных граждан или групп, якобы именно их нежелание трудиться мешает нам строить качественную экономику. Как бы вот оно – зло, и все принялись его искоренять. По-моему мнению, социальная модернизация – это прежде всего модернизация социальной политики государства. Ведь если государство хочет осуществить экономический подъем, оно должно капитально вложиться в своих граждан, наладить условия их жизни, образования, здоровья, без этого невозможно решить социальные проблемы, такие как низкая продолжительность жизни и невысокий уровень рождаемости, рост уровня опасных заболеваний, различных социальных девиаций (наркомания, алкоголизм) и др. Без эффективной социальной политики невозможно воспитать и законопослушного гражданина.

Теперь остановлюсь непосредственно на теме выступления. Всем известно, в каком неудовлетворительном состоянии находится социальная инфраструктура в сельской местности, да и районные центры не отличаются высоким уровнем социальных стандартов. Поэтому одним из главных видов социальной мобильности у нас является миграция – переезд населения внутри страны – внутриобластной и межрегиональный и выезд из страны (на последнем не буду останавливаться, поскольку это не является темой моего выступления).

По результатам наших опросов, основные причины переезда с места своего обитания – это:

Причины переезда	%
Проблемы трудоустройства	29,0%
Отсутствие условий для планирования будущего детей	20,6%
Низкий уровень жизни	19,9%
Семейные обстоятельства	19,2%
Неблагоприятная экологическая ситуация	16,3%
Отсутствие социальной инфраструктуры (питьевая вода, медицинское обслуживание и т.п.)	15,1%
Отсутствие перспектив для реализации собственных планов	13,2%
Нестабильная социально-политическая обстановка	10,8%
Отсутствие доступа к образованию, получению профессии	9,8%
Сложные межнациональные отношения	8,0%

То, нетрудно понять, что в основном люди переезжают не потому, что хотят непременно жить в городе, а от безысходности, видя в кардинальной смене места жительства возможность решения своих социально-экономических и бытовых проблем.

Вместе с тем, хотелось бы, в связи с этим обратить внимание на следующий аспект. Высокий уровень миграции из села в город, безусловно, является характерной чертой нашего времени. Но приведу данные Переписей за 1999 и 2009 годы: в 99 году в городе проживало 54% населения, на селе – 46%; в 2009 году – в городе 56,4%, на селе – 43,6%. Т.е., соотношение городское/сельское население хотя и меняется, но не существенно. При этом в межрегиональном обмене главными притягательными точками миграции являются гг. Алматы и Астана, Алматинская область; во внутриобластной миграции происходит переезд населения в областные центры и близлежащие поселки. Все-таки, почему уровень урбанизации остается практически в одних и тех же пределах на протяжении многих лет? Позволю себе предположить, что одним из ответов на этот вопрос является то, что в городах не появилось новых крупных производств, способных дать занятость значительному числу новых горожан – ни БАМов, ни Магнитки. Консервация уровня урбанизации означает, что не произошло существенного перелома в экономике, т.е. на протяжении десятилетий в городах развиваются одни и те же виды экономической деятельности, которые не требуют расширения занятости.

И здесь мы подходим к такому важному аспекту, как социальная структура, которая в развитых обществах сложная, многосоставная, и в то же время открытая. К сожалению, в Казахстане, как уже неоднократно отмечалось многими экспертами, сложилась достаточно простая структу-

ра, в каком бы аспекте ее не брали. У нас вообще-то слабовато с теоретическими подходами в этой сфере. Но вот если брать в качестве базового подхода материальный фактор, то в РК практически нет среднего класса. По нашим оценкам, наиболее широко (на уровне 40–45%) представлена группа людей, доходы которых по их субъективным самооценкам – средние, т.е. такие же, как и у большинства окружающих их людей, а если в денежном выражении, то это всего лишь 60 тыс тенге на семью из 4 человек. Вряд ли этих людей можно отнести к среднему классу. Четвертую часть населения можно уверенно отнести к бедным и малоимущим слоям, ежемесячных доходов которых едва хватает на питание. При этом количество богатых людей, которые могут позволить себе все материальные блага, около 1%.

В социально-профессиональном отношении структура также выглядит достаточно просто, навскидку можно назвать – бюджетники, работники крупных добывающих компаний, немного предпринимателей, сельхозработчие, безработные, самозанятые, студенты, пенсионеры, госслужащие, представители сферы услуг. Т.е. ровно та социальная структура, которая соответствует сложившейся ситуации в экономике. Конечно, нельзя отрицать, что в рамках этой стратификации не может быть динамики, не может осуществляться мобильность как внутри отдельной социальной группы, так и перемещение между ними. Все это, конечно, есть. Но также есть и то, что в силу узости возможностей мобильности по отдельным направлениям происходит перекокс: уже сейчас основной интерес молодежи сосредоточен на достижении позиций в государственном аппарате, поскольку практически только в нем результаты мобильности наиболее очевидны. А ведь еще недавно многие молодые люди хотели стать бизнесменами, как говорится, «переобулись по ходу».

Другой особенностью процессов социальной мобильности в Казахстане (имея в виду переезд) является то, что в них участвуют чаще всего люди с невысоким уровнем образования – 10 классов и меньше. Соответственно, для таких категорий престижность труда определяется внешними характеристиками, именно теми, на которые направлена критика, т.е. быть таксистом в их представлении более престижно, чем заниматься тяжелым физическим трудом, на который обрекло бы их отсутствие профессиональной подготовки. И, конечно, апеллировать к этим людям, призывая на работу на инновационных предприятиях, бесполезно. Даже если бы они и захотели заняться переобучением или повышением уровня своей квалификации, то на это денег из своего бюджета они выделять не станут. Например, если бы у среднестатистического казахстанца появилась пара тысяч лишних долларов, то в первую очередь он (согласно

нашим данным): отдаст долги, потратится на детей, купит необходимые вещи для дома или отдаст их системе здравоохранения, позаботившись о своем здоровье. Только 6,5% респондентов потратят деньги на собственное переобучение или повышение квалификации.

Ну и конечно, говоря о возможностях социальной мобильности в Казахстане, нельзя не обратить внимания на проблемы, связанные с жильем и трудоустройством. Часто приходится слышать такую расхожую фразу, что если человек ищет работу, не сидит, сложа руки, то она всегда найдется. Вместе с тем, проблема безработицы на протяжении многих лет является самой важной в рейтинге социальных проблем. Можно, видимо, уже подумать, что это и не проблема вовсе, а сложившийся стереотип, которым легко прикрывать собственную лень. Однако то, что мы имеем дело с системным представлением (в Казахстане мало работы) можно подтвердить следующими цифрами: около половины опрошенного нами населения полагает, что в случае потери работы найти равноценную или не удастся вовсе либо с большим трудом. Только 7% респондентов были уверены, что смогут это сделать легко. Кстати, во многом именно со сложившимся устойчивым представлением, что в Казахстане мало работы, связан и рост ксенофобских настроений. Что касается жилищного вопроса, то 55% населения нуждаются либо в новом, либо в улучшении старого жилья. Т.е. с одной стороны, эта та проблема, которая гонит человека на переезд, с другой – именно сложность и даже невозможность получения жилья на новом месте жительства сдерживает его миграционный порыв, а, значит, и возможности мобильности.

Безусловно, социальные проблемы нашего общества нам всем хорошо известны, и, может быть, не стоило о них напоминать. Но, как я уже отмечала ранее, необходим комплексный подход. Например, можно сегодня выдвинуть идеологический лозунг о модернизации, а завтра забыть о нем, но ведь социальную мобильность никто не отменял, а это такое многоаспектное явление, которое не может быть изменено в положительную сторону за один день одними нашими пожеланиями. Не обеспечивая ее (мобильность), обрекая общество на закоряченную архаичную форму существования (а ведь еще в недавнем прошлом у казахов было только две основные социальные группы «аксуйек» и «карасуйек»), государство тем самым не только не заботится о благосостоянии своих граждан, но и закладывает мину замедленного действия под свой фундамент. Так что, в целом поддерживая курс на социальную модернизацию, хотелось бы нам всем пожелать последовательности и упорства в выбранном нами пути.

Спасибо за внимание!

Современное мещанство: социальный конформизм¹⁷ или адаптация к жизненной среде?¹⁸

Жармухамбетов Арслан

«Мещанство подразумевало спокойное следование большинству, для ведения средней умеренной жизни, оно пытается осесть посредине между крайностями, в умеренной и здоровой зоне, без яростных бурь и гроз».

Герман Гессе

Перед тем как написать статью, я долго не мог подобрать подходящее название. Рассматривая все возможные варианты, я неожиданно вспомнил беседу студенческих лет, когда мой товарищ, профсоюзный активист, критиковал студентов за их пассивность в общественной жизни. Именно тогда он употребил термин «мещанин» – редко употребляемое слово с нестандартным генезисом.

Социально-психологический тип мещанства возник в Новое Время и связан с формированием класса мелких буржуа. В их сознании сформулировалась установка обогащения *«методичным, каждодневным трудом, благодаря трудолюбию, следованию намеченному плану, солидности, добровольной бережливости, терпению и упорству, осторожности»*¹⁹. Дальнейшее развитие капиталистических отношений, с одной стороны, приводит к образованию класса предпринимателей-горожан, а с другой – к возникновению социально-культурных установок мещанства: *«недоверчивости, понимания счастья как состояния насыщения, застоя, прозаичности, ориентации на среднее, стремления к видимости добродетели, которая измеряется исключительно полезностью»*²⁰. Следовательно, первоначально мещанство рассматривалось как класс мелких буржуа, а затем оно трансформировалось в идейное мировоззрение соответствующей прослойки общества. Современный подход к трактовке феномена «мещанства» учитывает разные смысловые оттенки понятия²¹.

В связи с этим возникает вопрос: кто же такой мещанин нашего времени? Обратимся к историческому примеру. Возникновение мещанства

17 Некритическое принятие и следование господствующим мнениям и стандартам, стереотипам массового сознания, традициям, авторитетам, принципам, установкам.

18 Жармухамбетов А. Современное мещанство: социальный конформизм или адаптация к жизненной среде? 2014. <https://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/396-sovremennoe-meshchanstvo-sotsialnyj-konformizm-ili->

19 http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8667/МЕЩАНСТВО

20 См. так же

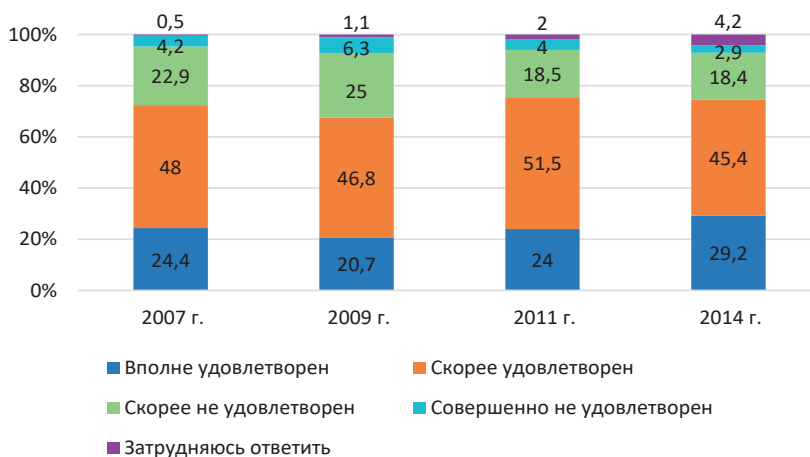
21 <http://www.slovochel.ru/meshanstvo.htm>

непосредственно связано с процессами урбанизации. Следовательно, параллельно с завершением урбанизации складывается мещанский класс. Итак, бывшая масса сельских жителей переселяется в город. В городской среде перед ними наиболее остро стоит вопрос выживания. Часть из них опускается «на дно жизни», образуя люмпен-пролетариат. Другая часть прилагает все усилия, чтобы вырваться из бедности. Это активные, мотивированные люди, постепенно адаптирующиеся к городской среде. Их доходы приближаются к достатку среднестатистического горожанина. Постепенно трансформируются их социальные установки: они стараются быть такими же, как все и не выделяться из общей массы.

Для наглядной иллюстрации социально-психологического портрета современного мещанина, обратимся к данным проекта «Евразийский монитор» за 2007, 2009, 2011–12, 2014 гг. Нам было интересно проследить динамику следующих показателей социального самочувствия: удовлетворенность жизнью, самооценка материального положения, оценка материального положения в стране.

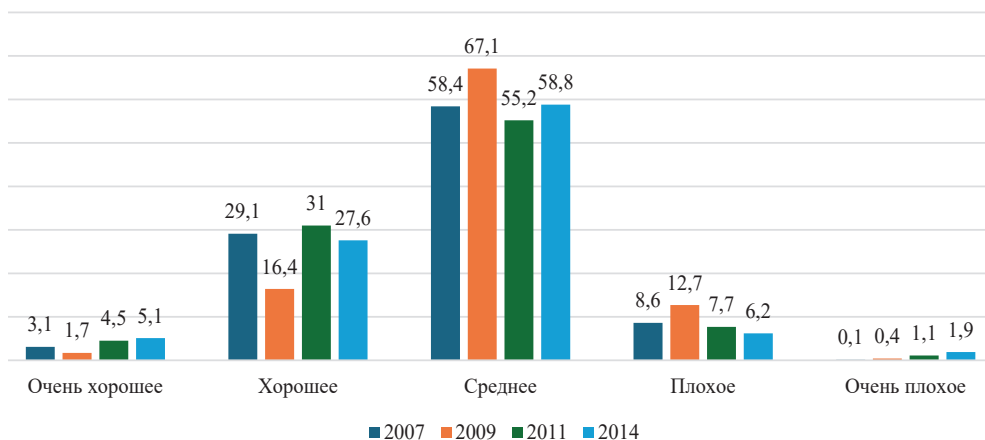
Принято считать, что население живет «в своем закрытом мире». В таких условиях каждый индивид предоставлен сам себе, т.е. его жизнь протекает в обывательском, инертном течении, без существенных перемен. Зафиксированные исследованием высокие показатели жизненной удовлетворенности (суммарные показатели по вариантам ответа «вполне» и «скорее удовлетворен» не опускаются ниже 70%) являются подтверждением потребительско-приспособленческого отношения населения к жизни (см. диаграмму 1). Т.е. люди довольствуются тем, что у них есть, не желая изменять жизненный уклад. И даже вмешательство внешних факторов (мировой экономической кризис 2009 г.) существенно не повлияло на общие оценки.

Диаграмма 1. – В целом, Вы удовлетворены или не удовлетворены жизнью, которую Вы ведете? (сравнительные данные)

При этом нельзя утверждать, что в стране возник настоящий средний класс, способный удовлетворять широкий круг материальных потребностей. Выяснилось, что основной контингент населения представлен бедным и «околосредним» классом с доходами²² менее 1 ПМ (19 996 KZT) и от 1 до 2 ПМ. Несмотря на не самый высокий уровень доходов, население достаточно высоко оценивает свое материальное положение. Динамический ряд сравнительных данных показывает преобладание таких оценок материального положения семьи, как «среднее» и «хорошее». Можно предположить, что доминирование посредственных усредненных оценок связано с мещанскими поведенческими установками: средне, значит, как у всех, не хуже и не лучше других. В подтверждение приведем данные 2009 года: кризис 2009 г. наиболее сильно отразился на благосостоянии «зажиточных» слоев (*экономическое положение семьи «очень хорошее» или «хорошие», см. диаграмму 2*). В то время как соотношение долей семей среднего материального достатка не претерпело существенных изменений.

Диаграмма 2. – Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение вашей семьи? (сравнительные данные)

Еще более консервативным выглядит отношение населения к государственной политике. Мещанин живет по принципу: *чем меньше я вмешаюсь в дела государства, тем лучше для меня*. В 2012 г. респондентам было предложено ответить на вопрос: «необходимы ли какие-либо изменения в жизни страны?» Более половины ответивших – 54% – указали, что в целом довольны ситуацией, но при этом отдельные сферы требуют

22 Имеются ввиду доход на 1 члена семьи по результатам исследования 2014 г.

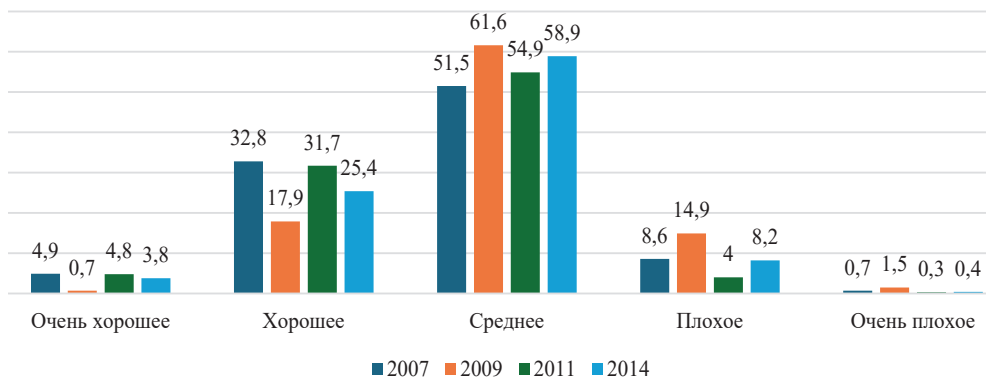
изменений. Очевидно, что приверженцы подобных традиционно-охранительских взглядов олицетворяют современное мещанство. Кто же составляет социальную базу мещан?

Социально-профессиональная дифференциация показала, что мещанская прослойка представлена домохозяйками, работниками сферы услуг, самозанятыми и работниками бюджетной сферы (см. таблицу 1).

Таблица 1. – Необходимы ли какие-либо изменения в жизни страны? (в разрезе социально-профессиональных групп, %)

	Работник бюджетной сферы	Работник торговли и сферы услуг	Самозанятый	Домохозяйка
В целом я доволен ситуацией, но отдельные сферы требуют изменений	60,5	61,4	60,5	62

Диаграмма 3. – Как бы Вы оценили в настоящее время экономическое положение нашей страны? (сравнительные данные)

Не менее интересная картина складывается в отношении оценок населением экономического положения страны. С одной стороны, двойственность мещанского мышления проявляется в том, что «мы должны жить не хуже того, как живет государство» (между показателями 2-ой и 3-ой диаграмм очевидна корреляционная связь). С другой стороны, мещанство создает и владеет экономическими активами, иногда платит налоги. И в лице государства оно видит гаранта сохранности своего имущества. Таким образом, между мещанством и государством заключен негласный общественный договор: размеренная мирная жизнь и неучастие в общественно-политической жизни в обмен на гарантии защиты

собственности от внешних посягательств. В итоге мещанин оценивает экономический потенциал государства сквозь призму собственных меркантильных интересов.

Какие же выводы можно сделать на основании проведенного исследования? Идет процесс формирования нового общественного пласта – мещанства. Мещанство следует рассматривать также и как социокультурный феномен, в основе которого лежат три взаимосвязанных явления: повышение роли городов в жизни общества, укоренившийся бытовой традиционализм и адаптация к жизненным трудностям. Первое и второе являются причинами мещанства, а третье – следствием.

Таким образом, следуя стандартным ценностным ориентирам – индивидуализму, страсти быстрой наживы, вульгарному материализму, социальной инертности, псевдокультурным ценностям, мещанство формирует большинство, которое мы можем рассматривать как основу современного общества: *«Потребительская психология, разобщая людей на основе эгоистического благополучия, в то же время оказывает определенное объединяющее воздействие на общество в целом. Она превращает массу потребителей в стандартизированную, конформистски настроенную «одинокую толпу», в «молчаливое большинство»²³.*

«Обжегшись» на ФОМС, «дуем» на ФСМС²⁴

Симакова Ольга

Согласно планам, озвученным Президентом Казахстана в ходе Евразийского форума развивающихся рынков «Евразия в XXI веке: лидерство через обновление», в стране с 2015 года заработает Фонд социального медицинского страхования (ФСМС). В свою очередь представители Министерства здравоохранения РК на селекторном совещании в феврале т.г. доложили, что их ведомство полностью готово к внедрению системы обязательного медицинского страхования, т.е. «внутренний стержень развития нашего здравоохранения» (Э. Байжунусов, вице-министр здравоохранения) уже выстроен. Осталась самая малость, узнать, а готовы ли казахстанцы принять новый Фонд?

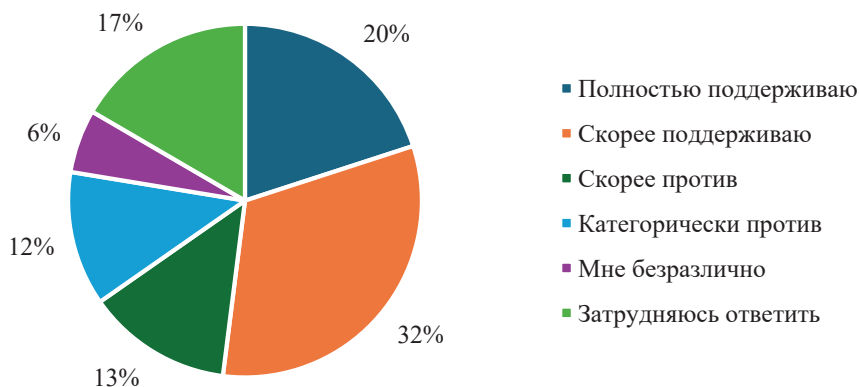
23 Б.В. Колодкин «Мещанство и общество потребления: социально-философский анализ», http://sevntu.com.ua/jspui/bitstream/123456789/5309/1/126_10.pdf

24 Симакова О. «Обжегшись» на ФОМС, «дуем» на ФСМС. 29.07.2014 – <https://nomad.su/?a=3-201407290018>

Так уж сложилась управленческая традиция, что все общественно значимые инициативы в нашей стране проводятся сверху вниз при поддержке административного ресурса по схеме: политическая воля проявлена – чиновничество «взяло под козырек». И очень часто в своем рвении выполнить поручение главы государства исполнители забывают подумать о том, что успех их предприятия может зависеть от отношения к нему простых людей – доверия или недоверия, поддержки или ее отсутствия.

Результаты замера общественного мнения, проведенного ОФ «ЦСПИ «Стратегия» в мае 2014 года, показали, что на текущий момент в обществе нет устойчивой поддержки данной инициативы. Несмотря на то, что каждый второй казахстанец проявляет лояльность к самой идее внедрения системы обязательного медицинского страхования, костяк этой группы (32%) составляют так называемые колеблющиеся, т. е. респонденты, которые выбрали вариант «скорее поддерживаю». Четверть опрошенных с той или иной степенью уверенности высказалась против. 16,6% затруднились ответить на вопрос.

Диаграмма 1. – Уровень поддержки идеи внедрения обязательной медицинской страховки, % (N=1081)

Можно выделить несколько причин недоверительного отношения к теме медицинского страхования. Во-первых, это наличие негативного опыта в прошлом. Интервью с участниками исследования показали, что история 15-летней давности с Фондом обязательного медицинского страхования (ФОМС) и его руководителем Т. Иманбаевым до сих пор вызывает резонанс в общественном мнении и является источником негативных ассоциаций. Обращает внимание, что среди респондентов в возрастной группе 45–54 года, которые составля-

ли основную массу участников системы ФОМС в 1995–98 гг., самая большая доля тех, кто категорически против введения обязательного медицинского страхования – 18% при среднем показателе по массиву 12%. (*«Ну, я думаю, доверия не будет, потому что в свое время там какой-то тоже был...как этот фонд? ФОМС, да? И он же сбежал с несколькими миллионами»; «А у нас деньги, выделенные на страхование, украл один человек и сбежал. Я иногда не понимаю наше государство. Назначают одного человека, делают одну программу. Программа еще не закончена, человек убегает. Кому дали эти деньги, не понимаю? Какие странные люди!»*).

Во-вторых, неудовлетворительное качество медицинских услуг. (*«Я считаю, что у нас нет квалифицированных врачей, очень мало тех, которые бы дали консультацию, которая стоила бы. Поэтому я вынуждена идти к другим врачам. Я не уверена, что по страховке я смогу получить ту квалифицированную помощь, которую я хотела бы»*). Надо отметить, что несмотря на заявленные успехи в реализации первого этапа госпрограммы «Саламатты Қазақстан», плохое состояние системы здравоохранения, по версии населения, постоянно входит в пятерку самых важных проблем, которые стоят в настоящий момент перед нашей страной. Очевидно, что новации в системе здравоохранения, касающиеся непосредственно интересов простого человека, при сохраняющемся перечне нерешенных проблем, например, качество медуслуг, вызывают вопросы и сомнения.

В-третьих, наличие колебаний по поводу успешной реализации данной инициативы, связана с проблемой эффективного менеджмента. (*«Все зависит от работы врачей, доступности и стоимости этого страхования. Когда его испытают, когда будет хороший подход к этому всему, то это будет развиваться. Если нет, то так оно и будет буксовать. Кому это будет выгодно, непонятно»*). Исследования показывают, что при оценке той или иной государственной программы или инициативы, критике чаще всего подвергается ее реализация на исполнительском уровне.

В-четвертых, разночтения в нормативах, несоответствие заявленных результатов практическим породили в обыденном сознании убежденность, что *«с нашим государством нельзя играть в азартные игры, у него вся карта крапленая!»*. Отсюда недоверие государственным инициативам, ожидание какого-то подвоха, когда на бумаге прописано одно, а на деле реализуется по-другому. (*«Не хочу даже подстраиваться под гарантированное медицинское страхование. Все равно должен быть подвох, и будет этот подвох, я уверен почему-то. Обязательное страхование ав-*

от транспорта это доказывает. Про здоровье со страховой компанией то же самое будет»).

Таким образом, можно говорить о том, что в общественном мнении присутствуют достаточно устойчивые негативные стереотипы как по теме реинкарнации Фонда, так и по отношению к государственным инициативам в целом.

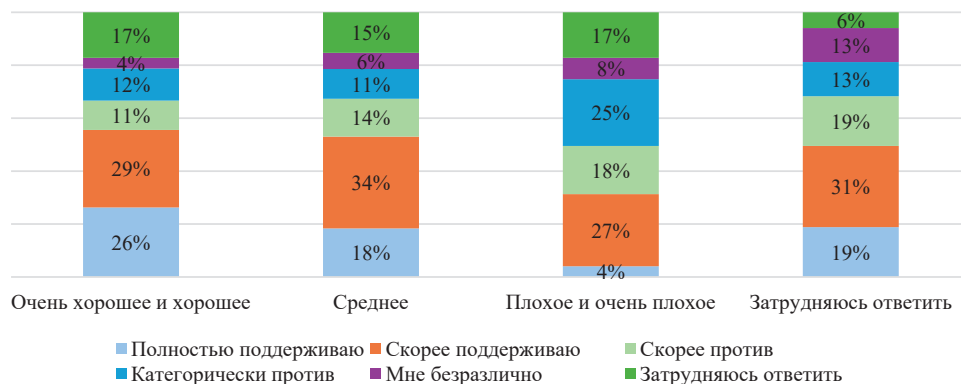
Социально-демографический анализ результатов массового опроса населения показал, что наибольшую поддержку данная идея нашла у респондентов с высшим образованием, менеджеров высшего звена и административных работников, безработных и пенсионеров. Обратную реакцию чаще всего демонстрировали люди, занятые частным предпринимательством или домашним хозяйством. Наибольшие затруднения вопрос о введении обязательного медицинского страхования вызвал у студентов и рядовых служащих (каждый пятый).

Диаграмма 2. – Уровень поддержки идеи внедрения обязательной медицинской страховки в зависимости от социально-профессионального статуса респондента, %

Также невысокую поддержку обязательная медстраховка получила среди респондентов, которые на текущий момент оценивают материальное положение своей семьи как плохое или очень плохое. Если в группе с хорошим финансовым самочувствием соотношение «за» и «против» обязательного медицинского страхования составляет 55% vs 23%, то в группе с плохим финансовым самочувствием – 31% vs 44%.

Диаграмма 3. – Уровень поддержки идеи внедрения обязательной медицинской страховки в зависимости от оценки респондентом экономического положения семьи, %

Результаты исследования указывают на то, что недостаточно подготовленная общественная реакция на внедрение обязательного медицинского страхования может быть не меньшим риском в процессе внедрения данной системы, чем слабая инфраструктурная готовность к ее вводу. Очевидно, что наряду с изучением опыта зарубежных стран и различных моделей медицинского страхования, уже сейчас в стране должна вестись полномасштабная информационная кампания, основной целью которой является создание доверительного образа системы обязательного медицинского страхования. Особое внимание должно быть уделено работе с такими социальными группами как: казахи, студенческая молодежь, наемные работники (как специалисты, так и рядовые служащие), частные предприниматели.

Большинство экспертов, считают внедрение обязательного медицинского страхования важным и необходимым шагом. Во-первых, медицинское страхование является формой социальной защиты интересов населения в охране здоровья, выражающейся в гарантии оплаты медицинской помощи при возникновении страхового случая. Также ожидается, что развитие страховой медицины будет способствовать повышению эффективности системы здравоохранения посредством предоставления доступной и качественной медицинской помощи и созданию конкурентной среды между поставщиками медицинских услуг. А самое главное: ее внедрение должно способствовать повышению ответственности человека за собственное здоровье.

Пока же для многих казахстанцев история с обязательным медицинским страхованием, цитируя мажилисмента В. Нехорошева, остается «историей человеческих ошибок», которая учит не доверять... государству.

Эмиграция русских: приглашение к размышлению²⁵

Симакова Ольга

Начиная с конца 2013 года, как следствие снижения сальдо миграции, тема территориальных перемещений населения приобрела актуальность в общественном и информационном дискурсе. Но анализ информационных материалов, посвященных данному вопросу, показал, что основной интерес по данной теме сместился в сторону анализа структурных особенностей миграционных процессов, в частности, зависимости интенсивности внешней миграции от этнической принадлежности на примере русских. Причем, с заданным выходом на вывод об ухудшении условий жизни в Казахстане для славянских и европейских этносов.

Не вдаваясь в анализ побудительных мотивов авторов и выявление причинно-следственных связей появления данных публикаций, обратим внимание на статистические показатели миграции русских, в надежде понять, насколько критично ситуация в разрезе по этническому признаку «русские» отличается от общей эмиграционной картины в стране. Также воспользуемся результатами пилотного опроса русских на предмет выявления миграционных настроений, который был проведен Общественным фондом «Центр социальных и политических исследования «Стратегия» в апреле 2015 года (N=572). Для анализа статистических данных определим период с 2011 по 2015 год, в течение которого наблюдается отрицательное сальдо миграции.

Мы будем использовать демографический подход, который подразумевает изучение миграции с точки зрения воспроизводства и сохранения численности и структуры народонаселения, и психологический подход, в котором основной акцент делается на мотивационную природу миграции.

Эмиграция как фактор

Свобода передвижения и выбора места жительства является одним из основных личных прав человека, включенных во Всеобщую декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году (Статья 13) и закрепленных в Основных законах подавляющего числа стран мира, включая Казахстан (Статья 21). Но не стоит забывать, что, реализуя свое личное право на передвижение, индивид становится участником куда более сложных процессов, чем смена адреса проживания.

25 Симакова О.А. Эмиграция русских: приглашение к размышлению // Казахстан-Спектр. Том 75 №1 (2016). – с. 99–109.

По своей сути, миграция, или пространственная мобильность, населения является одним из трех демографических феноменов (наравне с рождением и смертностью), которые «объединяют свои усилия для того, чтобы изменить численность населения» [1]. Показатели миграции обязательны не только при расчете конечной численности населения той или иной страны, территории, на определенном этапе времени, но и для расчета такого важного показателя как прирост населения.

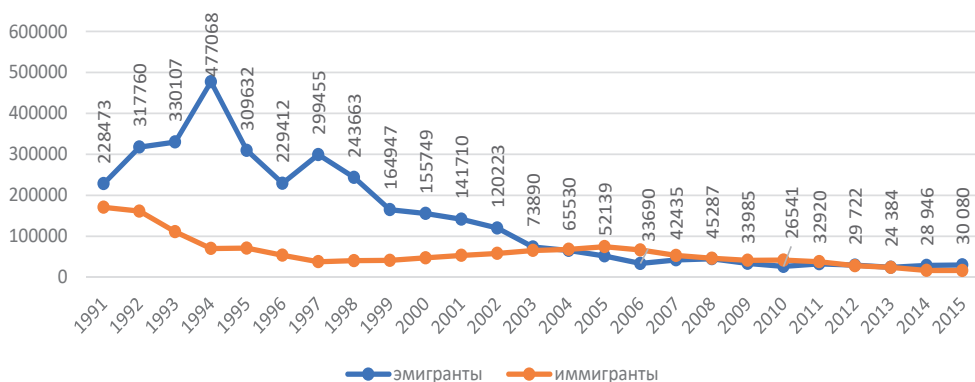
Казахстан за годы независимости в достаточной степени смог почувствовать силу и влияние миграции, как демографического феномена. Достаточно вспомнить, что в период с 1991 по 1998 годы за счет внешней стихийной миграции страна потеряла почти 2,5 млн. человек, или 15% от общей численности населения на 1 января 1992 года. [2] В тоже время набирал обороты процесс восполнения численности населения за счет иммиграции этнических казахов в страну, который носил уже организованный характер. По информации тогда Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты населения РК, в период с 1991 по 2000 годы в Казахстан иммигрировало около 42 тыс. казахских семей или порядка 180 тыс. человек. (ИА «Казинформ», 12.09.2005 г.). Как следствие, в 2012 году по результатам международного исследования «Religious Migration», проведенного Pew Research Center (США), Казахстан вошел в ТОП-20 стран по уровню миграции и занял 11 место в списке стран-поставщиков мигрантов. [3] А на страницах британского еженедельного издания «The Daily Telegraph» Казахстан был охарактеризован как страна, 20% населения которой являются иммигрантами. (A.Kirk. Mapped: Which country has the most immigrants? //21.01.2016)

Не вызывает сомнения, что миграционные процессы, будучи подверженными влиянию структуры населения, в свою очередь оказывают обратное влияние на социально-демографический состав населения страны, территории. Казахстанские ученые и политики признают тот факт, что в результате эмиграционных процессов, захлестнувших страну в 90-е годы прошлого столетия, существенной деформации подверглась как собственно демографическая, так и социально-профессиональная структура общества. Что, конечно же, не могло не сказаться на уровне интеллектуального, образовательного и экономического потенциала страны. ИЧРП Казахстана с 1990 года по 2000 год снизилось с 0,650 до 0,614. [4] Также общепризнанным фактом является и то, что подавляющее большинство всех эмигрантов из Казахстана ежегодно составляют представители русского этноса (далее – русские).

Отметим, что с 1999 года закрепилась тенденция на снижение эмиграционного потока из Казахстана. Условно, можно говорить, что число

граждан, ежегодно безвозвратно покидающих Казахстан, по сравнению с 90-ми годами, сократилось в 10 раз – с 300000 до 30000. С 2004 по 2012 год наблюдалось положительное сальдо миграции, что является важным достижением, учитывая, что определяющей составляющей миграционной политики страны выступает иммиграция.

Диаграмма 1. Динамика числа эмигрантов и иммигрантов за период 1991–2015 гг, тыс. чел

Последние четыре года сальдо миграции в Казахстане рассчитывается со знаком минус. К сожалению, в информационном пространстве, как уже отмечалось ранее, основной акцент в связи с этим был сделан на высоком уровне миграции русских. Но такая трактовка неоднозначна. Не надо забывать, что при расчете сальдо миграции учитываются два показателя – количество иммиграций и количество эмиграций. В данном конкретном случае анализ динамики обоих показателей за последние пять лет позволяет сделать вывод, что основная причина снижения сальдо миграции кроется в уменьшении именно иммиграционного потока, т.е. въезда в страну, с 38016 человек в 2011 году до 16670 человек в 2015 году, т.е. в два раза.

В целом, анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день ситуация в отношении безвозвратной внешней миграции с точки зрения роста численности населения в масштабе страны не критична. В стране наблюдается устойчивый рост ежегодной численности населения. С 2006 года заметна стагнация эмиграционных показателей страны. Общий коэффициент нетто-миграции варьирует на уровне 0,07% [5], что позволяет говорить о незначительном влиянии миграционного фактора на рост численности населения Казахстана.

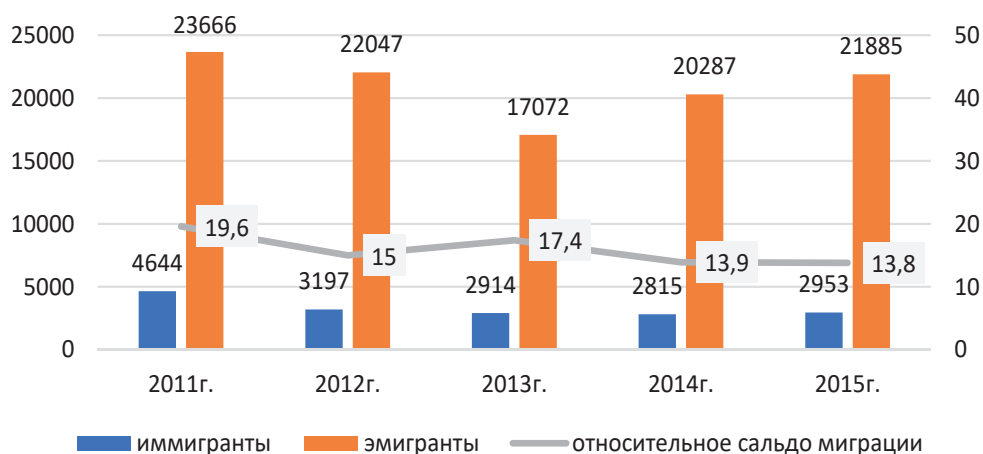
Тем не менее, общие коэффициенты миграции не являются тонкими показателями и подвержены влиянию структуры населения. [6] Мигра-

ция может варьировать в зависимости от возраста, пола, этноса, брачного или социально-профессионального статуса. И, по аналогии с тем, как трудно определить, не окажется ли внутри испорченным фрукт, который снаружи кажется спелым и неповрежденным, так и показатели миграции, представленные в разрезах по группам, могут сменить плюс на минус.

Эмиграция русских в цифрах и мнениях

Согласно официальной статистике за последние пять лет из Казахстана выехало 104407 русских (при общем числе уьывших 146052), а прибыло – 16883 (при общем числе прибывших 123871). Общий коэффициент эмиграции русских (отношение уьывших к общему числу русских, проживающих в стране) в 2015 году составляет 0,58%. Это не самый высокий показатель по сравнению, например, с коэффициентами миграции украинцев – 0,70% или немцев – 1,28% за тот же период. Тем не менее, русские составляют самую многочисленную группу эмигрантов: объем внешней миграции русских за пять лет составил 121290 человек, или 44,5% от общего объема внешней миграции за этот период. Более того, если проследить динамику относительного сальдо миграции русских за последние пять лет, то становится заметным устойчивый тренд на уменьшение доли прибывших в страну по отношению к уьывшим. Так, если в 2011 году относительное сальдо миграции русских составляло 19,6%, то в 2015 году уже 13,8%. Другими словами, показатель механического прироста русских имеет отрицательное значение с тенденцией к увеличению разницы между прибывшим и выбывшим контингентом.

Диаграмма 2. Относительное миграционное сальдо русских за период с 2011 по 2015 год, чел.

Можно констатировать, что прирост численности русских в стране имеет тенденцию к снижению. Показатель естественного прироста данной этнической группы также имеет отрицательное значение. Как показал сравнительный анализ основных показателей прироста численности, наибольшее влияние на изменение числа русских в стране на текущий момент оказывает фактор эмиграции.

Но делать вывод о новой волне массовой эмиграция русских за пределы страны на основе только лишь анализа статистики, без учета результатов опросных методов, которые позволяют получить представление о намерениях людей, было бы неправильно. А намерения таковы, что среди русских, проживающих в Казахстане, по результатам пилотного опроса, 60% сказали, что никуда не хотели бы переезжать с места своего проживания.

Тем не менее, факт остается фактом, русские продолжают эмигрировать. Каков же уровень потенциальной эмиграции русских в Казахстане? Для определения уровня потенциальной миграции российский социолог Е. Заславская предлагает использовать два индикатора: положительное отношение к миграции и принятое, но еще не реализованное решение о перемещении. Предложенные индикаторы в одинаковой степени подходят для определения как внутренней, так и внешней миграции.

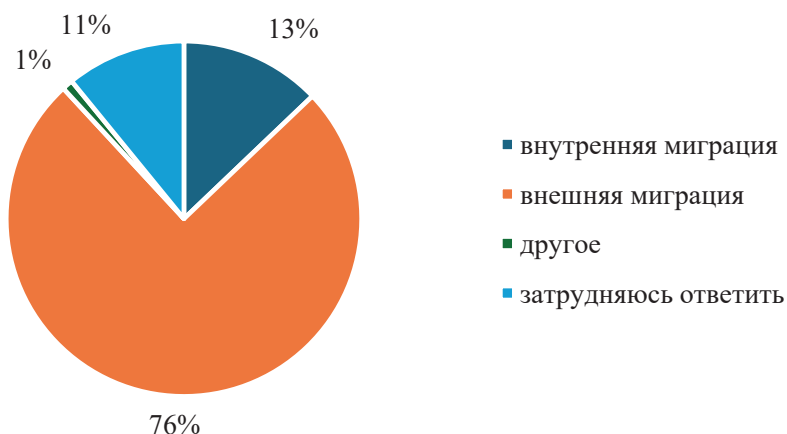
Итак, по результатам опроса, сменить место жительства хотели бы 36% русских, принявших участие в опросе. Здесь надо вспомнить, что сам процесс миграции состоит из трех этапов: подготовительный, в период которого формируется решение о переселении; непосредственно сам процесс переселения; и заключительный – процесс адаптации. Если второй и третий этапы имеют определенные временные рамки, то подготовительный этап, т.е. время от появления впервые мысли о переезде до самого переезда, может тянуться как угодно долго. Поэтому, ответ респондента о том, что он хочет поменять место своего жительства, не обязательно означает, что он предпримет соответствующие действия в ближайшем будущем или когда-либо вообще. Но мы можем утверждать, что эти респонденты, во-первых, допускают вероятность переезда, а во-вторых, относятся к этому событию положительно. Т.е. удовлетворяют условиям первого индикатора.

Диаграмма 3. Миграционные настроения русских, %

Исследование показало, что из этих 36% подавляющее большинство желающих сменить место своего жительства – 76%, или $\frac{3}{4}$, – ориентированы именно на внешнюю миграцию. Только 13% хотели бы переехать в пределах страны. Обращает внимание, что пространственная мобильность русских имеет четко заданное направление. В выборе стран-реципиентов первую строчку занимает Российская Федерация.

Диаграмма 4. Направленность миграции русских, % от числа русских, ориентированных на миграцию

Какова же доля тех, кто принял, но еще не реализовал решение о переезде из страны? По данным исследования, из тех, кто хотел бы выехать за пределы страны, только пятая часть (18%) сказали, что намерены сделать это в ближайшие два года. Каждый третий принял решение о переезде, но

не определился со временем (34%). В большей части случаев люди, которые хотели бы эмигрировать, сомневаются, что смогут это сделать.

Иллюстрация этих распределений на примере всей выборочной совокупности позволяет получить следующие данные: высокому уровню риска эмиграции подвержено 5% русских, постоянно проживающих в Казахстане; среднему уровню риска – 9%; низкому уровню риска – 13%. Условно вне зоны риска внешней миграции находится 73% русских.

Диаграмма 5. Субъективная оценка вероятности миграции, %

Социально-демографический анализ данных показал, что в целом среди русских миграционному риску в большей степени подвержены средние возрастные группы от 30 до 49 лет, представляющие собой экономически активное население, а также население детородного возраста. В молодежной группе от 18 до 29 лет миграционный настрой ниже, чем в родительской, но ненамного. Что касается образовательного уровня потенциальных мигрантов, то чаще всего это люди со средним специальным и высшим образованием.

Говоря о вероятности миграции, нельзя не затронуть тему мотивов к переезду. К сожалению, статистика не дает ответ на данный вопрос, поэтому снова воспользуемся данными, полученными с помощью опросного метода. На основе рейтинга побудительных мотивов, условно, можно выделить три блока обстоятельств, которые оказывают определяющее влияние на принятие решения о безвозвратной миграции за пределы страны:

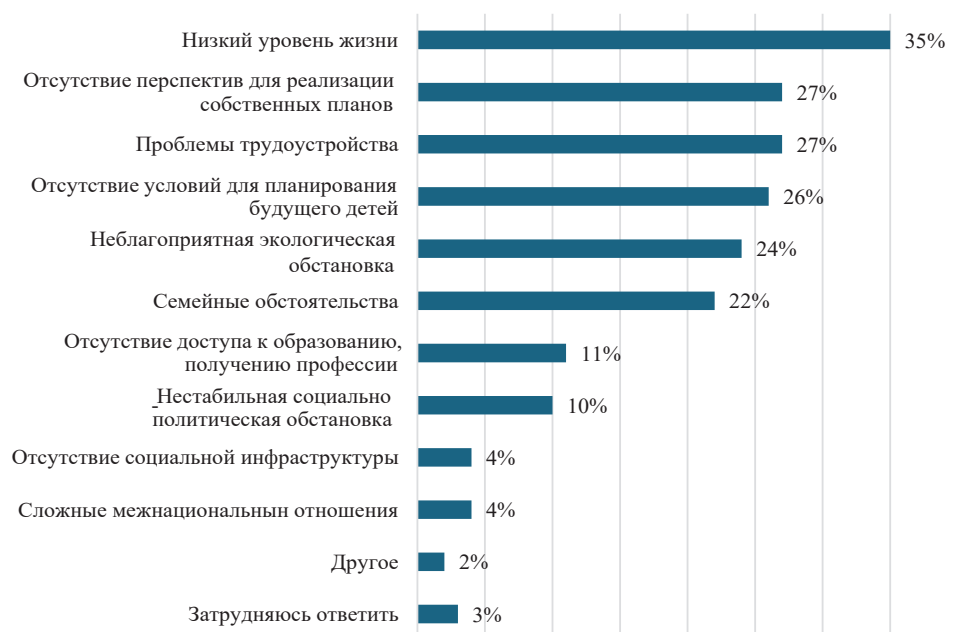
- социально-экономический;
- семейно-личностный;
- политический.

Основным побудительным мотивом к эмиграции на текущий момент выступает социально-экономический блок, в основе которого неудовлетворенность текущим уровнем жизни и перспективами реализации человеком себя, в том числе, в сфере трудовых отношений. Например, Казахстан заметно проигрывает России по уровню развития социальной поддержки и обеспечения. Не в пользу Казахстана выступает и устоявшееся мнение о том, что представителям нетитульного этноса сложнее добиться успеха или делать карьеру, особенно на государственной службе, а при приеме на работу оценка чаще всего будет осуществляться не по уровню квалификации, а по наличию связей.

Следующий по значимости блок объединил обстоятельства семейно-личностного характера. В данном случае основными мотивами выступают забота о здоровье и будущем своей семьи. Как показывает практика, неблагоприятная экологическая обстановка в регионе проживания или невозможность, по ощущениям, дать качественное профессиональное образование своим детям могут перевесить чашу весов в пользу эмиграции.

Мотивы политического характера (3 блок), включая межэтнические отношения, по результатам исследования, оказывают на порядок более слабое влияние на процесс принятия решения об эмиграции, чем социально-экономические или семейно-личностные мотивы.

Диаграмма 6. Рейтинг мотивов, побуждающих русских к переезду, % (два варианта ответа)

В целом, анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что эмиграция русских является серьезной проблемой с точки зрения роста численности данной этнической группы в Казахстане. Общий коэффициент нетто-миграции русских в 2015 году составил -0,5%. В связи с этим беспокойство могут вызывать следующие факты: во-первых, эмиграция выступает основным фактором влияния на изменение числа и структуры русских в стране; во-вторых, ежегодный поток русских, выезжающих за рубеж на ПМЖ, взятый в натуральных числах, не имеет тенденции к снижению; в-третьих, объем внешней миграции русских остается самым высоким; в-четвертых, по результатам пилотного опроса, в зоне повышенного риска эмиграции находится 14% русских, проживающих в Казахстане.

Общее vs частное

Как мы можем видеть, эмиграционные показатели страны в целом и русских в частности серьезно разнятся. С точки зрения демографического анализа, миграционную ситуацию в Казахстане нельзя назвать драматичной. Процессы перемещения населения происходят не в ущерб самому важному демографическому показателю – конечной численности населения. В стране наблюдается ежегодный рост численности населения, который, в первую очередь, зависит от естественного прироста, а не механического. Снижение сальдо миграции не является критичным, и имеет скорее ситуационный характер, чем системный.

Результаты анализа миграционного потенциала и активности русских позволяет говорить о преобладании негативных демографических тенденций в этой группы, в том числе в отношении снижения численности. Другими словами, мы можем говорить об ухудшении демографической ситуации внутри отдельно взятой группы при сохранении относительной стабильности в общих демографических показателях по стране в целом. Единственно, где влияние эмиграции русских на демографический портрет общества отчетливо заметно, так это в изменениях структуры населения по этническому признаку. И здесь важным становится, как интерпретируются и используются полученные данные. Как показывает практика, данное обстоятельство является уязвимым местом анализа миграций, потому что его результаты могут служить основанием как для глубокого, всестороннего изучения ситуации, так и для социальных и политических спекуляций.

Источники:

- [1] К. Вандескрик. *Демографический анализ*// Москва, «Гаудеамус», 2005. – с. 13.
[2] *Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2015.*

[3] Report «Faith on the Move. The Religious Affiliation of International Migrants». <http://www.pewforum.org/interactives/religious-migration/>

[4] Смагулова К.Р., Байузакова Г.И. Развитие человеческого потенциала в Казахстане. // <http://gisap.eu/ru/node/1053>

[5] Общий коэффициент нетто-миграции равен разнице между иммиграциями, взятыми со знаком плюс, и эмиграциями, взятыми со знаком минус, приходящимися на один год, прожитого индивидами данного населения в течении данного года. Ист. формулы К. Вандескрик. Демографический анализ. – с. 171–172.

[6] К. Вандескрик. Демографический анализ. – с. 172.

Уровень жизни в городах-ядрах казахстанских агломераций²⁶

Молдашев Ернур, Жумабекова Айя, Сейталиева Алтынай, Амангельдинов Султан

1. Что в Казахстане называют агломерацией?

Уровень урбанизации в Казахстане находится на все еще недостаточном высоком уровне. Несмотря на довольно активную внутреннюю миграцию, показатель урбанизации страны не превышает 60%. В этих условиях принимаются различные меры по активизации урбанизационных процессов, и одной из таких мер стало направление по определению и развитию агломераций.

Под агломерированием принято понимать естественный путь урбанизации, который является ключевым механизмом территориального развития стран, создающий комфортные условия для жизни населения и эффективного развития бизнеса.²⁷ Согласно оценкам, во многих странах роль агломераций в процессах пространственного развития будет расти. В Казахстане пытаются учитывать такие мировые тенденции и анализировать собственный опыт. Так, в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 18 декабря 2012 года была утверждена Программа развития регионов до 2020 года.²⁸

26 Молдашев Ернур – ОФ «ЦСПИ «Стратегия», Жумабекова Айя, Сейталиева Алтынай Амангельдинов Султан – студенты 3 курса бакалавриата кафедры политологии и политических технологий КазНУ им. аль-Фараби. Уровень жизни в городах-ядрах казахстанских агломераций. 06.04.2018 – <https://ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/583-uroven-zhizni-v-gorodakh-yadrakh-kazakhstanskikh-aglomeratsij>

27 Конституционное право. Энциклопедический словарь под ред. С.А. Авакьян. — М.: Норма. 2001.

28 «Программа развития регионов 2020». <http://www.baiterek.gov.kz/ru/programs/regional-development-2020>

Согласно Программе развития регионов, все города Казахстана разделены на 3 уровня:

- агломерации;
- города второго уровня;
- города третьего уровня.

Под агломерацией понимается урбанизированное скопление близко расположенных населенных пунктов вокруг одного или нескольких городов-ядер, объединенных между собой постоянными производственными, культурно-бытовыми и иными связями, а также имеющих тенденцию к территориальному слиянию.²⁹

Основными критериями определения агломераций в Казахстане являются:

- административный статус города-центра (столица, город республиканского значения), что немаловажно в условиях Казахстана, поскольку предполагает контроль бюджетных ресурсов;

- демографическая емкость, что включает в себя высокую плотность населения региона, миграционный приток, ресурсную базу (земельные, водные, продовольственные ресурсы);

- логистический потенциал, что означает удобное географическое расположение, прохождение международных транспортных коридоров, наличие транспортного узла и инфраструктуры;

- экономический потенциал, то есть развитость города-центра (промышленный, сервисный, трудовой, финансовый, научный потенциал).

Программа определяет 4 региона Казахстана как агломерацию: Астанинский, Алматинский, Шымкентский и Актюбинский регионы. В зону притяжения Алматы входят города Талгар, Есик, Каскелен, Капшагай и другие населенные пункты. Шымкентская агломерация охватывает города Ленгер и Арысь. Актобе является ядром агломерации, которая включает в себя город Алга, Хромтау и Кандыгааш. В территорию Астанинской агломерации входят город Астана – ядро агломерации, три района (Аршалынский, Целиноградский, Шортандинский) и четыре округа Аккольского района Акмолинской области. Всего в агломерацию вошло 124 населенных пункта

Актобе

Актюбинская агломерация является самой малочисленной из всех четырех, при этом, в городе Актобе живет всего 417 тыс. человек, что не превышает уровень, за которым в условиях Казахстана реализуются

²⁹ там же

агломерационные эффекты (500 тыс. человек). По численности Актобе уступает не только трем ядрам существующих агломераций, но и городу Караганда, где живут свыше полмиллиона горожан.

Однако интересно, что Актобе входило в перечень агломераций двух региональных программ. Так, в Программе «Развитие регионов» 2011 года было указано, что к агломерациям первого уровня относятся агломерации с центрами в городах Астана, Алматы и Шымкент, а к агломерациям второго уровня (перспективные агломерации) – с центрами в городах Актобе и Актау.³⁰

Несмотря на малочисленность, Актюбинская область является индустриальным центром. Данная область является одним из лидеров в Казахстане по производительности труда в машиностроении и сельском хозяйстве, наблюдается рост оптовой и розничной торговли.³¹ Планируется, что результатом государственной поддержки развития Актюбинской агломерации станет рост валового регионального продукта (ВРП) на 6,6% и инвестиций в основной капитал на 20% к 2020 году.³²

Город Актобе – крупный индустриальный центр, тесно связанный с месторождениями хромита к востоку от города. В нем расположены заводы ферросплавов, хромовых соединений, сельскохозяйственного машиностроения, рентгеноаппаратуры и др. Развита химическая, легкая, пищевая промышленности.³³ На долю металлургической промышленности приходится более 30% от всей произведенной в городе продукции, а на химическую промышленность — 10,3% от общего объема.³⁴ Крупнейшими предприятиями города являются Актюбинский завод ферросплавов (АЗФ), Актюбрентген, Актюбинский завод хромовых соединений (АЗХС) и ряд предприятий пищевой промышленности. В Актобе расположены крупные предприятия пищевой промышленности, производящие муку, кондитерские и макаронные изделия, растительное масло и другую продукцию.³⁵

Актюбинская агломерация не обладает огромным логистическим потенциалом по сравнению с другими крупными городами Казахстана, тем не менее, в этом регионе планируется развитие скоростного рельсового наземного транспорта, единого общественного транспорта и малой

30 Программа «Развитие регионов» 2011 г.

31 <https://forbes.kz/ranking/object/539>

32 <http://www.inform.kz/rus/article/2625887>

33 Ермаков В.А. Казахстан в современном мире. [https://library.kimep.kz/amlibweb/webquery.dll?v1=pbMarc&v4=105240&v5=3X&v8=105241&v9=0&v10=N&v11=784277&v13=4A&v20=4&v23=0&v25=330\(%CA\)%20%C572&v27=6884&v35=%7B\]0\[%7D%7B\]0\[%7D%7B\]0\[%7D%7B\]0\[%7D%7B\]0\[%7D&v46=105241](https://library.kimep.kz/amlibweb/webquery.dll?v1=pbMarc&v4=105240&v5=3X&v8=105241&v9=0&v10=N&v11=784277&v13=4A&v20=4&v23=0&v25=330(%CA)%20%C572&v27=6884&v35=%7B]0[%7D%7B]0[%7D%7B]0[%7D%7B]0[%7D%7B]0[%7D&v46=105241)

34 Департамент статистики Актюбинской области

35 Республиканский центр правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан

авиации в пределах агломерации; строительство и реконструкция автомобильных дорог «Актобе-Астана», «Актобе-Атырау», «Актобе-Орск», «Актобе-Уральск»; создание транспортно-логистического узла в городе Кандыагаш.

Алматы

Практически по всем параметрам самой крупной агломерацией в стране является Алматинская. Обладая статусом города республиканского значения, г. Алматы, как центр агломерации, охватывает ~2,8 млн людей. Из них 1,7 млн. постоянно проживают в ядре агломерации, в городе. При площади 682 км², в Алматы на каждый квадратный километр приходится по 2636 человек.³⁶ В 1,5-часовой изохроне транспортной доступности данная агломерация охватывает Карасайский, Талгарский, Илийский, Енбекшиказахский, Жамбылский районы (города Есик, Капшагай, Каскелен, Талгар, поселки Байсерке, Боралдай, Жетиген, Караой, Отеген-батыр, Узынагаш, Шамалган и другие) Алматинской области. А также четырех будущих городов-спутников Gate City (финансовый центр), Golden City (культурный центр), Growing City (промышленный центр), Green City (туристический центр).³⁷

Город Алматы является центром притяжения для трудовых ресурсов. Алматы занимает второе место, после Астаны, по показателю сальдо миграции³⁸: механический прирост населения мегаполиса за январь-декабрь 2017 года составил 29 969 человек.³⁹ Подавляющее большинство прибывших в Алматы – это внутренние мигранты, переселенцы из других регионов страны. Так, за период с января по декабрь 2017 года в Алматы, по официальным данным, прибыло 68 626 человек из других регионов страны; из других стран – 1731 человек.⁴⁰

Алматинская агломерация формировалась как финансовый, образовательный, культурный, трудовой и товарный центр. Алматинская агломерация имеет значительный логистический потенциал. Вблизи Алматы находится МЦПС «Хоргос», СЭЗ «Хоргос-Восточные ворота» и планируется постройка торгово-логистического центра в городе-спутнике. Экспортно-импортные операции для центрально-

36 <http://stat.gov.kz/getImg?id=ESTAT245798>

37 Программа развития регионов-2020

38 Сальдо миграции (нетто-миграция, чистая миграция, механический прирост населения, миграционный прирост) – разность между числом прибывших на какую-либо территорию и числом выбывших из нее за определенный период (квартал, год, межпереписной период и т.д.).

39 Бюллетень КС МНЭ РК. Миграция населения Республики Казахстан за январь-декабрь. 2017 г. – с. 18.

40 Там же.

азиатских республик осуществляются через три населенных пункта Алматинской области – Достык, Хоргос и Кольжат, расположенным на границе с Китайской Народной Республикой. Кроме этого, работа Алматинской агломерации будет увязана с мерами по развитию международных торгово-транзитных коридоров. Планируется, что до 2020 года будет обеспечена реализация проекта реконструкции международного транзитного коридора «Западная Европа – Западный Китай», создание Международного центра приграничной торговли «Хоргос», индустриально-логистического центра «Даму» (поселок Байсерке Алматинской области), транспортно-логистического центра «Тау Терминал» (поселок Отеген батыр Алматинской области), многопрофильного логистического комплекса ЮСКО (Талгарский район Алматинской области).

Алматинская агломерация превращается в финансовый центр региона. Как отметил президент страны «объем экономики Алматы в два раза превосходит ВВП Грузии и почти в пять раз ВВП Кыргызстана и Таджикистана. Алматы – донор республиканского бюджета, мегаполис демонстрирует лучшие показатели малого и среднего бизнеса по всей республике». ⁴¹ Динамика роста ВРП практически равна столичной – 6,3%. В итоге ВРП города достиг 8 трлн. тенге (около \$44,7 млрд. по среднегодовому курсу), что составляет 20% ВВП страны (данные 2014 года). ⁴²

Астана

Во второй по величине агломерации проживают чуть более 1,2 млн. человек. Но из них абсолютное большинство постоянно живут в столице, жители городов-спутников и населенных пунктов составляют только 13% от общего числа жителей агломерации. Это самый низкий показатель среди всех официальных агломераций в Казахстане. Астана имеет большую площадь по сравнению с Алматы, поэтому плотность населения в столице составляет всего 1292 чел./км². ⁴³ По данным Комитета статистики МНЭ РК сальдо внутренней межрегиональной миграции Астаны, в 1 квартале 2016 года было отрицательным и составляло -585 человек.

Астанинская агломерация в радиусе 1,5-часовой езды охватывает Аршалынский, Целиноградский и Шортандинский районы (поселки Акмол,

41 <https://informburo.kz/novosti/nazarbaev-ekonomika-almaty-v-pyat-raz-prevyshaet-vvp-kyrgyzstana-i-tadzhikistana.html>

42 https://forbes.kz/process/expertise/03_almaty/

43 <http://stat.gov.kz/>

Жибек Жолы, Кабанбай-батыр, Караоткель, Косшы, Коянды, Талапкер и другие) Акмолинской области.

Валовый региональный продукт Астаны в 1-м полугодии 2016 года составил 2 трлн. 318 млрд. тенге, макроэкономический прирост достиг 8%. Промышленными предприятиями города выпущено продукции и оказано услуг на сумму порядка 164 млрд. тенге, инвестиции в основной капитал увеличились на 35,7% и составили 570,2 млрд. тенге. Доля ВРП города в республиканском объеме составляет более 10% (данные по 1-му полугодью 2017 году). Основу экономики города составляют: прочие услуги, оптовая и розничная торговля, транспорт и связь, строительство, промышленность.⁴⁴

Шымкент

Шымкентская агломерация – один из крупнейших промышленных, торговых и культурных центров республики. Скопление городов и населенных пунктов в районе составляет вторую по численности и первую по площади агломерацию в Казахстане. В этом районе живут свыше 1,4 млн. человек. Из них 950 тыс. живут в Шымкенте, площадь города составляет 1170 км², что является рекордной для нашей страны. Шымкент – один из самых быстрорастущих городов СНГ. За период независимости Казахстана численность населения Шымкента выросла на 68,5%. Территория города увеличилась за годы независимости Казахстана более чем в 2 раза.⁴⁵

Шымкент – один из ведущих промышленных и экономических центров Казахстана. В городе имеются промышленные предприятия цветной металлургии, машиностроения, химической, нефтеперерабатывающей и пищевой промышленности.

Регион также является центром переработки сельскохозяйственной продукции. В городах и населенных пунктах Шымкентской агломерации развиты плодоовощные и хлопковые кластеры, ориентированные на переработку внутренней и внешней сельскохозяйственной продукции, развита кооперация в сфере производства, сбыта продукции и водопользования, а также малого предпринимательства; предприятия малого и среднего бизнеса, занимающиеся переработкой сельскохозяйственной продукции, производством продукции легкой промышленности.⁴⁶

Данный регион является крупным логистическим узлом. Сеть автомобильных дорог и улиц в Шымкенте – одна из самых протяженных

44 <http://stat.gov.kz/>

45 <http://stat.gov.kz/>

46 Программа развития регионов 2020

в Казахстане, суммарная длина которой до присоединения новых территорий составляла 1034 км; с учетом присоединенных земель общая протяженность всех дорог города на сентябрь 2016 года – 2810 км.⁴⁷ Кроме этого, через Шымкент проходят автомобильная дорога «Шымкент-Ташкент», международный транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай».

2. Уровень жизни в городах-ядрах агломераций Казахстана

Выше мы писали, что является агломерацией в Казахстане, и каким критериям должна отвечать территория, чтобы претендовать на статус агломерации.

В большинстве своем агломерации играют значимую роль для экономик своих стран. В некоторых из них проживает более половины населения всей страны и производится до половины национального ВВП.

Также агломерации являются центрами притяжения людей, особенно населения в трудоспособном возрасте. Однако более высокая численность населения не всегда гарантирует более высокие показатели экономического развития и уровня жизни. Поэтому в этой главе будет приведен сравнительный анализ уровня жизни в агломерациях Казахстана со средним уровнем жизни по стране.

Для начала ответим на вопрос, что такое уровень жизни, и как он определяется. Уровень жизни – одна из главнейших социальных категорий. Согласно Докладу ИИ социального развития ООН, под уровнем жизни понимается степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей массой товаров и услуг, используемых в единицу времени.

В ходе написания статьи были использованы данные опросов, проведенных ОФ «Центр социальных и политических исследований «Стратегия»» в 2016–17 годах. Данные опросов были взяты в качестве индикаторов, определяющих уровень жизни в населенном пункте.

В качестве индикаторов уровня жизни были выделены:

1. Материальное положение;
2. Уровень безработицы;
3. Комфортность проживания в населенном пункте;
4. Социальный оптимизм (какие чувства вызывают у вас мысли о завтрашнем дне?).

Одним из определяющих показателей уровня жизни является **среднемесячный доход домохозяйства**. По результатам опросов ОФ «ЦСПИ

47 Программа развития города Шымкента на 2011–2015 годы

«Стратегия»» был выявлен уровень среднемесячного дохода домохозяйств в городах-ядрах агломераций Республики Казахстан – Актобе, Алматы, Астана и Шымкент, – который позволил провести сравнительный анализ среднего уровня доходов в агломерациях со средним уровнем доходов в стране.

Несмотря на то, что уровень заработной платы населения в нашей стране повышается с каждым годом, по итогам опросов мы наблюдаем существенные различия в объемах доходов семей в зависимости от места жительства. Всего было взято 6 уровней для градации заработка: от «менее 50 тысяч тенге», как минимального размера дохода, до «501 тысячи и более», как максимального заработка на одно домохозяйство.

Как видим, на Рисунке 1, в Казахстане самыми распространенными являются группы с общесемейными доходами от 50 до 100 тысяч тенге (37,7%) и от 101 до 200 тысяч тенге (33,9%). Количество семей с общим доходом менее 50 тысяч тенге по стране – 14%.

В свою очередь в агломерациях Казахстана доход на семью менее 50 тысяч тенге получают в среднем только 4,5% опрошенных. Чаще других на такой размер дохода указывали респонденты в Алматы (9,1%).

Основная по численности группа домохозяйств во всех 4 городах-ядрах, согласно опросам, – это семьи с суммарным доходом от 101 до 200 тыс. тенге, 46,3% опрошенных в четырех городах. Этот показатель существенно выше, чем средний показатель по стране (33,9%). Больше всего такой семейный доход имеют опрошенные в Шымкенте (54,1%) и Актобе (49,8%).

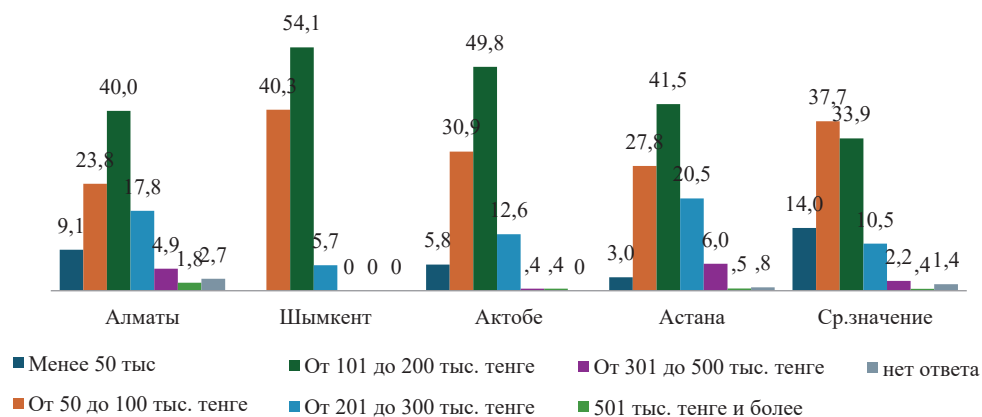
В группе с доходом на семью от 50 до 100 тысяч тенге первое место с большим отрывом занимает город Шымкент с долей в 40,3%. Затем по убыванию следуют – Актобе (30,9%), Астана (27,8%) и Алматы (23,8%). Если сравнивать со страновым показателем (37,7%), то видно, что в трех из четырех городов доля семей с доходом меньше 100 тысяч тенге меньше, чем в целом по стране (37,7%).

В Астане и Алматы заметно больше и в своей выборке, и по сравнению с общестрановым показателем (10,5%), доля семей, имеющих общий доход от 201 до 300 тысяч тенге (20,5% и 17,8% соответственно). Сравнительно высока доля этой группы в Актобе (12,6%). Меньше всего семей с доходом до 300 тысяч тенге в Шымкенте.

Достаточно показательным с точки зрения уровня доходов в городах-ядрах является распределение долей респондентов с самыми высокими уровнями: так, в Астане и Алматы количество семей с доходом от 301 до 500 тысяч тенге 6% и 4,9% соответственно (по стране 2,2%), в то время как в Шымкенте таких не выявлено вообще, а в Актобе 0,4%; более того,

в Алматы 1,8% опрошенных утверждали, что их уровень общесемейного дохода от 501 тысячи тенге и выше.

Диаграмма 1. – Уровень среднемесячного дохода на одно домохозяйство в городах-ядрах, %

Таким образом, при сравнении среднемесячного дохода в городах-ядрах агломераций со общестрановым среднемесячным доходом, мы видим, что средний уровень доходов в агломерациях выше, чем средний уровень доходов по Казахстану. Также необходимо отметить, что самый высокий доход по стране получают семьи, проживающие в астанинской и алматинской агломерациях.

Вторым индикатором для определения уровня жизни в населенном пункте является **уровень безработицы**.

Рынок труда – один из важнейших рынков, определяющих экономическую стабильность любого государства. Любое Правительство стремится найти эффективные пути развития трудового рынка и снижения безработицы. Общеизвестно, что любая экономическая политика, направленная на снижение безработицы, либо должна способствовать увеличению уровня трудоустройства граждан, либо снижению показателя увольняемости. Тем самым, Правительство меняет и естественный уровень безработицы в стране.

По данным социологических опросов, доли тех, кто называл себя безработными, в исследуемых 4 городах составляла от 2,7% до 7,5. В то время как доля безработных по всему Казахстану – 5,8%. А согласно статистическим данным, официально на конец ноября 2017 года в органах занятости РК в качестве безработных были зарегистрированы 125,9 тысяч человек, или 1,4% от численности экономически актив-

ного населения страны. Здесь стоит учесть, что по мнению некоторых аналитиков, данные о количестве безработных в Казахстане могут быть сильно преуменьшены.

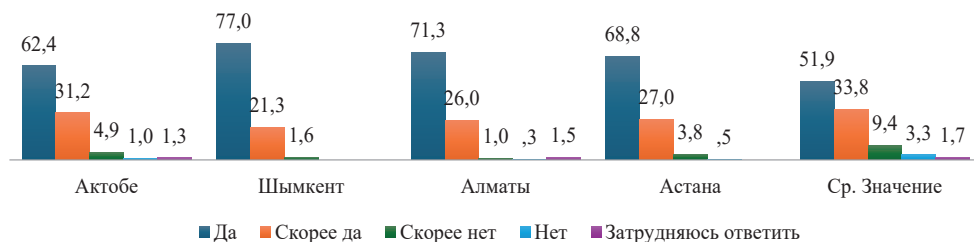
Диаграмма 2. – Уровень безработицы в городах-ядрах, (по данным соц.опроса) %

Также важным индикатором является **комфортность проживания** в населенном пункте. Комфортность проживания в том или ином городе зависит от состояния социальной инфраструктуры, т.е., наличия дорог, школ и больниц, также важным критерием для комфортного проживания в городе является политическая стабильность и низкий уровень преступности.

Результаты исследования показали, что во всех исследуемых городах жители чувствуют себя вполне комфортно. Наиболее комфортно в своем городе себя ощущают жители Шымкента, а также жители Алматы и Астаны. В Шымкенте 77% респондентов отметили, что им комфортно жить в городе, в Алматы 71,3%, а в Астане эта цифра составила 68,8%, в Актобе – 62,4%. Данный показатель по Казахстану составил 51,9%.

Диаграмма 3. – Комфортно ли Вам жить в Вашем городе? %

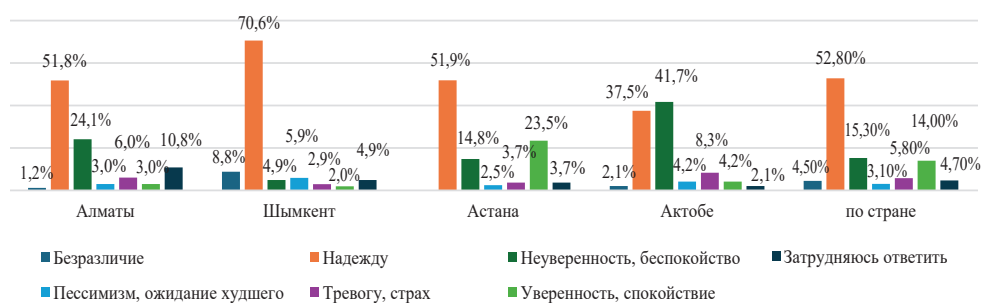
Таким образом, заметно, что есть различия в оценках людей: в агломерациях процент жителей, чувствующих себе определенно комфортно, выше, чем в целом по стране.

Последним, но не менее важным индикатором, является **социальный оптимизм**. Под социальным оптимизмом понимается духовное состояние людей, характеризующееся положительным восприятием действительности, уверенностью в возможностях улучшения жизни.

По данным опроса, реже всего у жителей агломераций в отношении будущего возникают такие чувства как страх и тревога – показатели варьируют от 2,9% до 8,3%. Также достаточно редко по сравнению с другими чувствами при восприятии будущего возникает состояние безразличия – от 1,2% до 8,8%. Доля очевидных пессимистов (тех, кто «ожидает худшего») – 3,9% опрошенных, аналогичный показатель в стране составляет 3,1%.

Самым распространенным, как у жителей агломераций, так и по Казахстану в целом, в отношении будущего является такое чувство, как надежда. В агломерациях в среднем данный ответ отметило 52,9% опрошенных, а по Казахстану – 52,8%. Вместе с тем, заметны существенные различия в долях населения, испытывающих надежду, в зависимости от города проживания. Так, в Шымкенте исследования зафиксировали самый высокий процент тех, кто испытывает надежду (70,6%), в то время как в Актобе таких только 37,5%. При этом обращает на себя внимание, что среди жителей Актобе больше всего тех, у кого основное чувство сейчас неуверенность и беспокойство (41,7%).

Диаграмма 4. – Какие чувства Вы испытываете в настоящий момент?%

Таким образом, можно сделать заключение, что оценки уровня жизни населением городов-ядер агломераций по результатам исследований в большинстве случаев выше, чем в среднем по стране.

Проведенный в статье сравнительный анализ показателей уровня жизни в городах-ядрах агломераций со средним показателем уровня жизни

по стране продемонстрировал, что материальное положение у семей, проживающих в данных городах, выше, чем у семей, проживающих в других городах. Также мы видим, что люди, проживающие в городах-ядрах агломераций, чувствуют себя комфортнее, чем в других городах. Также важным выводом является то, что в отношении будущего у жителей изучаемых городов самым распространенным является чувство надежды на улучшение ситуации.

Вместе с тем, если сравнить показатели в городах-ядрах агломераций между собой, можно прийти к выводу, что в Актобе социально-экономическая ситуация хуже, чем в других агломерационных регионах страны. По данным опросов, 7,5% респондентов в Актобе отмечали, что они являются безработными, это на 1,8% выше чем аналогичный средний показатель по стране. Также в Актобе живут больше всего горожан, которым некомфортно жить в своем городе. При этом Актобе является единственным городом-ядром агломерации, где основным настроением в обществе является неуверенность и беспокойство.

Самозанятые – кто они такие?⁴⁸

*Иманбай Жандос,
Нурахметова Светлана*

«Самозанятость – это прямой уход от налогов», – именно с таким заявлением выступил глава государства Н.Назарбаев во время совместного заседания палат Парламента в сентябре 2017 года. По его мнению, это то количество людей, которое уклоняется от налогов, несмотря на то, что государство создало все условия для того, чтобы человек мог официально трудоустроиться и честно делать отчисления в государственную казну. «У нас 2,7 млн. человек считаются самозанятыми. Я все время задаю всем министрам социальной защиты – где это такое есть в мире слово «самозанятые»? Это самый прямой уход от налогов, вот что это такое!...должен расплатиться с государством за возможность заниматься своим делом. Он что, безработный? За безработных мы приняли решение: если тебе нет работы, мы даем микрокредит в деревне.

48 Иманбай Ж., Нурахметова С. Самозанятые – кто они такие? 13.06.2018. – <https://ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/580-samozanyatyie-kto-oni-takie>

Купи две коровы, дои их и продавай, или посади огород и плати государству. Хорошо поработаешь, в следующем году еще пять раз дадим. А кто этим не хочет заниматься, поехали в город, мы тебя обучим бесплатно и там устроим» [1].

После выступления президента началась активная дискуссия о самозанятых. Главный вопрос, который беспокоит всех: *кто относится к этой категории граждан?* В разных контекстах встречаются различные дефиниции, которые включают в самозанятых представителей различных групп населения. В третьем квартале 2017 года, т.е., почти в одно время с выступлением Президента, по данным Комитета статистики количество самозанятого населения составило 2 176 144 человек, из них 1 900 735 продуктивные занятые, 275 409 – непродуктивные [2]. Таким образом, можно видеть существенное противоречие в приводимых данных – 2,7 млн или, все-таки, 2 176 144 человек?

По нашему мнению, наличие существенных различий в определении понятия осложняют любые дискуссии на тему самозанятых. Во время своего первого выступления в качестве министра труда и социальной защиты населения РК Мадина Абылкасымова пообещала, что в первую очередь займется проблемой легализации неформально и самостоятельно занятых казахстанцев. Хватит ли у нее опыта и сил решить этот системный вопрос – покажет время.

А пока, чтобы показать явление с другой стороны хотели бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В ходе регулярных исследований, проводимых Общественным фондом «ЦСПИ «Стратегия», мы видим, как население себя обычно идентифицирует в социально-демографическом отношении. И при этом замечаем, что доля людей, которые себя определяют как самозанятые невысокая (не более 5%), что, конечно, не сопоставимо с официальными данными по самозанятым.

Так, например, в сентябре 2017 года наш Фонд провел опрос 6400 респондентов старше 18 лет по всем регионам республики. В рамках исследования был задан вопрос о том, к каким социально-профессиональным группам относят себя опрошенные, при этом среди тех, кто называл себя самозанятыми, был задан уточняющий вопрос, чем занимается конкретно этот респондент.

В целом, картина с самозанятыми по результатам нашего исследования выглядит следующим образом: только 4,1% участников опроса назвали себя самозанятыми (см. *Диаграмму 1*). Среди них с небольшим пере-

сом выше доля тех, кто живет в сельской местности (4,4%), по сравнению с городом (3,8%).

Диаграмма 1. – К какой социально-профессиональной группе Вы себя относите? (% от числа опрошенных)

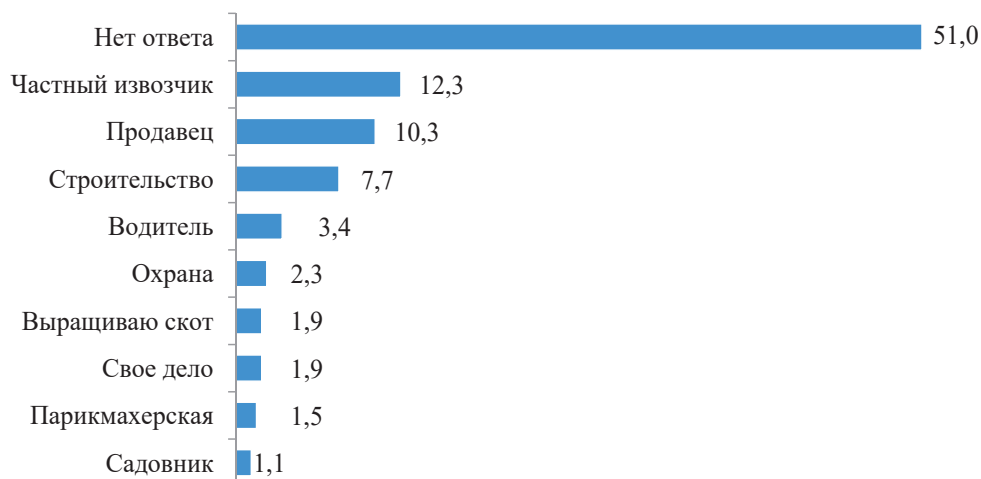

Самозанятыми себя называли чаще всего мужчины (6%), нежели женщины (3%). Самостоятельной деятельностью предпочитают заниматься в основном люди со средним специальным образованием, в возрасте 35–44 лет (5%); 45–54 лет (4%).

Самостоятельной деятельностью больше всего занимаются жители из южных регионов страны. 12% самозанятых оказались жителями ЮКО, 9% – Кызылординской области и 8% проживают в Жамбылской области. Самозанятые из ЮКО и Кызылординской области чаще предпочитают заниматься частным извозом (30% и 22% соответственно). В Жамбылской области 15% работают продавцами.

Из общего числа самозанятых (4,1%) к частным извозчикам себя относят 12%, 10% к продавцам, 8% занимаются строительством и 3% являются водителями, остальные категории набрали меньше 3% (водители, охрана, тренеры, риелторы, парикмахеры и т.д.). Вместе с этим следует отметить, что более половины (51%) называвших себя самозанятыми отказались ответить, чем они конкретно занимаются.

Диаграмма 2. – Чем занимаются самозанятые?
(% от общего числа опрошенных)

Если рассмотреть социально-демографические характеристики тех, кто отнес себя к самозанятым, то чаще всего это казахи, среди них много тех, кто разведены или не состояли в браке, чаще это респонденты с невысоким уровнем образования (не выше среднеспециального) и имеющие невысокий уровень материального положения. Любопытно, что в списке самозанятых нет индивидуальных предпринимателей и тех, кто занимается самостоятельным бизнесом. Из этого можно сделать вывод о том, что эти категории граждан не склонны относить себя к самозанятым.

Сегодня на самозанятых возложили большую ответственность – это ответственность за легализацию своего труда. Но готовы ли они идти навстречу государству – это вопрос, который требует глубокого изучения.

Ссылки:

1. *Zakon.kz. Назарбаев: Самозанятость – это прямой уход от налогов, вот что это такое!* <https://www.zakon.kz/4876065-nazarbaev-samozanyatost-eto-pryamoy.html>

2. *Комитет по Статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. «Занятость» населения. Самостоятельная занятость.* http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersLabor?_afzLoop=6863346532781971#%40%3F_afzLoop%3D6863346532781971%26_adf.ctrl-state%3D13jx4awyj7_189

Государство и социальные ожидания населения: что говорят данные опросов?⁴⁹

Илеуова Гильмира

В выступлении я буду приводить данные разных исследований, которые провели сотрудники Фонда, начиная с 2004 года. Сделаю это в большей степени для того, чтобы обозначить свое представление о взаимоотношениях населения и государства в вопросах социальной политики.

Прежде всего, хочу напомнить, что основная масса социальных ожиданий населения, особенно взрослой его части, была сформирована в советский период с его достаточно мощной социальной политикой.

Еще, в начале выступления, хотела бы напомнить или рассказать тем, кто не помнит, некоторые выводы исследования, которое было проведено в 1996 году Институтом развития Казахстана «Республика Казахстан: «красный» рассвет на пороге XXI века?» (типы политического сознания и перспективы неокommунизма по результатам социологического опроса. Авторы: Е. Бабакумаров, М. Машанов, А. Шоманов).

«В масштабах республики наблюдается резкое отличие доминирующих идеологий. Приоритеты интересов респондентов отличаются своей направленностью и, зачастую, прямо противоречат друг другу в координатах политической системы, прав личности, наций, государства, в вопросах доминирующего типа собственности, а также социальной роли государства...

Общественное сознание включает в себе элементы прокоммунистической, этатистской, националистической, праволиберальной и демократической идеологий...

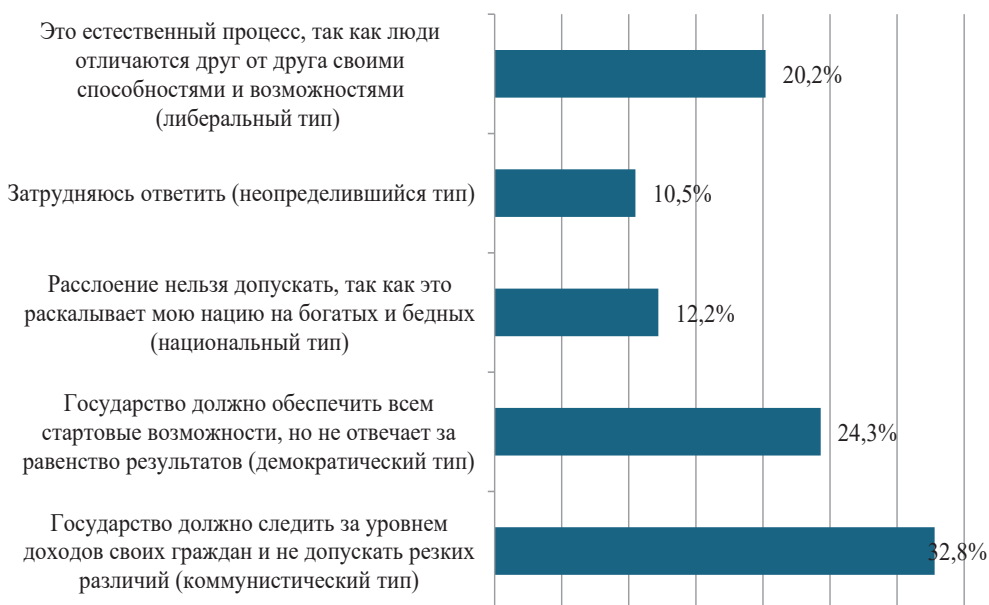
В вопросах роли государства в проведении социальной политики большинство респондентов выделили принцип социальной защиты только для наиболее социально уязвимых слоев общества». Это, по мнению авторов, «говорит о высоком уровне понимания новой роли государства в новой системе общественных отношений».

49 Илеуова Г. «Государство и социальные ожидания населения: что говорят данные опросов?». Выступление на научно-практической конференции «Новые приоритеты в социальной политике и качество жизни в Казахстане». ИМЭП при Фонде Первого Президента РК, 20 декабря 2019 г.

По данным, представленным на Диаграмме 1, авторы приходят к мнению, «что 45% опрошенных выступили против углубления социального неравенства и 44,5% предпочли расслоению равенству результатов, что говорит о примерно равной поддержке моделей государства – «ночного сторожа» и государства «всеобщего благоденствия».

Также стоит отметить один из главных выводов исследования, который фиксирует, что «противоречивость массового сознания выражается в ярко выраженном дисбалансе экономического и политического компонентов его структуры. Если в экономических вопросах доминирует коммунистический подход, то в политике преобладает демократический. Зафиксирована явная установка на «авторитаризм наоборот» (поставленный с ног на голову), а не на классический авторитаризм, т.е., на свободную политическую сферу при несвободной экономике».

Диаграмма 1. – Как Вы относитесь к проблеме углубления социального неравенства? (№=2910, 19 регионов, выборка квотная, 1996 г.)

Но уже в исследовании, проведенном нами в 2004 году, стала проявляться неудовлетворенность населения социальной политикой государства, отсутствием системы социальной поддержки и защиты, и нарастающей социальной дифференциацией.

Диаграмма 2. – Что можно назвать самой большой потерей для общества за годы независимости? (№=1200, 9 регионов, выборка квотная, 2004 год)

В исследовании 2010 года, в котором опрашивались и население, и бизнес, мы пришли к выводу, «что:

– экономика Казахстана становится все более открытой для свободного движения товаров и капиталов, т.е. она либеральная (22 (население) -26 (МСБ)%);

– экономическая стратегия корпоративна, т.е. она реализуется в эгоистических интересах властвующего социального слоя (корпорации) за счет снижения уровня жизни граждан (26 (население) -28 (МСБ) %).

В целом, в 2010 году в обществе отсутствовало целостное представление о реализуемом в Казахстане стратегическом направлении социально-экономического развития. Не было сформировано общее мнение о том, в чьих интересах осуществляется развитие страны. Единственным общим представлением для населения и МСБ являлось то, что не наблюдалось усиления роли государства в экономике, что могло означать и продолжение курса на либерализацию экономической жизни, и подмену общественных интересов интересами отдельных групп (корпораций). Прошу зафиксироваться на последнем моменте.

Диаграмма 3. – Какой вид экономической стратегии, по Вашему мнению, реализуется в современном Казахстане? (опрос населения; №=1100, 9 регионов, выборка квотная, 2010 год)

Опрос 2016 года продемонстрировал высочайший уровень запроса населения к государству: по мнению подавляющего числа казахстанцев, государство должно нести полную ответственность за ситуацию в социальной сфере, как основной актор социально-экономической политики.

Диаграмма 4. – С каким из нижеприведенных утверждений Вы согласны? (%; ответ «согласен», №=1600, 16 регионов, выборка квотная, 2016 год)

Исследование ноября 2018 года подтвердило поддержку населением патернализма⁵⁰. Более 70% опрошенных считает, что государство должно: создавать условия для обеспечения работой всех, кто желает трудиться; осуществлять контроль над ценами на потребительские товары; обеспечивать каждому гарантированный прожиточный минимум.

Диаграмма 5. – Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями... (%; ответ «согласен», №=1600, 17 регионов, выборка квотная, 2018 год)

Что мы имеем в итоге?

Хотела бы выдвинуть такую гипотезу. К сожалению, мы не проводили еще раз исследование о том, какая именно экономическая стратегия реализуется в Казахстане в настоящий момент, но можно предположить, исходя из имеющихся реалий, что корпоративная экономическая стратегия превалирует.

Отсюда следующий вывод. Мы в Казахстане видели только две формы управления – государственную (советского типа) и нынешнюю корпоративную/групповую. Запрос на усиление/повышение роли государства можно рассматривать как требование населения (основанное на недовольстве результатами социальной политики) смены корпоративной модели

50 Патернализм (лат. *paternus* «отцовский, отеческий») – система отношений, при которой власти обеспечивают потребности граждан, которые в обмен на это позволяют диктовать им модели поведения, как публичного, так и частного (Википедия).

управления, т.е., смены неэффективного менеджмента. При этом другого арбитра/гаранта защиты интересов, кроме государства, у населения нет. Но ирония судьбы в том, что именно наше современное государство создало эти удобные для монополистов неконкурентные условия, которые население не в состоянии изменить.

Можно выдвинуть предположение/прогноз, что запрос на этатизм⁵¹ в стране будет возрастать в любой политической оболочке (авторитаризм, например), и при этом поворот на либерализм в ближайшие годы вряд ли возможен.

Вчера «интеллигенция» – сегодня «интеллектуалы»? ⁵²

Иманбай Жандос

О понятии «интеллигенция»

Понятие «интеллигенция» является многозначным. В разной литературе встречаются различные дефиниции, описывающие его в историко-культурном, социологическом, социально-психологическом и профессионально-статусном аспектах. Несмотря на это, на сегодняшний день отсутствует общепринятое научное определение этого понятия, что осложняет любые дискуссии на тему интеллигенции.

Слово интеллигенция имеет латинское происхождение (от «intel-ligens» – разумный, умный). В первое время это понятие употреблялось в отношении одаренных людей, обладающих особыми качествами. Под влиянием разных социально-политических событий содержание данного понятия переживало определенные трансформации. В конце 18 века французские просветители пользовались словом «интеллидженс», чтобы как-то отделять слой просвещенных от непросвещенных. А через некоторое время их стали называть представителями интеллектуалов, которые превращаясь в социальную группу, боролись за общественную справедливость.

51 Этатизм (государственничество) (от фр. État – «государство») – идеология, утверждающая ведущую роль государства в политической жизни, включая подчинение интересов как отдельных людей, так и групп интересам государства; политика активного вмешательства государства во все сферы общественной и частной жизни (Википедия).

52 Иманбай Ж. «Вчера «интеллигенция» – сегодня «интеллектуалы»?» в сб. «Социальный портрет современного казахстанского общества» (сборник статей). 2-й выпуск. – ИМЭП при Фонде Первого Президента РК. – Астана-Алматы, 2016 г. – с. 233-241.

Именно во Франции в конце XIX столетия появилось само понятие «интеллектуал» в современном смысле этого слова. Известный французский мыслитель Паскаль Ори под интеллектуалом подразумевал образованного человека, творца или посредника, производителя или потребителя идеологии. То есть, в этот момент определение «интеллектуал» приобрело политическую значимость, так как носители этого статуса стали рассматриваться как основная движущая сила в решении социальных задач в обществе [1].

В Германии для обозначения того слоя общества, представители которого занимаются интеллектуальной деятельностью, широкое распространение получило понятие «интеллигенция», которое в дальнейшем было взято на вооружение просвещенными людьми царской России.

В постиндустриальной традиции в отношении представителей образованной, интеллектуальной среды использовать понятие «интеллигенция» считается неправомерным. Надо сказать, что в нынешних развитых странах Запада понятие «интеллигенция» употребляется нечасто. Вместо него особое значение в западной литературе приобретает понятие «класс интеллектуалов» (knowledge-class). Связано это, по мнению западных социологов, с тем, что нынешнее интенсивное индустриальное, экономическое и техническое развитие глобального мира значительно изменило миссию интеллектуальной среды. В сегодняшних развитых цивилизованных странах под «классом интеллектуалов» подразумевают тех, кто обладает хорошим современным образованием, высоким уровнем квалификации и достаточно высоким уровнем информированности по широкому кругу общественно значимых вопросов [2].

Понятие об интеллигенции в период царской России и Советского Союза

В силу исторической обусловленности представления об интеллигенции в Казахстане складывались под влиянием философских идей, развитых в период Российской империи и позиций, которые возникли в отношении этой группы в советской период истории.

Кандидат социологических наук Наталья Латова в одной из своих статей отмечает, что на трансформацию понятия «интеллектуал» в понятие «интеллигенция» в России оказал воздействие известный русский журналист П.Д. Бобрыкин. Сам Бобрыкин объявил, что заимствовал этот термин из немецкой культуры, где он использовался для обозначения того слоя общества, представители которого занимаются интеллектуальной деятельностью. Журналист к интеллигенции относил людей разных профессиональных групп, принадлежащих к разным политическим дви-

жениям, но имеющих общую духовно-нравственную основу. В начале представители русской интеллигенции, как европейские интеллектуалы, были сторонниками идей справедливости, духовности и даже активно критиковали власть.

Наряду с этим социолог также отмечает, что в советское время с 1920 года состав интеллигенции резко изменился. Этот процесс был связан с тем, что молодые рабочие и крестьяне, получившие доступ к образованию, стали ядром новой советской интеллигенции. Советская власть сознательно проводила политику, облегчавшую получение образования выходцами из «трудящихся» слоев. В результате при резком росте числа людей с высшим образованием, снизилось их качество и общая культура поведения. Так, если в царской России доля представителей интеллектуального труда составляла 2-3%, то ближе к 1980 году их число достигло четвертой части всех трудящихся. В определении интеллигенции этические признаки отошли на задний план, под «интеллигенцией» начали понимать всех «работников умственного труда».

Также в советский период существенно изменились отношения между представителями интеллигенции и власти. Деятельность интеллигенции была взята под строгий контроль. Советских интеллигентов обязывали пропагандировать «единственно верную» коммунистическую идеологию [3].

Рост интеллигенции в советский период также отмечает известный писатель А.И. Солженицын: так, в одной из своих работ он отмечал, что с 1930 года под влиянием общественно-политических процессов миллионы чиновников стали называться «интеллигентами». Затем вслед за чиновниками к интеллигенции стали относить всех, кто имел партийный билет [4].

Интеллигенция в современном Казахстане: противоречивость оценок

В современном казахстанском обществе единого, и, что важно, собственного суждения о понятии «интеллигенция» и его использовании не сложилось. Позиции и рассуждения известных людей по поводу интеллектуальной среды не совпадают. В казахской речи сегодня можно услышать в отношении образованных деятельных людей выражение «зиялы қауым», которое очень часто переводят на русский язык как синоним понятия «интеллигенция». Но интеллигенция и зиялы қауым по содержанию два различающихся понятия.

Известный казахстанский философ и культуролог Олег Борецкий отмечает, что «интеллигенции» присуще две основные функции. Первая

функция – этическая, т.е. носителя нравственных ценностей. И вторая функция – это составляющая ее миссии, а именно, привносить в общество новации, чтобы общество развивалось [5].

Если говорить о выражении «зиялы қауым», то казахстанский писатель Адам Мекебаев в своих рассуждениях дает следующее определение: «Зиялы қауым в казахском понимании имеет более широкую смысловую нагрузку, чем есть у русских определений «интеллигенция» и «интеллектуал». Это объединение образованных людей/ученых, политиков, поэтов-писателей, журналистов, общественных деятелей, которые всеми силами и средствами **защищают интересы своего народа**» [6].

Руководитель движения «Ұлт тағдыры», общественный деятель Дос Кушим к интеллигенции относит тех, кто всегда выражает свое мнение открыто, думает об идеологии, национальной духовности и гуманности, преследует своей целью развитие справедливого общества.

Народный писатель Смагул Елубай под словом «зиялы» подразумевает тех, кто больше всего думает о заботах народа. «Народ, в котором зиялы қауым не будет горевать за свой народ, может превратиться в простую толпу. В зиялы қауым в обязательном порядке должна быть национальная черта. Человек, работающий на благо своего народа – это человек, который работает на благо всего человечества» [7].

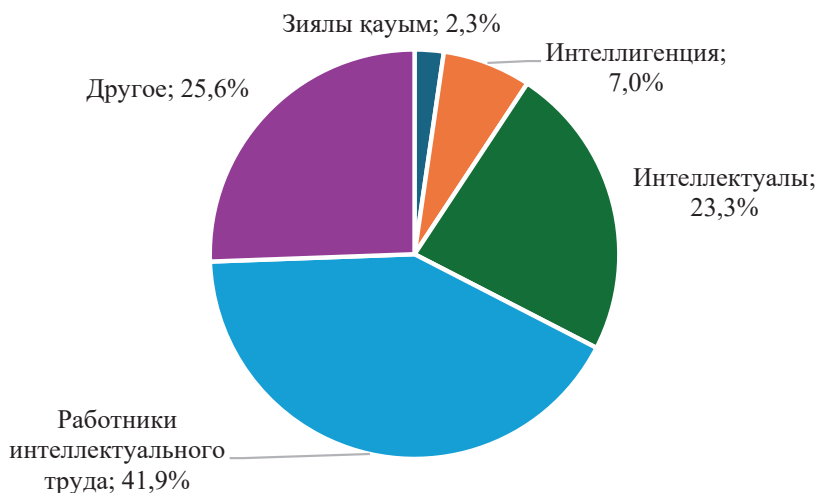
Известный политолог Айдос Сарым интеллектуальную среду, исходя из ее функционала, назвал «смыслопроизводящей корпорацией». Политолог, оценивая бытие сегодняшней смыслопроизводящей корпорации, достаточно критично выразил свою позицию. По его мнению, современная интеллектуальная среда не выполняет свою прямую функцию [8].

Наличие такого количества разносторонних взглядов на определение интеллигенции поставило вопрос о том, какое из них является наиболее приемлемым в общественном мнении. В связи с этим Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия» провел блиц-опрос посредством социальной сети Фейсбук. Опрос был проведен в свободном, дискуссионном формате. Среди выразивших свое мнение были эксперты-политологи, экономисты, социологи, общественные деятели и журналисты. В результате в опросе приняли участие 43 респондента.

На вопрос *«Какое из понятий в условиях современного Казахстана наиболее точно соответствует людям, которые занимаются умственным трудом?»* 42% респондентов выбрали вариант ответа – «работники

интеллектуального труда». Далее по популярности варианты: «интеллектуалы» – 23% и «интеллигенция» – 7%.

Диаграмма 1. – Какое из понятий в условиях современного Казахстана наиболее точно соответствует людям, которые занимаются умственным трудом? %

Также в ходе опроса экспертами были предложены альтернативные варианты ответов, среди которых особенно выделяются такие определения, которые свидетельствуют о критическом переосмыслении роли интеллектуалов и форм организации их деятельности, как то: «фрилансеры», «интеллектуальные мещане», «по характеру труда «отчужденцы»».

Интерес представляют и комментарии к дискуссии, оставленные ее участниками, в которых нашли отражения и оценки, и сожаления, и ожидания от людей умственного труда. Часть комментариев затронула вопрос вымирания интеллигенции как вида, ее смену интеллектуалами: «интеллектуалы остались, интеллигенции нет уже»; «Интеллигенции не осталось, лишь только горстка интеллектуалов и толпа с дипломами о высшем образовании...». Часть респондентов высказали сомнения в отношении того, что те, кто сегодня занимаются интеллектуальным трудом, производят продукт умственного труда, в полной мере соответствуют определениям «интеллигент» и «интеллектуал»: «для определения «интеллигенция» не хватает порядочности и высоких моральных качеств. Для определения «интеллектуалы» – глубокого ума и нормального образования – подавляющее большинство болеет лженауками».

В отношении определения «зиялы қауым» было высказано мнение, что оно возлагает большие обязанности и ответственность на человека («деген

сөз үлкен міндет пен жауапкершілік жүктейді»). «Зиялы қауым» представляется как определение более высокого порядка, чем «интеллектуал», т.е. любой зиялы является интеллектуалом, но не любой интеллектуал может быть зиялы («Зиялы болу үшін, алдымен интеллектуал болуы шарт»).

Таким образом, не отрицая, что в любом обществе есть интеллектуальная среда, мы понимаем, что со временем, под влиянием политических и социальных процессов миссия интеллектуального сообщества подвержена изменениям. В начале под «интеллектуаленс» в обществе понимались одаренные люди, но спустя время, из отдельных личностей они превратились в большую социальную группу, их миссия усложнилась. В Советском Союзе под «интеллигенцией» подразумевались чиновничество и все люди, имевшие высшее образование. В настоящее время большую значимость вместо определения «интеллигенция» приобретает определение «интеллектуалы».

В целом, опрос показал, что использование всех предложенных вариантов не вызывает отторжение у его участников. При этом есть понимание, что использование того или иного определения в отношении человека или группы лиц должно быть обусловлено наличием определенных качественных характеристик.

Анализ определений с точки зрения миссии и качества интеллектуального сообщества в обществе позволяет условно выстроить следующую иерархию:

- Первый уровень сложности – работники интеллектуального труда;
- Второй уровень сложности – интеллектуалы;
- Третий уровень сложности – интеллигенция;
- Четвертый уровень сложности – зиялы қауым.

Как показывает опрос, его участники в качестве наиболее приемлемого в сегодняшних условиях для описания людей, которые занимаются умственным трудом, выделили определение «работники интеллектуального труда». При этом варианты «интеллигенция» и «зиялы қауым» в сумме набрали меньше 10%. Респонденты очень критично относятся к людям, которые занимаются умственным трудом. В первую очередь, из-за дефицита духовности и низкого морального облика сегодняшних интеллектуалов.

Ссылки:

1. Некомерческий фонд «Наследие Евразия». Мыслящая Россия. История и теория интеллигенций и интеллектуалов. – Москва: 2009. – С. 368.
2. Новая миссия казахстанской интеллигенции: Сборник статей, интервью, выступлений представителей казахстанской интеллигенции / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. – 229 с.

3. Энциклопедия *Кругосвет*. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/INTELLIGENTSIYA.html?page=0,1
4. Александр Солженицын. «Образованица». *Новый мир*. – 1991. №5. – С. 28-46.
5. Адольф Арцишевский. «Интеллигенция Казахстана: носитель совести, разума и недоразумения». <http://camonitor.com/archives/10118>
6. Адам Мекебаев. «Зиялы қауым хақында». *Әдебиет порталы*. <http://adebiportal.kz/ziyaly-auym-kha-ynda.page/>
7. Қамшы kz. «Ұлт зиялылары деп кімдерді айтамыз?». <http://old.qamshy.kz/?p=3965>
8. Айдос Сарым. «Тезисы о состоянии казахской смыслопроизводящей корпорации». <http://www.kub.info/article.php?sid=21998>

2021–2026 гг.

Социальное самочувствие и протестные настроения казахстанцев в преддверии январских выступлений 2022 года⁵³

Илеуова Гульмира,
Симакова Ольга

С начала обретения в 1991 г. суверенитета Казахстан оставался самым стабильным государством в центральноазиатском регионе. Но за последнее десятилетие в стране наблюдается рост числа протестных выступлений разного формата. Так, по данным Проекта о местоположении и событиях вооруженных конфликтов (ACLED)⁵⁴ только за период с 1 января 2019 г. по 1 января 2022 г. в Казахстане произошло 2388 конфликтных событий. Если проследить динамику, то очевиден тренд на увеличение количества акций протеста из года в год: 2019 г. – 519 акций, 2020 г. – 829, 2021 г. – 1040.

Ощущение потери стабильности и роста социального недовольства в Казахстане заметно усилилось в период пандемии коронавируса 2020–2021 гг. Как писали в СМИ, «пандемия в Казахстане усугубила ситуацию

53 Илеуова Г.Т., Симакова О.А. Социальное самочувствие и протестные настроения казахстанцев в преддверии январских выступлений 2022 года // Социологические исследования № 1, 2023. – с. 95-106.

54 Проект данных о местоположении и событиях вооруженных конфликтов (ACLED) собирает информацию о датах, действующих лицах, местах, числе погибших и типах всех заявленных случаев политического насилия и акций протеста по всему миру. URL: <https://acleddata.com> (дата обращения: 06.09.2022).

с низкими доходами населения и вынужденными кредитами – для некоторых людей займы стали единственной возможностью оплатить аренду квартиры или попросту купить еды»⁵⁵. Сообщалось, что основная проблема страны – бедное население, которое стало еще беднее за период карантина⁵⁶. Еще в 2021 г. по стране прокатилась волна акций протеста социально-экономического характера⁵⁷. А в начале января 2022 г. Казахстан пережил беспрецедентные по своему масштабу протестные волнения, повлекшие за собой многочисленные жертвы и погромы в крупных городах страны. Широкий масштаб январских выступлений привел не только к вооруженным столкновениям с правоохранительными органами, но и к привлечению сил ОДКБ для наведения порядка.

Среди казахстанских экспертов и аналитиков распространено мнение, что базовым условием январских выступлений стало накопленное социальное недовольство, вызванное ухудшающимися социально-экономическими условиями, что повысило вероятность его активной трансляции в форме протестов. В то же время по данным исследовательской компании Bisam Central Asia, в общественном мнении январские выступления воспринимаются не так однозначно. На момент событий только 16,1% полагали, что выступления были массовым проявлением стихийного недовольства. При этом наиболее распространенным – на уровне трети – было мнение, что в стране осуществляется попытка государственного переворота. Но спустя полгода, доля таких ответов составила уже четверть на фоне увеличившейся доли затрудняющихся с ответом⁵⁸.

В рамках данной статьи авторы на базе результатов многолетних социологических исследований постараются определить факторы роста протестности в казахстанском обществе.

Источники аналитической информации. Сбор первичной информации осуществлялся на основе анкетного опроса населения и фокус-групповых дискуссий. Анкетирование было проведено в августе 2021 г. на базе онлайн-платформы Qalaysyn (N = 1999)⁵⁹. В исследовании использовалась

55 Женисхан Д., Мазоренко Д., Кайсар А. Жизнь взаимы. Почему казахстанцы оказались в кредитной ловушке, и как пандемия лишает их возможности из нее выбраться (16 июня 2021 г.). URL: <https://mediazona.ca/article/2021/06/16/coronacredit> (дата обращения: 06.09.2022).

56 Кризис и бедность: как пандемия коронавируса повлияла на экономику Казахстана? (14 мая 2020 г.). URL: https://baigenews.kz/news/krizis_i_bednost-_kak_pandemiya_koronavirusa_povliyala_na_ekonomiku_kazahstana/ (дата обращения: 06.09.2022).

57 См., напр.: В Казахстане участники митингов призывают к бойкоту выборов в парламент (10 января 2021 г.) URL: <https://ria.ru/20210110/miting-1592455076.html> (дата обращения: 06.09.2022); Массовые протесты в Казахстане: силовики жестко задержали более полусотни человек (28 февраля 2021 г.). URL: https://24tv.ua/ru/massovyye-protesty-zhestkie-zaderzhanija-kazahstane-poslednie-novosti_n1555582 (дата обращения: 06.09.2022).

58 Январские события: что изменилось в их оценке казахстанцами за прошедшие полгода? 2022. URL: <https://www.bisam.kz/ru/news/244-2022-07-27-11-12-02> (дата обращения: 06.09.2022).

59 QALAYSYN.KZ – онлайн-платформа социологических, брендовых, маркетинговых, brand lift и иных

многоступенчатая стратифицированная выборка с квотным методом отбора единиц наблюдения. Ошибка выборки с доверительной вероятностью 95% не превышает $\pm 3\%$. Выборка репрезентировала взрослое население Казахстана от 18 лет по признакам: регион проживания, административно-территориальный статус населенного пункта, пол, возраст респондента. Анкета содержала вопросы относительно социального самочувствия граждан страны, их отношения к властям и проводимым в стране реформам, а также оценки уровня протестной напряженности в регионах и готовности к участию граждан в массовых акциях протеста.

Групповые дискуссии прошли как в онлайн-формате (рекрутинг участников осуществлялся на платформе Qalaisyn без учета фактора участия в онлайн-опросе), так и в офлайн-формате (рекрутинг участников осуществляли супервайзеры в регионах). В обоих случаях отбор для участия в дискуссии производился с учетом языковых, половозрастных характеристик и статуса занятости. Всего за период с июля по сентябрь 2021 г. было проведено 16 фокус-групповых дискуссий (общее число участников – 121 респондент) в городах Тараз, Кызылорда, Жанаозен, Атырау, Актобе, Жезказган, Алматы, Нур-Султан, Петропавловск, Усть-Каменогорск и Караганда.

Для определения динамики изменений в настроениях казахстанцев в статье авторами использованы результаты мониторинговых опросов 2004–2021 гг., проведенных ОФ «ЦСПИ «Стратегия»⁶⁰ в Казахстане в рамках международного проекта «Мониторинг социального самочувствия населения стран бывшего СССР» под эгидой МНАИА «Евразийский монитор». Использовались также собственные социологические данные Фонда, полученные в ходе других проектов по изучению протестных настроений в Казахстане.

Социальные настроения в Казахстане. По результатам исследования, проведенного в июле-сентябре 2021 г., было зафиксировано существенное ухудшение социального фона в Казахстане. Согласно опросу⁶¹, в 2021 г. суммарная доля тех, кто оценил состояние экономики страны как «плохое/очень плохое», достигла 35%, в то время как доля оценивших экономическое положение страны как «хорошее» или «очень хорошее» составила лишь 18%.

типов исследований для компаний и частных лиц, она имеет панель более 7 тыс. зарегистрированных респондентов, ее возможности удовлетворяют требованиям выборки и временным условиям проведения «полевых» работ. URL: <https://qalaisyn.kz/> (дата обращения: 06.09.2022).

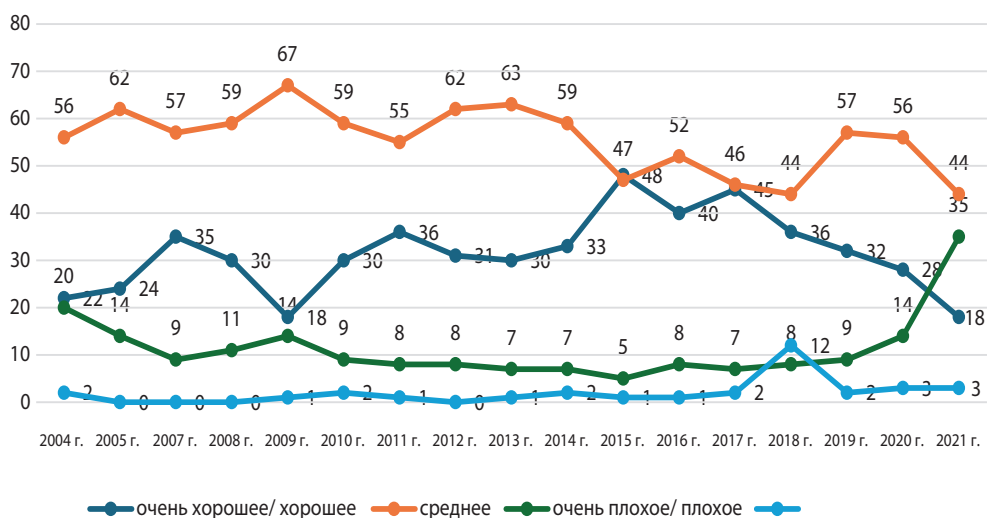
60 Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия» (г. Алматы) осуществляет свою деятельность на рынке исследовательских услуг Казахстана с 2001 г. Фонд является действительным участником Международной некоммерческой ассоциации исследовательских агентств «Евразийский монитор». URL: <https://ofstrategy.kz> (дата обращения: 06.09.2022).

61 Вопрос задавался следующим образом: «Как бы Вы оценили в настоящее время экономическое положение нашей страны?».

Более наглядно произошедшее негативное изменение видно в динамике показателей (рис. 1)⁶²: доля негативных ответов – более трети – оказалась в 2021 г. самой высокой с начала замеров (с 2004 г.), при этом снижение позитивных оценок происходило на фоне увеличения негативных ответов. Заметим, что опросы фиксировали устойчивый нисходящий тренд по данному показателю еще с 2017 г. Тем не менее, в 2021 г. произошло снижение оценок почти в два раза – с 28% до 18%. Это дает основание говорить о высокой значимости пандемии COVID-19, которая выступила катализатором ухудшения оценок текущей ситуации.

Оценки респондентами материального положения⁶³ в 2021 г. показали (рис. 2), что доля считающих экономическое положение своей семьи плохим впервые превысила долю тех, кто называл положение своей семьи хорошим (24% против 15%). В сравнении с 2020 г. произошло более чем двукратное изменение как позитивных показателей (с 31% до 15% упала доля положительно оценивающих материальное положение), так и негативных (выросла с 11% до 24% доля оценивающих свое положение как плохое).

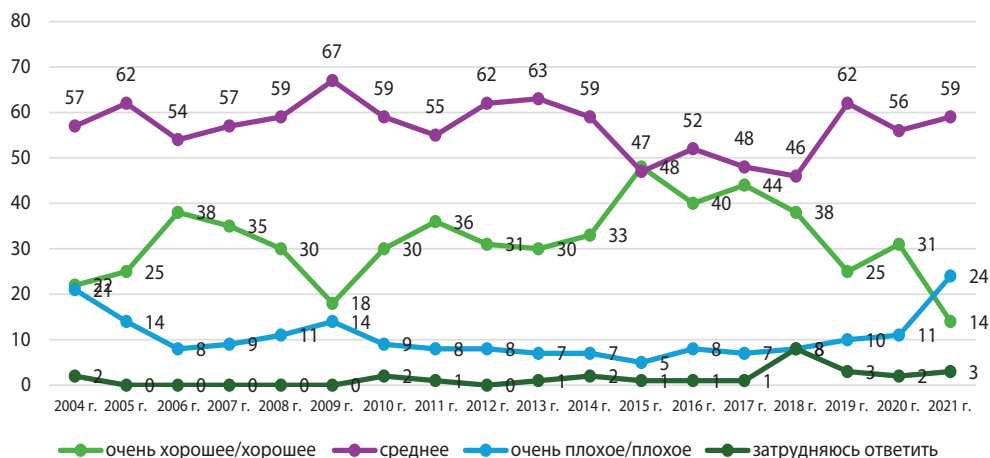
Диаграмма 1. Динамика оценок экономического положения страны, % опрошенных, 2004–2021 гг.

62 Далее приведены данные мониторинговых исследований «Мониторинг социального самочувствия населения стран бывшего СССР», проводимых ОФ «ЦСПИ «Стратегия» под эгидой МНАИА «Евразийский монитор».

63 Вопрос задавался в следующей форме: «Как бы вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение вашей семьи?»

Диаграмма 2. Динамика оценок материального положения семьи, % опрошенных, 2004–2021 гг.

Другой важный показатель, дающий представление о настроениях в казахстанском обществе, – удовлетворенность жизнью. В последнее пятилетие наблюдается ежегодное снижение и этого показателя: если в 2017 г. 76% респондентов в той или иной степени были удовлетворены своей жизнью, то в 2021 г. только 57% отметили, что удовлетворены жизнью, которую ведут. Доля неудовлетворенных своей жизнью выросла с 23% в 2017 г. до 36% в 2021 г. Чаще всего неудовлетворенные наблюдались среди жителей областных центров (41%), в возрастной группе 45–54 лет (41%), среди респондентов со средним образованием (41%) и с потребительским потенциалом ниже среднего (43%). Особо следует отметить, что в группе неудовлетворенных своей жизнью выше доля считающих, что простые люди не могут повлиять на власть в стране.

Предчувствие и прогнозы массовых протестов. Ухудшение оценок материального положения и экономической ситуации в стране отразилось и на показателях социальной напряженности и протестности. В ходе фокус-групповых обсуждений отдельные участники говорили о том, что пандемия, несущая угрозу жизни и здоровью людей, сделала их «более сплоченными», привела к тому, что они старались «друг другу помогать, потому что такое трудное время». Однако большинство наблюдало обратные тенденции: «очень много агрессивных людей в супермаркетах, автобусах», «поведение людей изменилось в худшую сторону, реально стало больше злых».

К тому же «люди стали более недоверчивыми» и «какими-то недобрými по отношению друг к другу», потому что «везде ждут подвоха». Как отмечалось участниками обсуждений, основной причиной ухудшения отношений между людьми, роста недоверия и агрессии стало возрастание напряжения «в первую очередь в связи с неуверенностью в завтрашнем дне».

Анкетный опрос 2021 г. зафиксировал наличие беспокойства и ожидания возможной протестной волны: 75,2% ожидали в ближайшее время протесты социально-экономического характера против безработицы, роста цен и падения уровня жизни. Треть респондентов прогнозировала, что в краткосрочной перспективе возможны протесты с политическими требованиями, а больше четверти опрошенных предполагали возможность протестных акций в трудовых коллективах.

Диаграмма 3. Динамика мнений, протесты какого характера в ближайшее время наиболее вероятны в Казахстане, ответивших, 2013⁶⁴–2021 гг.

Примечание. Допускалось два варианта ответа

Если сравнить (рис. 3) результаты опроса в 2021 г. с итогами похожего исследования, проведенного ОФ «ЦСПИ «Стратегия» осенью 2013 г., то можно заметить существенные различия в прогнозах протестной активности.

64 Источник: Протестные настроения в Казахстане: факторы, причины и формы. Алматы, 2013. URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/821-protestnye-nastroeniya-v-kazakhstanefactory-prichiny-i-formy> (дата обращения: 06.09.2022).

Во-первых, значительно выросла доля ожидающих протеста в ближайшее время. Это выразилось и в значимом увеличении (на 20,6 п.п.) показателя вероятности социально-экономических протестов, и в резком снижении доли тех, кто затруднился с ответом (более чем в семь раз). Во-вторых, более чем в два раза увеличилась доля ожидающих митингов политического характера. Этот прогноз стал вторым в рейтинге по упоминаемости, видимо, как следствие начавшихся с приходом президента К. Токаева процессов либерализации политической жизни в стране. Например, в мае 2020 г. был принят новый закон «О порядке организации и проведения мирных собраний в РК»⁶⁵, закрепляющий уведомительный характер проведения мирных собраний. В-третьих, заметно, что личные действия стали менее востребованными, уступив запросу на различные формы коллективных действий (митинги, забастовки). В-четвертых, заметно (на 4,9 п.п.) повысился прогноз востребованности такой формы коллективного активизма как забастовки трудовых коллективов. В то же время, в отличие от других форм активизма, показатели вероятности использования разовых акций в защиту своих личных интересов и интересов своей семьи, а также спонтанных массовых беспорядков с разбоями и мародерством за прошедшие семь лет не претерпели существенных изменений.

Рассмотрим теперь, каким было прогнозирование протестов с точки зрения социально-демографических характеристик респондентов.

Прежде всего, на прогноз значимо влиял возраст опрашиваемых. Так, на возможность социально-экономического протеста в стране чаще указывали представители старшей возрастной когорты. Например, в группе от 55 лет и выше о возможности социально-экономических протестов в стране сказали 84% опрошенных, а в группе 18–24 лет – 68,8%. О том, что ожидания протестов на социально-экономической основе выше в старших возрастах, говорят и распределения ответов по поводу вероятности забастовок трудовых коллективов: в группе 45–54 лет на это указали 38,1%, а в группе 18–24 лет – только 20,7%. Обратная ситуация выявлена в отношении возможности выступлений с политическими требованиями: самая большая доля (45,1%) ожидающих политические протесты отмечена в молодежной группе до 24 лет. В группе старше 55 лет доля таких ответов – 30,7%, еще меньше она в возрастной группе 45–54 лет – 23,1%.

65 Закон РК «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан», от 25.05.2020 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000333> (дата обращения: 06.09.2022).

Таблица 1. – Вероятность протестных выступлений с социально-экономическими требованиями и политическими требованиями в месте проживания респондентов, 2021 г., % ответивших

Варианты ответа	Протестные выступления с социально-экономическими требованиями	Выступления протеста с политическими требованиями
Да, возможны	21,0	17,8
Скорее возможны	28,7	22,1
Скорее невозможны	16,0	23,1
Однозначно невозможны	5,2	7,1
У нас невозможны, но возможны в другом населенном пункте	6,8	8,5
Затрудняюсь ответить	22,4	21,3

Протесты с политической подоплекой чаще других прогнозировали казахи (36,2%), жители мегаполисов (36,7%) и респонденты с неполным средним и высшим образованием (по 38,3%). А в молодежной когорте выявлен наиболее высокий показатель, 17,5%, ожиданий спонтанных массовых беспорядков с разбоями и мародерством, в то время как в группе старше 55 лет таких ответов было 5,7%.

Говоря о протестных выступлениях в городе или селе проживания, респонденты также более высоко оценивали вероятность именно социально-экономических выступлений (табл. 1).

Половина (49,7%) опрошенных полагала, что в ближайшее время в их городе/селе возможны и скорее возможны именно выступления против повышения цен, падения уровня жизни и социальной несправедливости. Что касается выступлений с требованиями отставки правительства или в защиту своих политических прав и свобод, то их считали вероятными 39,9% респондентов, а 30,2% не прогнозировали в ближайшее время политические выступления в местах их проживания. Здесь также отмечена зависимость мнений от возраста: чем старше респонденты, тем чаще они предполагали вероятность проведения протестных акций в месте своего жительства; наоборот, в более молодых группах доля таких предположений ниже.

Уровень потребительского потенциала участников опроса не оказывал однонаправленного воздействия на прогноз протестов. Так, доля тех, кто прогнозировал протесты с социально-экономическими лозунгами, оказалась очень высока в самой необеспеченной группе (у кого денег не хва-

тает даже на питание) – 58,5%. Однако еще более высокими ожидания социальных протестов были в более обеспеченной группе (у кого денег не хватает лишь на покупку автомобиля) – 62,5%. В то же время в средних по потребительскому потенциалу группах респондентов ожиданий по поводу подобных протестов наблюдалось заметно меньше (48–50%). Вместе с тем вероятность выступлений политического характера чаще всего озвучивалась в группе с крайне низкими доходами (52,8%), а во всех остальных доходных группах показатели данного прогноза были заметно ниже (39–43%).

Причины (не)участия в протесте. Хотя участники опроса предполагали протесты с высокой степенью вероятности (напомним, более 75% опрошенных говорили о возможных в ближайшее время выступлениях социально-экономического характера), однако подавляющее большинство из них – 83,3% – в ходе опроса заявили, что сами они никогда не будут принимать участие в акциях протеста. И только 16,7% респондентов назвали причины, которые могут побудить их принять участие в протестных выступлениях.

В качестве причин протеста, полученных в ходе ответов на открытый вопрос анкеты, в равной степени назывались социально-экономические и политико-правовые причины: нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также норм Конституции; продажа земли иностранцам; повышение цен на товары и услуги, снижение уровня жизни; безопасность семьи, детей, близких; ухудшение социальных и экономических условий жизни в стране, снижение качества услуг здравоохранения; беззаконие, коррупция, несправедливость судебных решений; и т.д. Примечательно, что участники опроса, выразившие готовность к протестам, указывали определенные условия, при которых они готовы выйти на протестные акции: если за выступлением не последует наказание; если выступление будет поддержано большим количеством людей; если организация протеста будет исходить от определенной группы лидеров.

Фокус-групповые обсуждения выявили схожее описание причин участия/неучастия респондентов в протестных акциях (табл. 2). Отметим, что причины участия излагались на обсуждениях чаще всего с учетом условий, которые должны быть для этого обеспечены (мирный характер, наличие легальных лидеров-организаторов, солидарность с целью акции). В то же время причины неучастия носили больше индивидуальный характер, часто были связаны с личным опытом/переживанием: звучали высказывания типа *«сам видел, как забрали после митинга»*, *«... как уволили знакомого с работы после митинга»* или *«не вижу смысла для себя лично»*.

Таблица 2. – Причины (не)участия в протестных акциях, по итогам фокус-групповых обсуждений

Причины участия	Причины неучастия
<p>Готовность присоединиться к большинству («Если на митинг выйти, весь Казахстан должен выйти массово»; «если большинство вышло бы с претензиями, то я бы тоже вышел»)</p>	<p>Страх дестабилизации, войны («Народ в Казахстане не хочет войны, тем более гражданской»)</p>
<p>Способ проявить свою заинтересованность в улучшении своей жизни, защите своих прав, выразить свое мнение по важным для общества вопросам («Если есть какие-то проблемы, то давайте решим, выйдем на конструктивный диалог»)</p>	<p>Отсутствие позитивного результата от предшествующего опыта участия в митингах («Ну, выходили в Жанаозене⁶⁶, и что? В политику лучше не лезть»; «люди, которые умные, понимают, что у нас бесполезно ходить на митинги, это мало, что решит, понимаете?»)</p>
<p>Способ давления на власть, вместе – сила («Это хороший пинок для власти, чтобы что-то сделали. Большие таких эффективных инструментов нет, митинг только потому, что у нас власть не очень решает проблемы»; «Эффективны всякого рода забастовки, когда работники не выходят на работу или преграждают какую-то улицу»)</p>	<p>Страх преследования, негативных последствий для себя и членов своей семьи за участие в митингах («Будут терпеть до последнего, потому что каждый боится за свою семью, за себя»; «Чтобы меня забрали? Нет, абсолютно нет, это не способ»; «у нас много госслужащих, например, акиматские⁶⁷, учителя, бюджетники, каждый боится потерять работу»; «Кто выражает точку зрения в противовес власти, то он сразу считается оппозиционером»)</p>
<p>Выборочное участие в зависимости от цели митинга («Есть митинги политические, которые нацелены на политическое управление, это, конечно, плохо влияет. Но про народ в целом, есть вопросы там многодетных матерей, вопросы жилья, это, конечно, приветствуется»).</p>	<p>Позиция «я человек маленький, от меня ничего не зависит» («Пусть делают все, что угодно, контролируют все, что я делаю. Все равно я ничего правонарушительного делать не собирался»; «Каждый человек в первую очередь думает о себе, о своей семье, а не о других»)</p>

66 Город Жанаозен в Мангистауской области, в котором регулярно происходят массовые выступления жителей и работников нефтедобывающих компаний. Наиболее известны протесты 16.12.2011 года, повлекшие жертвы среди митингующих и представителей правоохранительных органов (Беспорядки в Казахстане: в столкновениях с полицией погибли не менее 10 человек. URL: <https://www.forbes.ru/news/77635-v-kazahstanskom-zhanaozene-politsiya-blokirovala-lager-bastuyushchih-neftyanikov> (дата обращения: 28.11.2022)) и несанкционированные выступления жителей города 02 января 2022 года в связи с повышением цен на газ для автомобилей, которые послужили началом массовых протестов по всей стране (Жители Жанаозена вышли на митинг из-за повышения цен на газ. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/jiteli-janaozena-vyishli-miting-iz-za-povyisheniya-tsen-gaz-458103/ (дата обращения: 28.11.2022))

67 Акимат – орган исполнительной власти в Казахстане на местном, районном, городском и областном уровнях. Главой акимата (главой исполнительного органа) является аким.

Причины участия	Причины неучастия
Наличие уважаемых лидеров, готовых взять на себя ответственность за проведение митинга, его конвенциональный характер («Нужны грамотные люди, за которыми народ пошел бы, не превращая это в простой погром»)	Отсутствие референтной группы, уважаемых людей, за которыми хотелось бы пойти на митинг («У нас нет общественной группы, которая имела бы четкую команду, идею и цель. Они выходят на митинги, выкрикивая популистские лозунги. Это ничего не меняет в жизни, потому что у них нет четкого плана действий. Другие люди, не участвующие в митинге, видят, что эти люди ничего не решают»)

Хотя большинство респондентов не считало для себя возможным принимать участие в каких-либо акциях протеста, обсуждения на фокус-группах выявили несколько тем, которые могли бы вызвать широкий общественный резонанс и привести к мобилизации населения и выходу его на протестные выступления. К таким темам следует отнести:

– вопрос продажи земли или сдачи ее в аренду иностранцам («Самый проблемный вопрос – это касается земли, этот момент может поднять любого человека, который сопереживает за свою страну. Чтоб ее никому не отдали»; «Если землю начнут предлагать в аренду или, более того, на продажу каким-то там инвесторам – это может быть причиной волнений»),

– ухудшение экономической ситуации в стране, которое может сказаться на материальном положении семей («На первом плане, наверное, социальная и экономическая уязвленность общества... Именно в плане материальном людей подталкивает выходить на митинги и протесты»),

– национализм, языковой вопрос, ухудшение межэтнических отношений («Здесь все уживались хорошо, все национальности, но если кто-то попытается какой-то клин вбить по поводу языковому или по смене переименования нашего города⁶⁸, то могут быть возмущения»; «Национализм для меня – тема такая животрепещущая, хоть я сам казах, наша страна многонациональная, и мне не нравится, когда начинают включаться казахские споры»),

– угроза безопасности близким, прежде всего, детям («Спровоцировать протесты может, если, допустим, будет муссироваться вопрос о вакцинации детей, на такой протест даже я готов выйти»),

– актуальные проблемы, имеющие высокий общественный резонанс: на текущий момент это – экология и гендерное равенство, включая во-

68 Фокус-групповое обсуждение проходило в г. Петропавловске (Северо-Казахстанская область), в котором периодически поднимается вопрос о переименовании его в г. Кызылжар (Не стоит на повестке дня: аким СКО высказался о переименовании Петропавловска. URL: <https://www.zakon.kz/5071388-ne-stoit-na-povestke-dnya-akim-sko.html> (дата обращения: 28.11.2022).

просы защиты женщин и детей от бытового насилия (*«Если будет митинг объявляться, цели которого близки, тема защиты материнства и детства, защита животных, экологии, то я, например, пойду»*); *«Поддерживаю такие митинги, чтобы у женщин было больше прав, чтобы был закон против насилия над женщинами»*).

От декларации к делу. Различается ли декларируемая протестная активность казахстанцев в зависимости от содержания предполагаемых протестных выступлений? По итогам исследования видно, что, примеряя на себя роль протестующих, участники опроса не делали особых различий между вопросами защиты социально-экономических интересов или политическими требованиями. Большинство респондентов при этом не предполагают принимать участие ни в социально-экономических, ни в политических выступлениях (58,1% и 59,6% соответственно). В то же время на протесты с социально-экономической направленностью, возможно, вышли бы 17,2% опрошенных, на политические митинги – 16,9%.

Однако одно дело – декларации о намерениях принять участие в каком-либо виде активизма, а другое дело – непосредственное участие в них. По итогам опроса самая большая доля респондентов (45,5%) утверждает, что в случае ухудшения социально-экономической ситуации в стране попытается адаптироваться, самостоятельно изыскивая пути для изменения своей жизни в лучшую сторону. Другая часть (19,1%) опрошенных полагает, что они займут выжидательную позицию, надеясь на временный характер ухудшения ситуации. Деятельностные/активные модели ожидаемого поведения выбрала около пятой части (18,4%) участников опроса, причем половина из этой группы (9,9%) предпочтет выезд из страны как ответ на сложившиеся неблагоприятные обстоятельства. Непосредственно в акциях протеста в случае ухудшения ситуации в стране планировали принять участие 3,4% респондентов. Данный вариант чаще других выбирали мужчины, а также, ожидаемо, респонденты из самой молодой возрастной когорты 18–24 лет, но также и представители группы 35–44 лет (5%). Повышенная доля выбравших участие в акциях протеста была и у респондентов со средним специальным образованием, а также у жителей областных центров и городов областного подчинения.

Данный вопрос является мониторинговым и задается в рамках исследований ОФ «ЦСПИ «Стратегия» с 2008 г.⁶⁹, так что есть возможность сравнить, как менялись за последние 14 лет описания поведенческих стратегий казахстанцев при предполагаемом ухудшении социально-экономической ситуации.

69 Как вы вероятнее всего поступите? Обзор результатов опроса. Статья на сайте ОФ «ЦСПИ «Стратегия» URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/823-kak-vy-veroyatnee-vsego-postupite> (дата обращения: 06.09.2022).

В течение 2008–2021 гг. перечисленные ранее стратегии приспособления к ухудшающимся условиям жизни являлись доминирующими (с упором на самостоятельные усилия). Однако доля тех, кто был готов терпеливо ждать лучших времен, «просела» с 32% в 2020 г. до 19% в 2021 г. Стратегия на самостоятельный поиск любых путей улучшения своей жизни также показала снижение востребованности: если в 2008–2016 гг. на самостоятельный поиск решений ориентировалось 53–56%, то в 2018–2021 гг. – 42–45%. При этом с 2018 г. росла доля тех, кто отмечал эмиграцию как возможную реакцию на ухудшение социально-экономической ситуации, достигнув в 2021 г. 9,9% (в 2016 г. – 6%).

Фокус-групповые обсуждения выявили две позиции в отношении эмиграции. Представители молодой возрастной группы (до 30 лет) рассматривают отъезд из Казахстана, как способ самореализации, более высокооплачиваемого трудоустройства, обретения новых возможностей (*«Я учился в Штатах 6 лет, вернулся, решил жить в Казахстане и поднимать свою страну, и вот я начал сомневаться. Мне 30 лет, остаться в Казахстане и пытаться что-то сделать или же ехать за американской мечтой?»*; *«Я бы не смотрел, есть ли у меня дети, я, скорее всего, рискнул бы, поехал бы туда. Все-таки новая страна, новые возможности»*). Согласно другой (чаще озвучиваемой) позиции, эмиграция рассматривалась как ответ на неудовлетворенность жизнью в стране: *«если уже сильно будет тяжело, то просто менять страну»*. Причем обоснование выбора этого трудного шага привязывалось некоторыми респондентами к политическим условиям (*«Власть не слушает народ. Все равно будет так, как они задумали. Просто надо переезжать в другую страну и все»*).

Важно подчеркнуть, что в 2021 г. доля затруднявшихся ответить, которая на протяжении последних десяти лет варьировала на уровне 4–6%, взлетела в три раза до 17%. Это свидетельствует о росте растерянности казахстанцев перед жизненными трудностями.

В таблице 3 приведены те формы конвенционального (разрешенного) и неконвенционального (неразрешенного) политического участия, которые в той или иной степени распространены среди опрошенных казахстанцев, опрошенных в 2021 г. и 2013 г.

Первое, на что нужно обратить внимание, – большое разнообразие форм социально-политического участия, что может характеризовать население Казахстана как политически активное. Вместе с тем около трети опрошенных политически не активны: каждый пятый опрошенный указал, что не пользовался ни одной из названных в анкете политических форм участия, а почти каждый десятый затруднился с ответом.

Таблица 3. – Участие казахстанцев в социально-политической деятельности, % ответивших

Действия	2013 г. ⁷⁰	2021 г.
Акты гражданского неповиновения, неразрешенные акции (например, голодовки, стихийные акции протеста, митинги и др.)	0,4	8,0
Голосование на выборах	80,8	54,7
Обращения в СМИ	1,2	7,9
Обращения в суд	-	9,9
Обращения в государственные органы	6,9	14,5
Подписание онлайн-петиций	-	12,9
Самостоятельные действия через свои личные связи	-	5,9
Участие в деятельности политических партий	3,4	4,3
Участие в деятельности профсоюзов	-	4,9
Участие в разрешенных выступлениях (митинги, забастовки)	1,5	2,2
Участие в общественных организациях	-	4,6
Ни в одном не принимал участие	17,6	20,2
Затрудняюсь ответить	-	9,6

Следующая специфика – сильное (на 26 п.п.) снижение в 2021 г. по сравнению с 2013 г. доли принимавших участие в голосованиях на выборах (с 80,8% до 54,7%). Неуклонное снижение явки казахстанцев в дни голосования на парламентских и местных выборах – процесс, который имеет несколько объяснений: неверие граждан в достоверность итогов выборов, неудовлетворенность введением пропорциональной системы, снижение авторитета представительных органов власти.

Опрос 2021 г. продемонстрировал также повышение значимости у казахстанцев других форм политического участия. Среди конвенциональных форм следует назвать обращения в государственные органы (рост с 7 до 14%), обращения в СМИ (с 1 до 8%) и такую новую форму активизма, как подписание онлайн-петиций (12,9%). В отношении же неконвенциональных форм участия следует отметить большое увеличение (в 8 раз) доли тех, кто участвовал в актах гражданского неповиновения, неразрешенных протестных акциях (с 0,4 до 8%).

70 Источник: *Протестные настроения в Казахстане: факторы, причины и формы. Алматы, 2013. URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/821-protestnye-nastroeniya-v-kazakhstanefactory-prichiny-i-formy> (дата обращения: 06.09.2022).

Анализ результатов 2021 г. в разрезе возрастных когорт показал, что представители разных групп предпочитали участие в разных формах политического активизма. Так, об участии в актах гражданского неповиновения чаще других сообщали респонденты до 24 лет (16,5%). При этом в данной группе меньше всего тех, кто ходил на выборы (34,9%); среди них больше, чем в других группах, затруднившихся с ответом и не принимавших участие ни в одной из форм политического действия (36,6%). Представители старших возрастов заметно чаще голосовали на выборах (68,0% в группе старше 55 лет), обращались в госорганы (20,1%) и в суды (15,4%). Подписание онлайн-петиций сравнительно чаще применяли в качестве формы политического участия респонденты в возрасте 35–44 лет (14,2%) и 25–34 лет (16,4%).

Есть и этнические особенности политического участия. Казахи чаще представителей других этнических групп говорили, что принимали участие в неразрешенных выступлениях и митингах, участвовали в деятельности политических партий и профессиональных союзов. Русские казахстанцы чаще использовали такие формы, как участие в голосовании и обращения в суд или в СМИ. А представители других этнических групп чаще обращались в госорганы и подписывали петиции; у них – самый высокий процент тех, кто не принимал участие ни в одной из указанных форм (31,0%).

Заключение. Исследование настроений населения Казахстана в 2021 г. выявило заметное снижение таких важных показателей социального самочувствия, как оценки экономического положения страны и материального положения семьи, удовлетворенности собственной жизнью. Это снижение имело долговременный характер (с 2017 г.), коронакризис 2020–2021 гг. выступил катализатором, ускорившим имеющиеся негативные тенденции.

До недавнего времени наиболее оптимальной в условиях ухудшения экономической ситуации была стратегия адаптации на основе снижения потребления и самостоятельного поиска дополнительного источника дохода. Но в 2021 г. доля «адаптантов» заметно снизилась на фоне повышения числа тех, кто предпочел бы другие формы реагирования, – переезд из страны в поисках лучшей жизни, участие в деятельности общественных организаций.

Хотя такую форму выражения своего отношения к складывающейся ситуации как активный протест выбирали только 4% опрошенных, ожидания протеста в различных группах населения в 2021 г. были значительными – у 3/4 граждан. Казахстанцы в условиях ухудшения жизни все чаще прогнозировали вероятность выступлений против роста цен, падения доходов и проводимой социально-экономической полити-

ки правительства в целом. В стране сформировалась социальная тематика, вокруг которой стали группироваться потенциально протестные группы: критика экономической политики государства, тема «продажи земли иностранцам», социальное неравенство, защита интересов уязвимых групп населения.

Опросы показывали, что в обществе происходило повышение запроса на коллективные действия. Это проявлялось и в мнениях о причинах возможного участия в протестных выступлениях, и в наборе практик активизма. В то же время на прямой вопрос о возможном участии в протесте подавляющее большинство казахстанцев отвечало отрицательно, мотивируя это отсутствием условий для мирного протеста (в силу слабой политической культуры протеста, отсутствия легальных и авторитетных лидеров), страхом преследований со стороны правоохранительных органов и потери работы.

Анализ приводит к выводу, что результаты социологических исследований, проведенных в предшествующие январским выступлениям годы (прежде всего, негативная динамика показателей), указывали на снижение адаптивности населения и усиление ожиданий качественных перемен, создающих вместе условия для формирования базы протеста. В то же время опрос 2021 года в очередной раз выявил невысокую политическую активность, подтверждающую ранее сложившиеся практики невовлечения граждан в массовые протестные акции. Это позволило тогда сделать вывод, что даже при неблагоприятной социально-экономической ситуации негативные социальные настроения в течение года стабилизируются и пойдут на спад, и поэтому вероятность масштабных стихийных выступлений в стране низка.

Тем не менее, январь 2022 г. показал, что, во-первых, до конца не изученным оказалось влияние пандемии на радикализацию настроений в казахстанском обществе, во-вторых, социальные настроения должны рассматриваться в тесной связи с изучением политического контекста и взаимоотношений во властной элите. Важным для анализа представляется так называемый «второй урок переломного момента», описанный М. Гладуэллом, который гласит: «Чтобы понять социальные эпидемии, мы должны сначала понять, что человеческое общение имеет свой собственный набор очень необычных и противоречивых правил»⁷¹. На примере январских событий в Казахстане видно, что такой мотив, как готовность присоединиться к большинству, недооцениваемый исследователями, но являющийся внутренним основанием и оправданием для значительной части граждан, может быстро и резко

71 Gladwell M. The tipping point: how little things can make a big difference. Little, brown and company. Boston, New York, London: Little, Brown and Company, 2000.

поменять их поведение, побуждая применить ранее редкую практику участия в радикальном протесте.

Социальное самочувствие населения – от медленного спада к быстрому подъему⁷²

Симакова Ольга

Социально-экономические условия в стране большинством исследователей традиционно рассматриваются как одна из основных причин, влияющих на улучшение или ухудшение социальных настроений, что, в свою очередь, повышает вероятность роста уровня недовольства в обществе и его пассивную или активную трансляцию во внешнюю среду в различных поведенческих формах.

Рассматривая феномен социального настроения как целостную форму восприятия людьми их жизни в личном и общественном плане, Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко⁷³ наблюдают его высокую степень значимости в детерминации форм поведения индивидов. Они видят роль социального настроения в том, что оно «объективно выступает определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучной социальной устроенности и неустроенности». При этом указывается на влияние эмоциональной составляющей настроений на поведение индивида, когда его реакция на то или иное событие может до конца им не осознаваться, но в то же время определять его действия и их направленность. Как отмечают авторы, «эмоции зачастую преобладают над разумом и, соответственно, увеличивается вероятность ситуативных, волевых и даже случайных поступков людей». В связи с этим особое значение приобретает понимание социального контекста происходящих событий и их субъективное восприятие индивидами. Таким образом, исходным структурным элементом социальных настроений выступает социальное самочувствие, которое рассматривается авторами как «актуальное знание, эмоции, историческая память» и позволяет определять их направленность.

Социальное самочувствие представляется многоаспектным и сложным по своей структуре феноменом. В научной литературе существует не-

72 Симакова О. «Социальное самочувствие населения – от медленного спада к быстрому подъему». Коллективная монография «Протест в Казахстане: от декларации к действиям», глава 2. – Алматы, «Қазақ университеті», 2022. – с. 25-38

73 Социальное настроение / Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко. – М.: Academia, 1996. – с. 18.

сколько подходов к изучению этого феномена. В рамках данной работы мы будем опираться на социологический подход, который предполагает исследование социального самочувствия в концепции образа жизни. В данном случае социальное самочувствие представляет собой состояние субъекта на определенный момент времени и имеет в основе соотношение его личного благополучия с состоянием окружающей среды. Это позволяет отслеживать степень удовлетворенности субъекта тем уровнем жизни, который предлагает ему внешняя среда.

Социологический подход отвечает задачам проекта и позволяет использовать систему эмпирических индикаторов, позволяющих проследить влияние социально-экономического фактора на оценки респондентов, а также выявить уровень благосостояния, социального оптимизма/пессимизма в обществе и рейтинг актуальной проблематики.⁷⁴ В рамках данной работы мы будем использовать сравнительный анализ показателей социального самочувствия казахстанцев на основе базы данных за 2004–2022 годы, которым располагает Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия»⁷⁵, ежегодно проводящий мониторинговое исследование уровня социального самочувствия в Казахстане по методике МИА «Евразийский монитор»⁷⁶.

По результатам опроса, в пандемийном 2021 году отмечается резкое падение доли позитивных оценок экономического положения страны. Была зафиксирована самая высокая с начала замеров (с 2004 года) суммарная доля тех, кто оценил состояние экономики страны как «плохое/очень плохое», которая составила 35%. Доля тех, кто оценил экономическое положение страны как «хорошее», в 2021 году уменьшилось по сравнению с 2020 годом почти в два раза – с 23% до 13%.

Ответ на вопрос о том, какое влияние социально-экономический фактор оказывает на настроения казахстанцев дает корреляционный анализ по Пирсону между переменными «оценка экономического положения в стране» и «оценка текущего настроения участников опроса». По итогам анализа ответов респондентов в 2021 году выявлена устойчивая положительная связь между этими двумя переменными – показатель корреляции составляет $r=0,298$. Еще более тесная линейная зависимость прослеживается между оценками экономического положения в стране и материальным положением семьи, коэффициент корреляции составил $r=0,379$.

74 Данный подход был предложен социологом Т.Т. Тарасовой и преобразован в систему индексов социального самочувствия Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

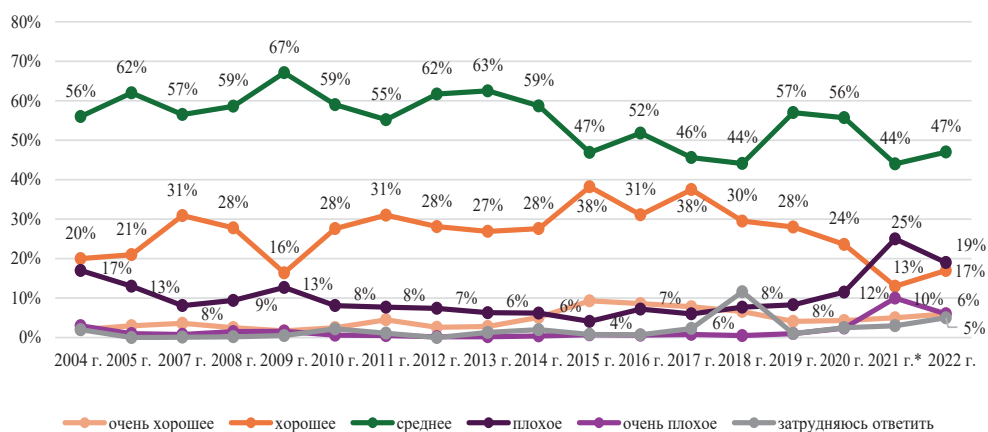
75 Сайт ОФ «ЦСПИ «Стратегия» www.ofstrategy.kz

76 Сайт Международной некоммерческой ассоциации исследовательских агентств «Евразийский монитор» <https://eurasiamonitor.org/>

Наличие корреляционных зависимостей позволяет сделать вывод о том, что все три фактора – оценка экономического положения в стране, оценка текущего настроения участников опроса и материальное положение семьи, – имеют тесную связь, а ухудшение одного из них влечет за собой снижение других.

Надо отметить, что начиная с 2004 года такое драматичное падение позитивных оценок наблюдалось только в 2009 году, как следствие пережитого в 2008 году финансового кризиса. Более того, снижение позитивных оценок происходило на фоне растущей доли группы неопределившихся респондентов, которые затруднились дать какую-либо качественную оценку состоянию экономики страны. Похожая тенденция, только с меньшим ущербом, наблюдалась и в 2016 году, когда страна пережила девальвацию. Ситуация же 2021 года отличается тем, что снижение позитивных оценок происходило на фоне увеличения доли негативных ответов; при этом группа неопределившихся тоже имела тенденцию к снижению. Надо отметить, что сам по себе факт уменьшения доли позитивных оценок являлся ожидаемым, так как, начиная с 2017 года исследования фиксируют устойчивый нисходящий тренд в оценках экономического положения страны. И тем не менее, столь резкое падение – с 24% до 13%, – дает основание говорить о наличии дополнительного условия, которое выступило катализатором ускорившейся динамики. Очевидно, что таким катализатором выступила пандемия COVID-19 вкуче с целым рядом проводимых государством карантинных мер, что все вместе обрушающим образом повлияло на социальное самочувствие казахстанцев.

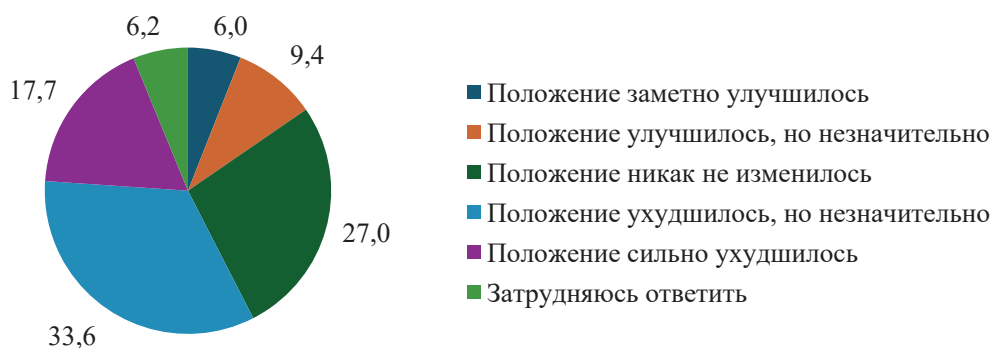
Диаграмма 1. – Как бы вы оценили в настоящее время экономическое положение нашей страны? (%; сравнительные данные 2004–2022 гг.)

Корреляционный анализ обнаруживает еще одну устойчивую позитивную связь – между показателями оценки материального положения семьи и влияния на него пандемии: коэффициент корреляции составляет $r=0.333$. Это в очередной раз подтверждает негативный эффект, который карантинные меры оказали на экономическое положение как отдельно взятой семьи, так и экономику страны в целом.

Как уже отмечалось, основной опрос населения проводился в условиях постпандемии, и для проверки воздействия фактора коронавируса на показатели социального самочувствия в рамках опроса 2021 года респондентам был задан вопрос о том, какое влияние пандемия, карантинные меры оказали на материальное положение семьи. По итогам опроса каждый второй (суммарный показатель 51%) ответил, что в той или иной мере материально положение его семьи ухудшилось. Каждый четвертый (27%) ответил, что материальное положение его семьи не изменилось.

Диаграмма 2. – Какое влияние на материальное положение Ваше и Вашей семьи оказывала и оказывает пандемия, карантинные меры? (% от общего числа опрошенных)

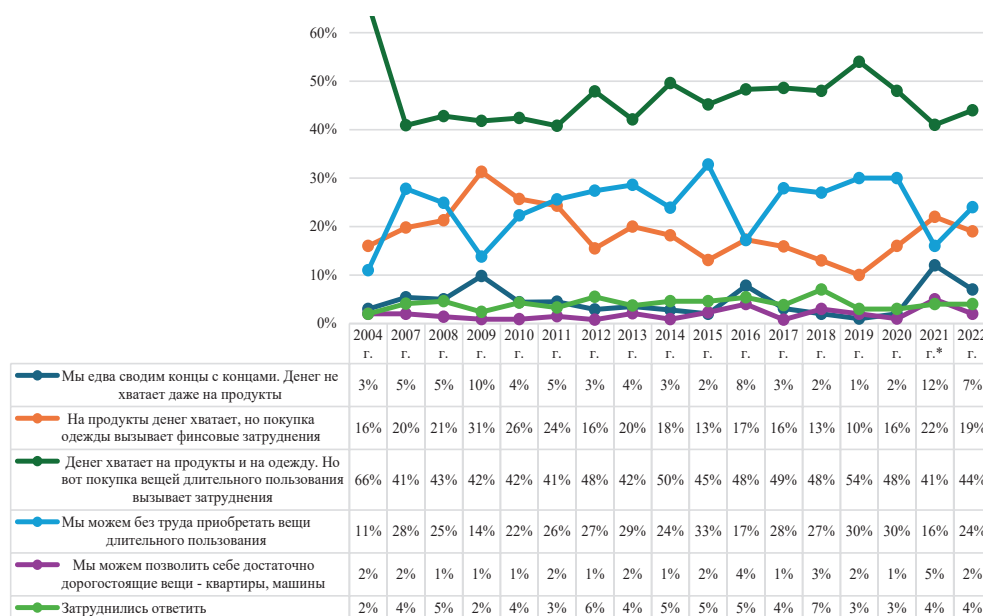
Одним из наиболее чувствительных к внешним изменениям индикаторов социального самочувствия является потребительский потенциал, т. е. субъективная оценка респондентами своих покупательских возможностей, исходя из имеющихся доходов домохозяйства.

По результатам опроса в 2021 году наблюдается долевое увеличение низкодоходных групп, которым не хватает денег на еду и одежду, на фоне почти двукратного снижения группы с условным «доходом выше среднего», т. е. тех, кто без труда мог позволить себе приобрести вещи длительного пользования – с 30% (2020 г.) до 16% (2021 г.). Ядро этой группы составляют граждане в возрасте от 24 до 44 лет, со средним специаль-

ным и высшим образованием, предприниматели и «белые воротнички», обремененные семьей и несовершеннолетними детьми.

Таким образом, среди пострадавших от коронакризиса заметно вырисовывается портрет того самого представителя среднего класса, о котором так много говорится в теоретических разработках казахстанских исследователей, занятых проблемами социальной стратификации⁷⁷.

Диаграмма 3. – К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести? (%; сравнительные данные 2004–2022 гг.)

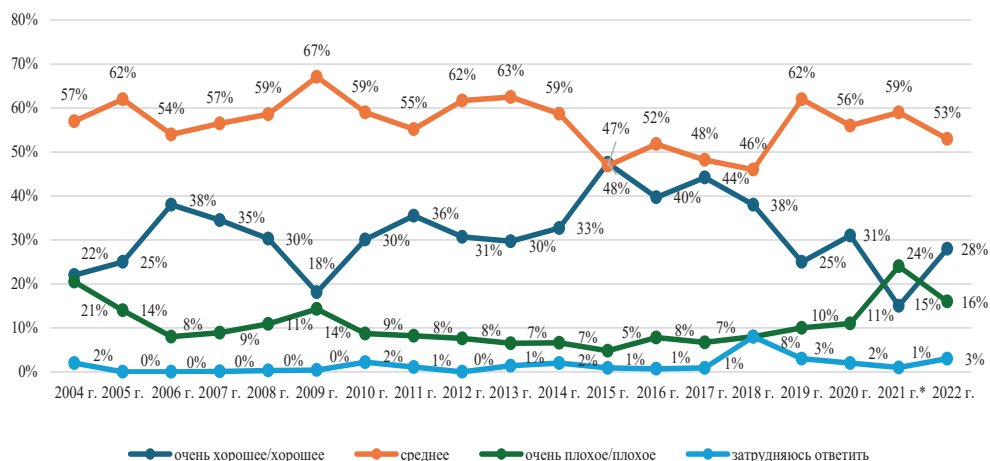
Очевидно, что потеря привычного образа жизни и уровня потребления вносят дискомфорт в самоощущения человека. Он вдруг осознает свою незащищенность, уязвимость перед внешними факторами. И хотя эти изменения чаще всего носят относительный, а не абсолютный характер, состояние депривации, с которым сталкивается человек, становится для него испытанием. Как отмечает П.Сорокин в своей работе «Социология революций», «бедность и благоденствие одного человека измеряется не

⁷⁷ Киргеева Э. «Показатель среднего класса в Казахстане составляет всего 33%», 21.05.2015 г. – <https://kazpravda.kz/n/pokazatel-srednego-klassa-v-kazahstane-sostavlyact-vsego-33/>; Сурганов В. «В Казахстане сложился парадоксальный «средний класс»», 08.10.2015 г. – <https://kapital.kz/gosudarstvo/44387/v-kazahstane-slozhilsya-paradoksalnyy-sredniy-klass.html>; Настюкова О. «Средний класс в Казахстане: легче уехать, чем что-то менять», 07.11.2018г. – https://forbes.kz/process/expertise/intervyu_ileuova; Жусупова А. «Средний класс в Казахстане: кто все эти люди и как они влияют на экономику Казахстана?» 2019 г. – <https://ekonomist.kz/zhussupova/srednij-klass-kazahstan/>

тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами общества»⁷⁸.

Оценки материального положения семьи, по результатам опроса в 2021 году, показали, что доля тех, кто оценил материальное положение своей семьи как плохое, впервые превысила долю тех, кто считает матположение своей семьи хорошим (24% против 15%). Но в отличие от оценок экономического положения страны (см. Диаграмму 1), в данном случае доля «среднячков» практически не изменилась по сравнению с 2020 годом.

Диаграмма 4. – Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение вашей семьи? (%; сравнительные данные 2004–2022 гг.)

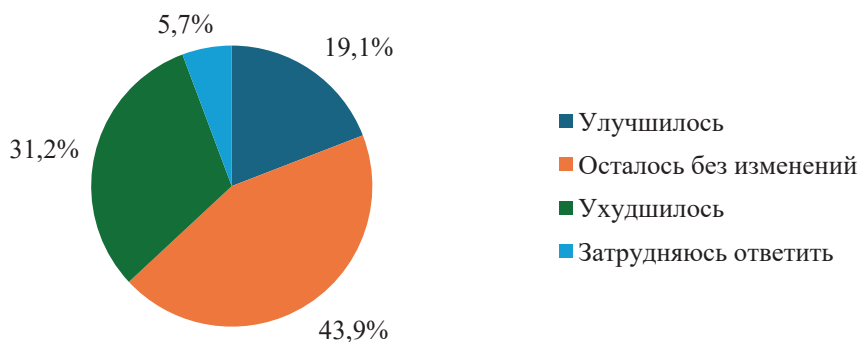

Если проследить направленность изменений материального положения семей, то согласно результатам опроса, каждый третий (31%) казахстанец считает, что благосостояние его семьи за 12 месяцев – с августа 2020 года до августа 2021 года – ухудшилось. Причем, чаще всего так говорили те респонденты, которые имеют несовершеннолетних детей, и в чьих семьях суммарный доход составляет от 100 000 до 200 000 тенге.

Для большей части участников опроса (44%) – материальное положение их семей не изменилось. При этом почти каждый пятый (19%) отметил, что за указанный период благосостояние его семьи улучшилось. Чаще всего это респонденты, которые сказали, что суммарный доход их семей составляет выше 300 000 тенге.

78 Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М: Политиздат, 1992 г. – 273 стр.

Диаграмма 5. – Изменилось ли, по Вашему мнению, благосостояние Вашей семьи за последние 12 месяцев? Если да, то в какую сторону? (% от общего числа опрошенных)

Соотношение оценок материального положения на момент опроса и изменений в благосостоянии за предшествующие 12 месяцев дают основание говорить о том, что плохие оценки материального положения семьи в каждом третьем случае являются следствием объективного снижения благосостояния семьи, которое наблюдалось респондентом в течение года. В общем массиве на долю таких случаев суммарно приходится 31%. И только в одном случае из десяти плохое матположение является фиксацией статус-кво, т.е. доля тех, чье матположение было и оставалось плохим в течение года, в общем массиве составляет 7%.

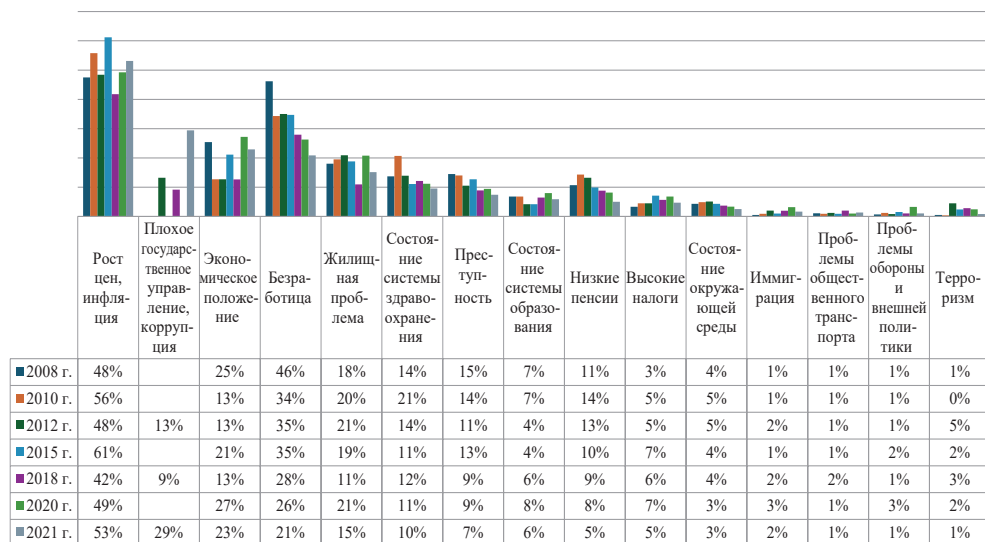
В целом, кросс-анализ показателей текущего материального положения семьи и его динамики в предшествующий год показывает, что доля тех, чье положение улучшилось и оценивается как хорошее, в 1,5 раза меньше, чем доля тех, чье положение ухудшилось и оценивается как плохое (см. Таблицу 1). При этом каждый третий участник опроса (33%) указал, что экономическое положение его семьи балансирует в течение года на среднем уровне.

Таблица 1. – Соотношение ответов на вопросы о текущем материальном положении семьи и об изменении благосостояния семьи за последние 12 месяцев (% от общего числа опрошенных)

		Изменилось ли благосостояние семьи за последние 12 месяцев		
		Да, улучшилось	Нет, осталось без изменений	Да, ухудшилось
Как бы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение Вашей семьи?	хорошее/очень хорошее	10%	4%	
	среднее	9%	33%	15%
	плохое/очень плохое		7%	16%

Рейтинг важных проблем, которые стоят перед страной по версии респондентов, показывает, что большая часть из них лицом к лицу столкнулась с проблемой роста цен на продукты питания и товары первой необходимости, инфляцией (53%). При этом проблемой-компаньоном для роста цен выступила не «безработица», как в более ранние годы, а «плохое государственное управление, коррупция» (29%), что показало смещение акцента в актуальной повестке дня с экономического аспекта в виде темы необеспеченности рабочими местами в сторону общественно-политического аспекта – обвинений в некомпетентности и порочности самой системы управления.

Диаграмма 6. – Какие две, на Ваш взгляд, самые важные проблемы стоят в настоящий момент перед нашей страной? (%; сравнительные данные 2008–2021 гг.; выбор не более двух вариантов ответа)

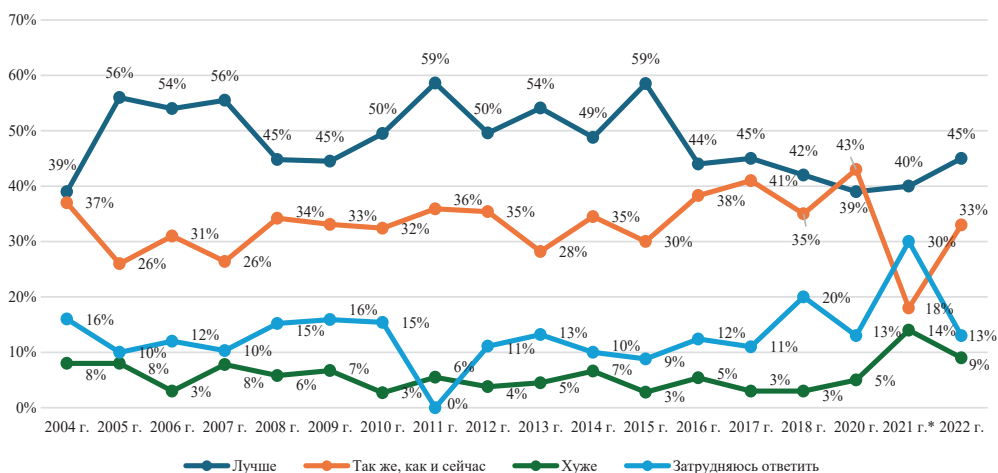
Другой важный показатель, дающий представление о настроениях в казахстанском обществе, – удовлетворенность жизнью. В последнее пятилетие наблюдается ежегодное снижение и этого показателя: если в 2017 г. 76% респондентов в той или иной степени были удовлетворены своей жизнью, то в 2021 г. только 57% отметили, что удовлетворены жизнью, которую ведут. Доля неудовлетворенных своей жизнью выросла с 23% в 2017 г. до 36% в 2021 г. Более высокая доля неудовлетворенных наблюдается среди опрошенных в областных центрах (41%), в возрастной группе 45–54 лет (41%), со средним образованием (41%), с потребительским потенциалом ниже среднего (43%). Надо отметить, что среди

неудовлетворенных своей жизни выше доля тех, кто считает, что простые люди не могут повлиять на власть в стране.

Анализ результатов исследования указывает на ухудшении социального самочувствия казахстанцев в 2021 году. Снижение благосостояние семьи на фоне роста цен и негативных оценок экономического положения страны становятся причиной того, что 41% участников опроса в момент опроса испытывали напряжение, раздражение и тревогу. В то же время опрос 2022 года, проведенный ОФ «ЦСПИ «Стратегия» в марте, показал, что запустился процесс восстановления показателей социального самочувствия. Причем, первой почти полностью вернулась к допандемийному уровню оценка показателя материального положения семьи. Что касается потребительского потенциала и экономического положения страны в целом, то здесь откат идет медленнее. И тем не менее, это позволяет говорить о высоком адаптационном потенциале казахстанцев, когда восстановление показателей социального самочувствия происходит в краткосрочной перспективе.

Надо отметить, что несмотря на снижение экономических показателей, 2021 год казахстанцы пережили, сохраняя определенный уровень оптимизма. Удовлетворенность уровнем жизни казахстанцев в 2021 году составила 60%. А разговоры о будущем традиционно носили позитивный характер и трактовались в категориях надежды, включая экономические ожидания казахстанцев. По результатам опроса 2021 года, доля тех, кто считает, что через год его семья будет жить лучше, по сравнению с 2020 годом осталась практически на одном уровне (39% и 40%), в то время как по результатам опроса 2022 года она увеличилась до 45%.

Диаграмма 7. – Как вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас? (%; сравнительные данные 2004–2022 гг.)

Также надо отметить, что в 2021 году отмечалось ситуативное повышение уровня фрустрации в ответах. Так, доля затруднившихся ответить на вопрос о положении своей семьи в будущем увеличилась с 13% в 2020 году до 30% в 2021 году, но уже в 2022 году вернулась в свои прежние границы (13%). Как видно на графике в диаграмме 7, доля затруднившихся с ответом на вопрос об изменениях положения своей семьи в будущем в 2021 году выросла за счет уменьшения доли скептиков, которые обычно не рассчитывают на какие-либо изменения в положении их семей в краткосрочной перспективе.

Как видим, исследование настроений населения Казахстана в 2021 г. показало заметное снижение таких важных показателей социального самочувствия, как оценки экономического положения страны и материального положения семьи, удовлетворенности собственной жизнью. Но должны заметить, что данное снижение имело долговременный характер (начиная с 2017 г.), коронакризис 2020–2021 гг. выступил лишь катализатором, ускорившим имеющиеся негативные тенденции.

До недавнего времени оптимальной в условиях ухудшения экономической ситуации была стратегия адаптации на основе снижения потребления и самостоятельного поиска дополнительного источника дохода. Но в 2021 г. доля «адаптантов» заметно снизилась на фоне повышения числа тех, кто предпочел бы другие формы реагирования, – переезд из страны в поисках лучшей жизни, участие в деятельности общественных организаций.

И снова о развитии Алматы

Илеуова Гульмира

Всякий раз, когда слышу о новых домах-«человейниках», буквально воткнутых на свободных метрах городской земли; о микрорайонах, построенных без учета нужд жителей в детских садах, школах, поликлиниках, дорожной инфраструктуре; о незаконно вырубленных садах и срубленных деревьях; и, в целом, когда вижу пассивную позицию городских властей перед лицом интересов казахстанских «акул капитализма», пытаюсь понять, может быть, есть какое-то объяснение/оправдание этой политике, просто нам об этом не сообщается? Может быть, налоговые поступления строительных компаний составляют большую часть бюджета

города Алматы? Или может быть на «стройках века» заняты значительные доли алматинцев? И вопрос – зачем так чудовищно расширять административные границы города, например, Медеуского района, размер которого увеличился с 2007 года в 3 раза – с 84 тыс. кв. км до 253 кв. км., чтобы ухудшать и без того сложные (социальные, экологические, транспортно-инфраструктурные) условия старых районов? Только для того, чтобы потом на «законных» основаниях «осваивать» предгорья и территории Иле-Алатауского национального парка?

В начале немного социологии. Как показал опрос, проведенный ОФ «ЦСПИ «Стратегия» осенью 2021 года (опрошено поквартирно 1100 респондентов в 8 районах города), 50% жителей Алматы считают, что экономика города осуществляется исключительно в интересах власти за счет снижения уровня жизни граждан. Каждый четвертый житель ничего не знает о работе своих районных акиматов и акимов; по 40% не знают о работе маслихата города и Общественного совета. Средняя оценка работы указанных органов – 3,1 балла.

Каждый четвертый опрошенный отметил, что условия в городе за последние два года ухудшились, такое же число респондентов не увидели никаких изменений, и только каждый третий считает, что городские условия улучшились. 45% не удовлетворены и скорее не удовлетворены уровнем своей жизни. У трети участников опроса денег на жизнь не хватает и постоянно приходится занимать.

Ни одно из 14 направлений работы городских служб, которые были проанализированы в ходе анкетирования, не получили оценки 4 балла и выше по пятибалльной шкале. Оценки меньше 3-х баллов получила работа городских властей по таким направлениям, как: ремонт автомобильных дорог, борьба с преступностью, обеспечение безопасности жизни и имущества, организация адресной и социальной помощи уязвимым группам населения, открытие новых постоянных рабочих мест, поддержка малого и среднего бизнеса, контроль над ростом потребительских цен. Сравнительно хорошо (3,5 балла) оценены работа общественного транспорта и вывоз бытового мусора.

Среди основных проблем жителями назывались: точечная, уплотняющая застройка в различных районах города, состояние ливневой канализации и арычной системы, состояние воздуха, ремонт дворовых территорий, доступность города для людей с инвалидностью, размеры тарифов на коммунальные услуги, контроль над ценами на социально значимые товары, качество услуг государственных поликлиник и больниц.

Вот такой в городе социальный фон. Но в данной статье хотелось бы развить тему, начатую в самом начале текста. О том, каким должно быть

долгосрочное развитие г. Алматы, и возможно ли оно без учета развития всего обширного региона, который можно назвать Алматинской агломерацией. В этой связи приведем некоторые положения статьи Б. Шакербаева «Алма-Ата: проблемы и перспективы пространственного развития», опубликованной в 1974 году в журнале №4 «Известия АН КазССР, серия общественных наук». Несмотря на то, что статья написана почти 50 лет назад, многие ее положения звучат очень актуально и сейчас.

Во-первых, в статье указывается на необходимость сохранения ценных земель предгорья для сельскохозяйственного производства, прежде всего, выращивания редких сортов плодового растения. Как пишет автор статьи, «такова одна из основных причин ограничения роста города в существующих границах».

Во-вторых, борьба с селевыми выбросами. В связи с этим автором отмечается, что «балансовая стоимость сооружений Алма-Аты настолько высока», что государство пошло на огромные затраты, возводя селеуловители, которые являются единственно возможным решением проблемы.

В-третьих, Б. Шакербаев говорит о том, что выводы по сейсморайонированию Алматы «носят характер гипотезы», и что «до получения конкретных, уточненных данных не следует принимать решений, могущих привести в будущем к значительным материальным потерям». Например, «требуется более точного обоснования линия разлома, пересекающая весь город с юго-запада на северо-восток», которая «есть и остается гораздо большим источником угрозы, чем землетрясение в девять баллов».

В-четвертых, из-за особенностей географического положения, «предельно ослабленного ветрового режима», увеличения «парка автомобилей и расширения промышленного производства», уже тогда, в 1974 году автор актуализирует вопрос о том, что необходима выработка рекомендаций «по борьбе с загрязнением воздушного бассейна города».

Кроме того, в статье указывается на ограниченность водных ресурсов Алматы, что является «сдерживающим фактором» развития.

Далее автор отмечает, что необходимо формирование «системы расселения, так как эффективному социально-экономическому развитию будет способствовать не только и не столько концентрация населения в городе», сколько размещение производств «в системе функционально взаимосвязанных городов в рамках экономического региона». И в этой связи он уделяет большое внимание развитию г. Капшагай, а также упоминаются другие города (Каскелен, Талгар), которые должны входить в большую Алматинскую агломерацию.

В итоге, по мнению Б. Шакербаева, «различные градообразующие факторы в развитии г. Алма-Аты настоятельно требуют постоянной кор-

ректировки перспективного плана застройки и расселения с учетом естественных, геологических, географических и экономических условий этого обширного региона». А не ориентации на финансовые интересы крупных застройщиков и заинтересованных лиц из акимата города – добавим от себя.

Опыт социального картографирования Алматы

Для начала скажем, что метод социального картографирования (картирования) (mapping) впервые был использован еще в конце XIX в. британским предпринимателем и общественным деятелем Чарльзом Бутом, который ввел технику картографирования: он раскрашивал на карте лондонские кварталы в различные цвета в зависимости от дохода их жителей («карты бедности»).

Поскольку социальное картографирование понятие многозначное и предполагает целый пласт самых различных подходов и техник, для каждого объекта можно подобрать индивидуальный набор, в наибольшей степени отражающий его особенности. Например, применительно к г. Алматы, наиболее известными самоописаниями, которые можно было бы использовать для социального картографирования, являются географические «верх-низ, выше-ниже», «угол улиц», благополучный «центр» и недостаточно развитая периферия (остальные районы). При все еще имеющих символическое значение «выше аль-Фараби», «ниже Ташкентской» и «за Саина» стали чаще звучать истории «присоединенных районов», однако без более точного описания их границ.

Следует отметить, что, берясь за социальное картографирование, или картирование, мы имеем в виду не карту в строго географическом смысле, а результаты сбора и систематизации социальной информации и знаний об определенной территории, в данном случае о г. Алматы. Также стоит сказать, что «предметом социального картирования могут выступать не только социальные процессы, протекающие на территории, но и их субъективное восприятие. Данным методом может отображаться эмоциональное, социальное самочувствие населения или отдельных его категорий, социальные отношения».

В этом контексте, несмотря на то что в общественном мнении казахстанцев, Алматы – это самый политизированный и активистский город в стране, результаты наших исследований показывают, что формирование городской идентичности и гражданской активности у алматинцев идет медленно. Все еще широко распространено представление, которое имеет объективную основу, что от горожан мало что зависит, и что ситуация в городе – это «зона ответственности» акимата, который «за все отвечает». В последнее время

можно наблюдать рост количества акций протеста, вызванных недовольством, прежде всего, масштабами точечной застройки и экологическими проблемами города. Но они носят локальный характер, вызваны конкретными неправомерными, с точки зрения жителей, действиями, причем не обязательно именно городских властей, но и алчных застройщиков.

Поэтому в этой статье на основе результатов социологического опроса жителей г. Алматы мы хотим сделать попытку «разукрасить» карту с районами города в зависимости от оценок работы местных исполнительных органов власти по нескольким направлениям. Для оценки нами были выбраны шесть направлений, имеющих, по разным исследованиям, наиболее высокий уровень проблематичности или чувствительности у жителей города. По итогам опроса по этим направлениям были рассчитаны специальные индексы. К ним относятся индексы состояния:

- жилого комплекса,
- государственных социальных услуг,
- экологии и благоустройства территории,
- транспортной инфраструктуры,
- общественной безопасности,
- государственного регулирования.

Такие разные параметры

Отметим, что каждый из этих индексов – композитный и состоит из группы показателей (от 3 до 5), которые и оценивали жители города Алматы в ходе проведенного опроса. Анализ данных показал, что есть социальная обусловленность оценок алматинцев от района проживания. В таблице представлены те направления работы акиматов, которые, чаще всего, удовлетворяют или не удовлетворяют жителей того или иного района.

Районы	Удовлетворительно оценены	Неудовлетворительно оценены
Алатау-ский	<ul style="list-style-type: none"> – вывоз мусора; – оформление и освещение улиц; – работа общественного транспорта; – работа дорожной полиции; – работа государственных школ 	<ul style="list-style-type: none"> – точечная, уплотняющая застройка; – состояние воздуха; – бесплатные парковки; – ремонт автомобильных дорог; – безопасность для детей; – контроль над ценами на социально значимые товары; – размеры тарифов на коммунальные услуги; – качество услуг государственных поликлиник и больниц

Алма-линский	<ul style="list-style-type: none"> – ремонт дворовых территорий; – уборка улиц и территорий; – оформление и освещение улиц; – работа общественного транспорта; – безопасность для детей 	<ul style="list-style-type: none"> – точечная, уплотняющая застройка; – состояние ливневой канализации, арычной системы; – бесплатные парковки; – борьба с преступностью; – контроль над ценами на социально значимые товары; – размеры тарифов на коммунальные услуги; – поддержка малого и среднего бизнеса
Ауэзовский	<ul style="list-style-type: none"> – вывоз мусора; – уборка улиц и территорий; – работа общественного транспорта; – безопасность для детей; – работа государственных детсадов 	<ul style="list-style-type: none"> – бесплатные парковки
Бостандыкский	<ul style="list-style-type: none"> – вывоз мусора; – уборка улиц и территорий; – работа общественного транспорта; – работа дорожной полиции; – поддержка МСБ; – качество услуг государственных поликлиник и больниц 	<ul style="list-style-type: none"> – состояние воздуха; – ливневая канализация/арыки; – платные парковки; – безопасность для детей; – размеры тарифов на коммунальные услуги
Жетысуский	<ul style="list-style-type: none"> – вывоз мусора; – озеленение и уход за парковой зоной; – уборка улиц и территорий; – работа общественного транспорта; – работа дорожной полиции; – работа государственных детсадов; – поддержка малого и среднего бизнеса; – работа государственных школ 	<ul style="list-style-type: none"> – безопасность для детей; – контроль над ценами на социально значимые товары; – размеры тарифов на коммунальные услуги

Медеуский	<ul style="list-style-type: none"> – ремонт дворовых территорий; – оформление и освещение улиц; – работа общественного транспорта; – безопасность для детей; – качество услуг государственных поликлиник и больниц 	<ul style="list-style-type: none"> – состояние ЖКХ; – состояние ливневой канализации, арычной системы; – бесплатные парковки; – ремонт автомобильных дорог; – работа дорожной полиции; – контроль над ценами на социально значимые товары; – размеры тарифов на коммунальные услуги; – поддержка МСБ
Наурызбайский	<ul style="list-style-type: none"> – вывоз мусора; – работа общественного транспорта; – работа государственных детсадов 	<ul style="list-style-type: none"> – ремонт дворовых территорий; – состояние воздуха; – озеленение и уход за парковой зоной; – уборка улиц и территорий; – состояние ливневой канализации, арычной системы; – бесплатные парковки; – безопасность для детей; – работа дорожной полиции; – контроль над ценами на социально значимые товары; – поддержка МСБ; – качество услуг государственных поликлиник; – работа государственных школ
Турксибский	<ul style="list-style-type: none"> – вывоз мусора; – оформление и освещение улиц; – работа общественного транспорта; – работа государственных детсадов 	<ul style="list-style-type: none"> – ремонт дворовых территорий; – состояние воздуха; – состояние ливневой канализации, арычной системы; – безопасность для детей; – контроль над ценами на социально значимые товары; – размеры тарифов на коммунальные услуги; – качество услуг государственных поликлиник и больниц

Цветовая дифференциация города

Основные результаты индексирования города и районов (карта) представлены на Диаграмме 1.

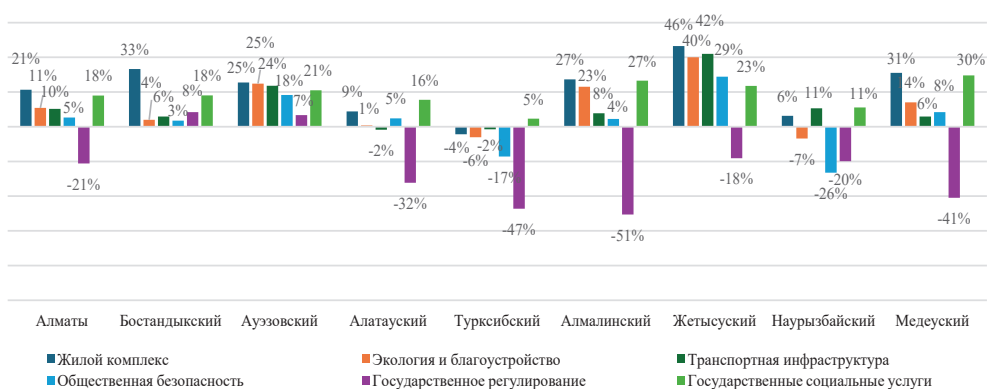
Методика. Для оценки параметров работы акиматов был использован индексный метод, сущность которого в социологии состоит в редукции («сжатию») социальной информации и сведение ее к единому показателю. При этом не имеет значения количество признаков-индикаторов объекта (в нашем случае, параметров), подвергшихся «сжатию».

Для расчета индексов был использован 2-этапный алгоритм. На первом – для каждого параметра способом измерения для равнения групп (Татарова; 1999) был рассчитан индивидуальный показатель. На втором этапе для каждого района города полученные показатели были сведены к одному значению путем вычисления средней арифметической по каждому направлению оценки.

Индексирование показало, что, в целом, оценки жителей города направлений работы акимата невысокие. Так, было выявлено, что:

- лучше других оценено состояние города Алматы по таким направлениям, как: жилой комплекс (включающий в себя следующие параметры: состояние ЖКХ; вывоз мусора; ремонт дворовых территорий и точечная, уплотняющая застройка) (21%) и государственные социальные услуги (качество услуг государственных поликлиник и больниц, работа государственных школ, работа государственных детсадов) (18%),
- вторая группа по удовлетворенности – это экология и благоустройство (уборка улиц и территорий; оформление и освещение улиц; озеленение и уход за парковой зоной и состояние воздуха) (11%) и транспортная инфраструктура (платные парковки; ремонт автомобильных дорог; состояние ливневой канализации, арычной системы; работа общественного транспорта; бесплатные парковки) (10%),
- индекс общественной безопасности (борьба с преступностью; работа дорожной полиции; безопасность для детей) находится в положительной зоне, но имеет крайне низкое значение (5%);
- самое низкое значение у показателя «государственное регулирование» (-21%) (контроль над ценами на социально значимые товары; размеры тарифов на коммунальные услуги и поддержка малого и среднего бизнеса).

Диаграмма 1. – Оценки работы местных исполнительных органов по направлениям (в зависимости от района проживания респондентов)

Районная жизнь

В Жетысуском районе города получены самые высокие индексы по практически всем анализируемым направлениям. Исключение составляет отрицательное значение индекса «государственное регулирование» –18%. Следует отметить, что по этому индексу, кроме Бостандыкского (8%) и Ауэзовского (7%) районов, в других частях города показатели находятся в отрицательной зоне. Т.е., в 6 районах, судя по ответам жителей, более остро стоят вопросы, связанные с регулированием цен на товары первой необходимости, тарифы на комуслуги и поддержка МСБ (от -18% в Жетысуском районе и до -51% в Алмалинском).

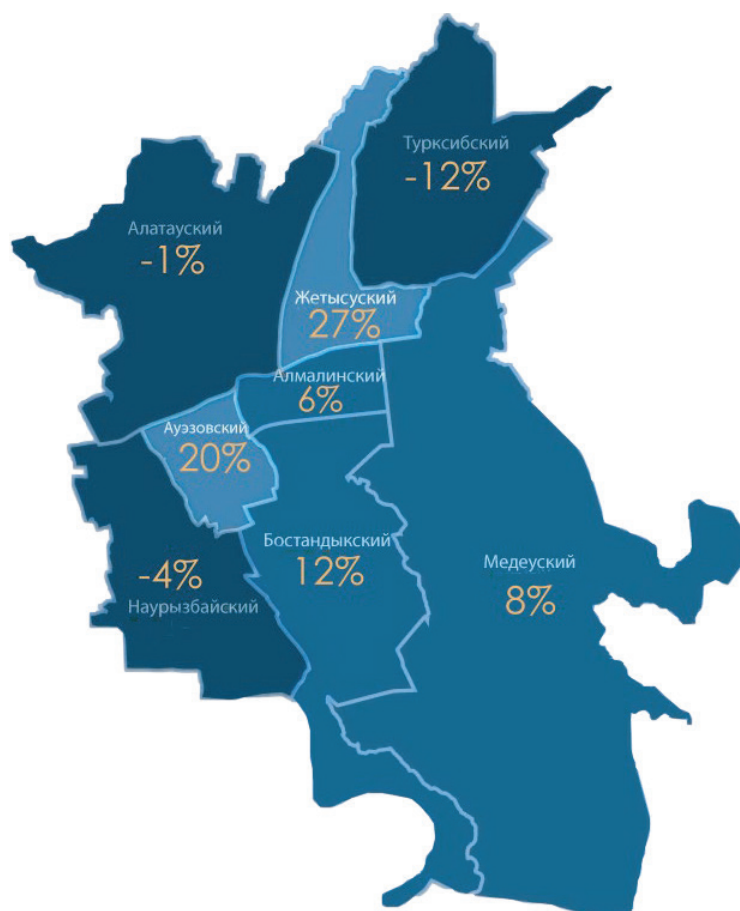
В двух других районах – Бостандыкском и Ауэзовском – все значения индексов находятся в положительной зоне. При этом в Бостандыкском районе повышен показатель индекса состояния жилого комплекса (33%), в то время как другие индексы имеют более низкие значения (от 18% по государственным социальным услугам и до 3% по общественной безопасности). Показатели индексов Ауэзовского района более ровные (за исключением госрегулирования (7%), колебания показателей в пределах 18-25%).

Значения индексов Медеуского района практически повторяют тенденции, зафиксированные на уровне города: один показатель – госрегулирование – находится в минусовой зоне, более высокие индексы у состояния жилого комплекса и государственных социальных услуг. При этом на городском уровне лучше оценена транспортная инфраструктура, а в Медеуском районе – общественная безопасность.

Самые низкие индексы получены в Алатауском, Наурызбайском и особенно в Турксибском районе. Так, в Алатауском районе в минусовой зоне находятся два индекса – транспортная инфраструктура и государственное регулирование, другие четыре показателя колеблются в пределах от 16% у государственных социальных услуг и до 1% – по экологии и благоустройству. В Наурызбайском районе три индекса – жилой комплекс, транспортная инфраструктура и государственные социальные услуги – находятся в положительной зоне (от 6 до 11%), еще три – в минусовой: экология и благоустройство, государственное регулирование и общественная безопасность.

Хуже всех показатели индексов в Турксибском районе: только индекс состояния государственных социальных услуг находится в положительной зоне (5%), остальные пять индексов имеют отрицательные значения.

Карта Алматы на основе Единого социального индекса (ЕСИ)

Для целей картографирования был использован подход с расчетом Единого социального индекса (ЕСИ), который рассчитывался как средний показатель по всем шести направлениям.

По итогам расчета показатель Единого социального индекса (ЕСИ) г. Алматы составил 7%.

Можно выделить три группы районов:

- группа районов с самыми высоким показателем ЕСИ (20 и 27%) – Ауэзовский и Жетысуский;
- группа районов со средними показателями ЕСИ (6-12%) – Алмалинский, Медеуский, Бостандыкский;
- группа районов с самыми низкими показателями ЕСИ (-1%, -4% и -12%) – Алатауский, Наурызбайский и Турксибский.

Напомним, что все предложенные подходы, индексы и расчеты являются сугубо авторскими (Фонда «ЦСПИ «Стратегия»), и мы предлагаем их в качестве нового подхода к рассмотрению ситуации в нашем любимом городе.

Экономика, туризм и экология для социальной жизни села: что на вершине треугольника?⁷⁹

Илеуова Гульмира

Напомню, в Стратегии-2050 было выделено ТОП-10 приоритетных туристских территорий, обладающих наибольшим потенциалом:

1. озеро Алаколь – с потенциалом 2 500 000 туристов в год (текущий поток – 772 000 туристов в год);
2. горный кластер Алматинского региона – с потенциалом 2 500 000 туристов в год (текущий поток – 500 000);
3. Щучинско-Боровская курортная зона – с потенциалом 2 000 000 туристов в год (текущий поток – 750 000);
4. Баянаульская курортная зона – с потенциалом 450 000 туристов в год (текущий поток – 200 000);
5. Имантау-Шалкарская курортная зона – с потенциалом 400 000 туристов в год (текущий поток – 130 000);

⁷⁹ Гульмира Илеуова. Экономика, туризм и экология для социальной жизни села: что на вершине треугольника? 22.10.2022. – <https://www.instagram.com/p/CkAUKr0qwQb/>

6. озеро Балхаш – с потенциалом 400 000 туристов в год (текущий поток – 130 000);
7. развитие историко-культурного туризма Туркестана – с потенциалом 1 500 000 туристов в год (текущий поток – 500 000);
8. развитие пляжного туризма Мангыстау – с потенциалом 750 000 туристов в год;
9. развитие МІСЕ туризма г. Астана – с потенциалом 1 000 000 туристов в год;
10. развитие туристской зоны «Байконур», как развлекательного туристского хаба – с потенциалом от 250 тыс до 500 тыс туристов в год.

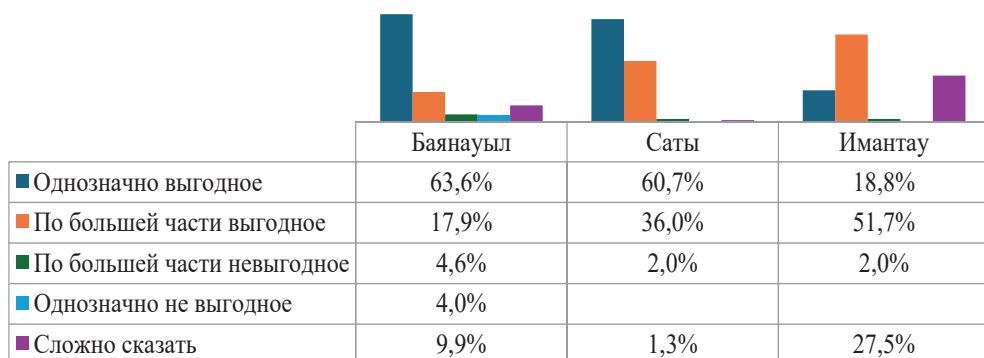
Как видим, даже в этом списке в половине случаев туристские и рекреационные зоны охватывают сельские территории и, по сути, должны являться залогом их экономического благополучия и устойчивости. На практике одной из сложнейших проблем существующих рекреационных (т.е., восстанавливающих самочувствие и работоспособность человека) зон в стране, помимо слабо развитой инфраструктуры, влияющей на доступность, становится их неудовлетворительное экологическое состояние. И в первую очередь, речь идет об отсутствии санитарных зон, мест для сбора мусора, стихийных свалок, «создателями» которых выступают как жители территорий, так и потребители рекреационных услуг.

Возникает вопрос, в какой степени местные жители осознают зависимость своих поселений от развития рекреационных зон, а с другой стороны – свою ответственность и участие в обеспечении экологической устойчивости местности как залог привлекательности для туристов? Могут ли экономические аргументы повлиять на осознание важности сохранения окружающей среды, изменение социальных экологических практик на местах?

В июле-сентябре 2022 г., мы искали ответы на эти и другие вопросы в рамках проекта, который был профинансирован Фондом Розы Люксембург в ЦА. Были обследованы три курортные (рекреационные) зоны – с. Саты (Алматинская область, больше известное своей близостью к Кольсайским озерам), с. Имантау (СКО, часть Шалкарско-Имантауской туристической зоны) и села Торайгыр и Жасыбай Баянауылского района (наиболее разработанное туристическое направление в Казахстане в исторической ретроспективе).

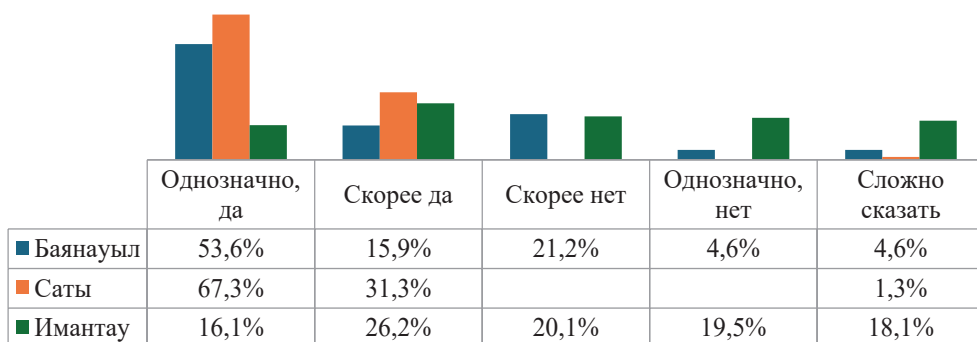
На примере трех изученных сел можно увидеть различия в представлениях участников исследования о роли туризма для них.

Диаграмма 1. – Как Вы думаете, в вашей местности работа в сфере туризма и услуг по организации отдыха для приезжих гостей – это финансово выгодное занятие или нет? (в разрезе по точкам опроса)

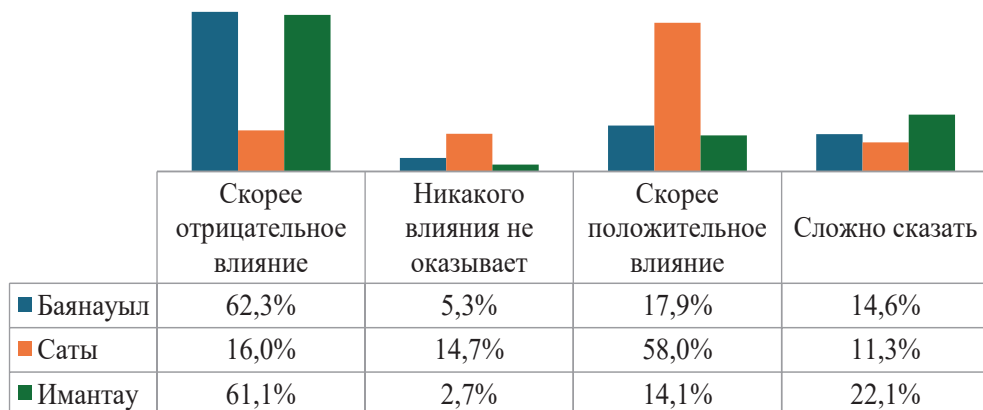
Село Саты является примером массового и в то же время высокодоходного вовлечения жителей в туристическую отрасль: 99% респондентов видят выгоды от развития сферы туризма и отдыха для таких людей, как они. 95% опрошенных здесь считает, что развитие туризма и услуг по организации отдыха для приезжих гостей дает возможность заработать всем или почти всем жителям этого населенного пункта; 97% жителей этого села полагают, что заниматься туризмом однозначно или по большей мере выгодное занятие; на зонах отдыха и в гостевых домах Саты половина сотрудников из числа местных жителей. При этом 69% опрошенных здесь считает, что основа туристического бизнеса – это наличие стационарных комфортных зон отдыха и гостевых домов. Таков экономический эффект от развития туризма в Саты.

Диаграмма 2. Как Вы считаете, есть ли выгода от развития сферы туризма и отдыха в вашей местности таким людям, как Вы? (в разрезе по точкам опроса)

А что с экологическим взглядом? В отличие от Баянаулы и Имантау, где экологическая озабоченность гораздо выше, только каждый шестой опрошенный в с. Саты считает, что активное развитие сферы туризма может оказывать отрицательное влияние на состояние окружающей природы, прежде всего, конечно, системы Кольсайских озер. В то время как более половины респондентов утверждает, что туризм оказывает позитивное влияние на природу края, 15% вообще не видят никакого влияния. Хотя уже сейчас специалисты-экологи бьют тревогу, поскольку поток туристов, прежде всего из близлежащей Алматы, неконтролируемый и начинает наносить урон природе региона.

Диаграмма 3. Какое влияние на состояние природы (озеро, лес, луга, горы), с вашей точки зрения, оказывает развитие сферы туризма и отдыха в вашей местности? (в разрезе по точкам опроса)

Баянауыл, по итогам исследования, находится на переходной стадии по уровню развития туризма. Его инфраструктура для рекреации и отдыха начала появляться еще в советские годы, но только в последнее десятилетие в баянауылском районе туризм начал развиваться более интенсивно.

В настоящее время только треть опрошенных видит зависимость доходов и благосостояния всех или почти всех жителей поселка от развития туризма и услуг по организации отдыха для приезжих гостей. Каждый четвертый опрошенный если и видит пользу от развития туризма в Баянауыле, то только для небольшой группы жителей. С точки зрения занятости, 42% респондентов считают, что на местных базах отдыха работают не только местные жители, но и приезжие сотрудники. Вместе с тем, 70% опрошенных видят выгоду от развития сферы туризма и отдыха в местности для таких людей, как они. Судя по результатам опроса, есть

связь между тем, какой вид туризма, по мнению жителей, привлекателен на данной территории, и той озабоченностью вопросами экологии, которая прозвучала от участников опроса. Так, при том, что 54% полагают, что туристам интересна возможность отдохнуть в комфортных условиях в гостевых домах, все же с точки зрения 36% опрошенных Баянауылский регион в большей степени привлекает возможностью попутешествовать с рюкзаками и палатками. И в отличие от Саты, большинство, 62%, считают, что развитие сферы туризма и отдыха оказывает скорее отрицательное влияние на состояние природной среды (озеро, лес, луга, горы). Т.е., жители Баянауыла уже столкнулись с экологическими издержками активного/хищнического «туристического» освоения рекреационной среды, и выражают свою озабоченность.

Имантау сравнительно недавно вошел в фазу активного развития туристического бизнеса. Исследование выявило настороженно-неодобрительное отношение жителей этого села к туризму и также то, что значимая часть участников опроса (на уровне четвертой-пятой частей) не имеет своей точки зрения по изучаемой теме. К примеру, 41% опрошенных здесь считает, что доход от туризма получает только небольшая группа жителей. Хотя 52% полагают, что работа в сфере туризма и услуг по организации отдыха для приезжих гостей по большей (но не в полной) мере – это финансово выгодное занятие. В то же время жители Имантау до сих пор не определились по вопросу, есть ли выгода от развития сферы туризма и отдыха в их местности обычным людям: 42% опрошенных считают, что такая выгода есть, 40% – что нет, и почти каждый пятый затруднился с ответом. Также не определен в глазах имантаусцев туристический профиль села: 35% полагают, что местность дает возможность путешествовать с рюкзаками и палатками, 29% называют привлекательность отдыха на базах отдыха и в гостевых домах, а 36% опрошенных – «сложно сказать». Но вместе с тем, уже сейчас, в условиях еще неразвившегося туристического кластера, значительная часть жителей Имантау (61%) проявляет настороженность и считает, что влияние туризма на состояние окружающей природы (озеро, лес, луга, горы) скорее негативное.

Таким образом, при определении приоритетов развития туризма, проектировании туристических зон и направлений нужно внимательно смотреть на то, интересно ли это жителям, в какой мере они поддерживают начинания властей и бизнеса, чтобы в последующем не было ненужных недопониманий, тормозящих выполнение намеченных целей, с одной стороны, и повышающих социальную конфликтность, с другой.

Социальная адаптация вдоль и поперек: попытка продольного и поперечного анализа адаптивности поколений⁸⁰

*Илеуова Гульмира,
Симакова Ольга*

Масштабность социально-экономических изменений, которые происходят в нашем обществе с начала 90-х годов XX века, вызвала необходимость выработки у населения страны эффективных адаптивных механизмов к меняющейся реальности.

При этом, как отмечается многими авторами, адаптационный процесс является целостным и непрерывным, он «обеспечивает приспособление человека к сложившейся социальной среде за счет умения анализировать текущие социальные ситуации, осознания своих возможностей в сложившейся социальной обстановке, умения удерживать свое поведение в соответствии с главными целями деятельности. Множественность и сложность конкретных проявлений различных уровней социального образования реализуется единым механизмом – процессом социальной адаптации»⁸¹.

Вместе с тем, необходимо учитывать двойственную природу социальной адаптации, которая «есть процесс и результат активного приспособления индивида к условиям новой социальной среды. Для личности социальная адаптация носит парадоксальный характер: она разворачивается как гибко организованная в новых условиях поисковая активность, выход индивида за пределы готовой конечной формы. Чем менее выражено в индивиде личностное начало, тем более социальная адаптация носит характер приспособления к условиям социальной среды»⁸². Можно сказать, что высокий уровень адаптационных навыков у населения при незначительном количестве проявлений девиации отражает способность большинства приспособляться к меняющимся (чаще в негативную сторону) условиям жизни, что в конечном итоге выступает залогом стабильного, бесконфликтного развития общества.

80 Илеуова Г., Симакова О. «Социальная адаптация вдоль и поперек: попытка продольного и поперечного анализа адаптивности поколений» в сб. «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях» по материалам XXIII Международной научно-практической конференции (04–05 декабря 2024 г.), Усть-Каменогорск, 2024. – с. 287-303

81 Овшинов А.Н. «Общесоциологическая парадигма социальной адаптации». // Вестник Калмыцкого университета, 2014 г. №4 (24) – <https://cyberleninka.ru/article/n/obschesotsiologicheskaya-paradigma-sotsialnoy-adaptatsii>

82 «Энциклопедический социологический словарь» под ред. Академика РАН Г.В. Осипова – Москва:1995 – с. 7

Поскольку оценка социально-экономической ситуации в Казахстане от опроса к опросу общественного мнения чаще всего оценивается как неясная/неопределенная, то логично предположить, что казахстанцы находятся в постоянном процессе адаптации к тем или иным изменениям в повседневной жизни. Для исследователей появляется много вопросов, требующих изучения. И один из них: является ли умение постоянно приспосабливаться к меняющимся условиям бытия приобретенной характеристикой общества, а адаптационный механизм включается лишь в моменты сложных социально-экономических коллизий, будь то экономические и финансовые кризисы или пандемия, поэтому срабатывает в определенный период времени, или проявляется только у некоторых социальных групп населения, например, отдельных поколений, имеющих отличный от других исторический опыт?

Попробуем ответить на этот вопрос используя принципы поперечного и продольного анализа для результатов анкетных опросов двух когорт. В качестве базы будут использованы результаты сопоставимых опросов (объем выборки 1600–2000 респондентов), проведенных во всех регионах страны по методике «Евразийского монитора» с шагом в 8 лет – за 2005, 2013 и 2021 гг.⁸³ Ретроспективный шаг в 8 лет является наиболее длинным интервалом, который мы смогли применить, будучи ограничены наличием доступных динамических рядов, удовлетворяющих условиям для анализа, а также тем, что последнее исследование было проведено летом 2021 года.⁸⁴ Также нужно сделать еще одну важную оговорку. Время опроса совпало с периодом пандемии COVID-19, и, по нашему представлению, данный факт не мог не сказаться на ответах респондентов в силу высокого негативного влияния, которое оказала пандемия на их социально-экономическое положение. В этой связи для сравнения показателей были привлечены итоги исследований, которые были проведены по аналогичным вопросам в 2020⁸⁵ и 2022⁸⁶ годах с целью проследить особенности поколенческой социальной адаптации на коротком временном отрезке в условиях кризиса.

83 ОФ «ЦСПИ «Стратегия» проводит мониторинговые замеры социального самочувствия с 2004 года в рамках международного проекта «Мониторинг социального самочувствия населения стран бывшего СССР» под эгидой МНАИА «Евразийский монитор» – <https://eurasiamonitor.org/>

84 Исследование проводилось в рамках выполнения на базе Кафедры политологии и политических технологий факультета Философии и политологии КазНУ им. аль-Фараби научного проекта грантового финансирования Комитета науки МОН РК на 2020–2022 гг. по теме «Протестный потенциал в Казахстане: особенности, факторы и тренды» (грант AP08857524).

85 В 2020 году ОФ ЦСПИ «Стратегия» провел массовый опрос населения Казахстана (n=1103) в феврале, за месяц до объявления локдауна.

86 В 2022 году ОФ ЦСПИ «Стратегия» провел массовый опрос населения Казахстана (n=1612) в марте.

Таким образом в фокусе внимания оказались две когорты, имеющие, предположительно, разный жизненный опыт и/или мировосприятие: условные «дети» (респонденты, которым в 2005 году было 22–24 года, рождение в период 1982–84 гг.) и условные «родители» (респонденты, которым в 2005 году было 42–44 года, рождение в 1962–64 гг.). В последующем оценки этих двух поколений, согласно логике продольного анализа, были «проведены» вдоль линии их жизни через годы наблюдений (с 2005 по 2022 годы) для сравнения их мнений по ряду вопросов, касающихся удовлетворенности жизнью, социального оптимизма, материального положения семей и экономического положения страны, а также одобрения деятельности правительства. В этом случае мы можем наблюдать, как менялись мнения поколения «детей» и поколения «родителей» во времени, на отрезке в 17 лет.

В Таблице 1 приведено количественное распределение возрастных групп, принимавших участие в опросах, по годам.

Таблица 1. – Количественное распределение респондентов по возрастным группам в зависимости от года

Год	Категории респондентов	Число	Всего
2005	Дети (22–24)	122	256
	Родители (42–44)	134	
2013	Дети (30–32)	88	156
	Родители (50–52)	68	
2020	Дети (37–39)	56	93
	Родители (57–59)	37	
2021	Дети (38–40)	95	189
	Родители (58–60)	94	
2022	Дети (39–41)	86	148
	Родители (59–61)	62	

В рамках поперечного анализа для сравнения в каждом из рассматриваемых периодов (2005, 2013, 2021 гг.) были взяты мнения тех респондентов, которые в указанный год находились в возрасте 22–24 лет и 42–44 лет. Т.е., в этом случае в каждом временном периоде (год) сравнивались оценки когорт «детей» и «родителей» одного и того же возраста.

В Таблице 2 приведено количественное распределение возрастных групп, принимавших участие в опросах, по годам.

Таблица 2. – Количественное распределение респондентов по когортам в зависимости от года рождения

Год	Категории респондентов	Число	Всего
2005	22–24	122	256
	42–44	134	
2013	22–24	143	143
	42–44	100	
2020	21–23	48	99
	41–43	51	
2021	22–24	79	180
	42–44	101	
2022	23–25	98	198
	43–45	100	

Оценка социальной адаптации возрастных когорт проводилась по трем аспектам – социальному, экономическому и политическому, – которым соответствуют три индекса – социального самочувствия (социальный аспект), благосостояния (экономический аспект) и одобрения правительства (политический аспект). В Таблице 3 описаны показатели, которые были приняты для расчета того или иного Индекса, и те вопросы анкеты, которые послужили эмпирической основой для расчетов.

Таблица 3. – Индексы и их составляющие

Название индекса	Показатели	Вопросы анкеты
Индекс социального самочувствия	1. Показатель удовлетворенности жизнью; 2. Показатель социального оптимизма	1. Скажите, в целом, Вы удовлетворены или не удовлетворены жизнью, которую вы ведете? 2. Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас?
Индекс благосостояния	1. Показатель оценки материального положения; 2. Показатель потребительского потенциала семьи	1. Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение Вашей семьи? 2. К какой из следующих групп населения (по потребительскому потенциалу) Вы скорее могли бы себя отнести?
Индекс одобрения правительства	1. Показатель оценки экономического положения страны; 2. Показатель оценки работы правительства	1. Как бы Вы оценили в настоящее время экономическое положение нашей страны? 2. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность правительства РК?

Социальная адаптация вдоль

Итак, на основе предложенных индексов попробуем измерить социальную адаптацию указанных в Таблице 1 возрастных групп населения Казахстана. На диаграммах 1 и 2 представлена динамика показателей социальной адаптации поколений «детей» и «родителей» за период 17 лет на основе предложенных индексов – социального самочувствия, благосостояния и одобрения правительства.

Диаграмма 1. – Социальная адаптация поколения «детей» (%), родившиеся в 1982–84 гг., в период с 2005 по 2022 гг.)

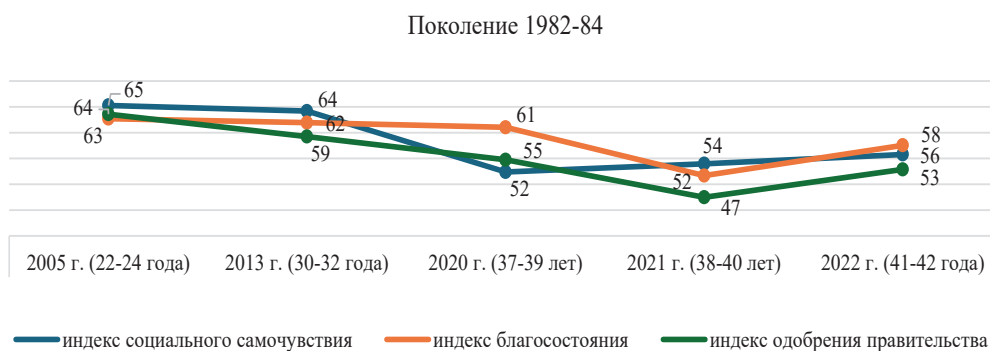

Диаграмма 2. – Социальная адаптация поколения «родителей» (%), родившиеся в 1962–64 гг., в период с 2005 по 2022 гг.)

В Таблице 4 приведены количественные показатели индексов социальной адаптации, на основе которых были построены диаграммы 1 и 2.

**Таблица 4. – Таблица индексов социальной адаптации
«детей» и «родителей» (%; данные 2005, 2013, 2020–22 гг.)**

		индекс соци- ального само- чувствия	индекс благо- состояния	индекс одоб- рения прави- тельства
Поколение 1982–84 г.р. (от 22 до 41 года)	2005 г.	65,3	62,7	63,6
	2013 г.	64,2	61,9	59,2
	2020 г.	52,4	61,0	54,7
	2021 г.	54,0	51,7	47,5
	2022 г.	55,8	57,6	52,9
Поколение 1962–64 г.р. (от 42 до 61 года)	2005 г.	60,4	59,3	58,8
	2013 г.	57,9	59,9	56,2
	2020 г.	54,3	63,8	57,5
	2021 г.	50,4	55,6	47,3
	2022 г.	56,7	59,3	56,7

Как видим, поколение «детей» показывает более высокий уровень адаптивности, чем поколение «родителей»: показатели все трех индексов у «детей» выше, чем у «родителей». В 2005 году⁸⁷ у обоих поколений наблюдается сравнительно высокий уровень синхронизации показателей (колебания 1-3%), что может говорить о поколенческой схожести, с одной стороны, а с другой – о непротиворечивости протекающих адаптационных процессов.

В 2013 году⁸⁸ при переходе в другие возрастные группы расхождение показателей индексов в обеих группах увеличивается. В первую очередь это коснулось политического аспекта: и в группе «детей», и в группе «родителей» наблюдается заметное снижение индексов одобрения деятельности правительства (-4п.п. и -3п.п. соответственно). Также заметно, что в группе «родителей» наметился тренд на снижение индекса социального самочувствия (-2п.п.), т.е. снизились оценки удовлетворенности жизнью и социального оптимизма; при этом на том же уровне, по сравнению

87 Напомним, в 2005 году была проведена делимитация границ с Россией; Казахстан вошел в пятерку самых динамичных экономик мира; произошло повышение пенсий, стипендий и зарплат в бюджетной сфере, и как следствие, увеличение реальной заработной платы на 10%; начался потребительский кредитный бум; состоялись выборы Президента.

88 Напомним, что в 2013 году началась реализация «Стратегии развития РК до 2050 года», где была поставлена цель вхождение Казахстана в тридцатку самых развитых стран мира; Президентом была раскритикована бесконтрольная выдача потребительских кредитов и заявлены соответствующие меры; принято решение о повышении пенсионного возраста; страну сотрясли социальные и политические скандалы, связанные с урезанием декретных, заражением детей гепатитом С, строительством курорта Кок-Жайляу и делами М. Аблязова и Б. Рыскалиева.

с 2005 годом, сохранился индекс благосостояния. В группе же «детей» в 2013 году оба индекса не претерпели статистически значимых изменений по сравнению с 2005 годом. Это указывает на то, что за прошедшие 8 лет с точки зрения обоих поколений в стране изменились политические условия, при этом экономический аспект остался приемлемым. В социальном плане группа «родителей», перешагнув 50-летний рубеж, стала испытывать больший пессимизм, чем «дети», возраст которых на момент опроса составлял 30-32 года.

Спустя еще 7 лет, в 2020 году⁸⁹, в обоих поколениях сохраняется высокий показатель индекса благосостояния. Причем, если у «детей» этот показатель демонстрирует устойчивость, начиная с 2005 года (61-62%), то в группе «родителей», по сравнению с 2013 годом, замечен рост (+4 п.п.). Особенностью 2020 года становится снижение в обеих группах индекса социального самочувствия, т.е. снижение оценок удовлетворенности жизнью и социального оптимизма. Но, если в группе «родителей» снижение было поступательным, начиная с 2013 года (-3 п.п.), то в группе «детей», подходящих к 40-летнему рубежу своей жизни, – драматичным (-12 п.п.). Впервые отмечается расхождение в показателях индекса одобрения правительства: если в группе «родителей» показатель остается устойчивым (56-57%), то в группе «детей» заметно снижение позитивных оценок в адрес правительства (-4 п.п.). Напомним, что за год до проведения опроса, в марте 2019 году в Казахстане произошла передача власти от первого президента ко второму; в феврале 2019 года правительство Б. Сагинтаева ушло в отставку, премьер-министром был назначен А. Мамин; многие министерства пережили реорганизацию, и страна наблюдала кардинальные кадровые перемены.

В 2021, постковидном, году, по сравнению с 2013 годом, наблюдается значительное снижение индексов благосостояния, которые до этого демонстрировали устойчивость: в группе «детей» почти на 10%, в группе «родителей» – более 8%. Индексы социального самочувствия и одобрения правительства также ожидаемо снизились, по сравнению как с 2013 годом, так и с 2020 годом, достигнув минимальных значений за все годы наблюдений: 48% в группе «детей» и 47% – в группе «родителей». Но, если в группе «детей» снижение можно рассматривать в рамках тренда, то в группе «родителей» – как реакцию на изменение ситуации.

Однако уже в 2022 году, после окончания пандемии, мы видим повышение показателей всех трех индексов в обоих исследуемых поколениях.

89 Как уже отмечалось ранее, 2020 и 2022 гг. были взяты, как контрольные годы для сопоставления с данными пандемийного 2021 года. И в то же время на этом коротком временном периоде (2020–22 гг) можно увидеть скорость адаптации в период кризиса.

В целом, если проанализировать и сравнить показатели индексов за период 2020–22 гг., включающий в себя пандемию, то можем наблюдать интересную картину. С одной стороны, заметное «проседание» в 2021 году показателей по двум индексам – благосостояния и одобрения правительства – в то время как показатель социального самочувствия не подвергся значительным колебаниям. С другой стороны, в 2022 году все индексы вернулись к допандемийным значениям, кроме индекса благосостояния. Какими бы масштабными и катастрофичными ни виделись перспективы социально-экономического развития страны во время пандемии, население смогло в достаточно в короткие сроки приспособиться и вернуться к настроениям, характерным для более стабильного времени.

Сравнивая настроения поколений «детей» и «родителей» на протяжении рассматриваемого времени, можно сделать несколько выводов. Поколение «детей» более оптимистичное, и приобретенный в ковид опыт заставил их пересмотреть свои взгляды. Восстановление индекса социального самочувствия в этой группе происходит быстрее, чем в группе «родителей». И плохое самочувствие, зафиксированное при опросе в феврале 2020 года, после пережитого локдауна, приобрело тенденцию к росту. При этом наиболее чувствительным для этого поколения надо рассматривать экономический аспект: восстановление индекса благосостояния в этой группе идет медленнее, чем индекса социального самочувствия.

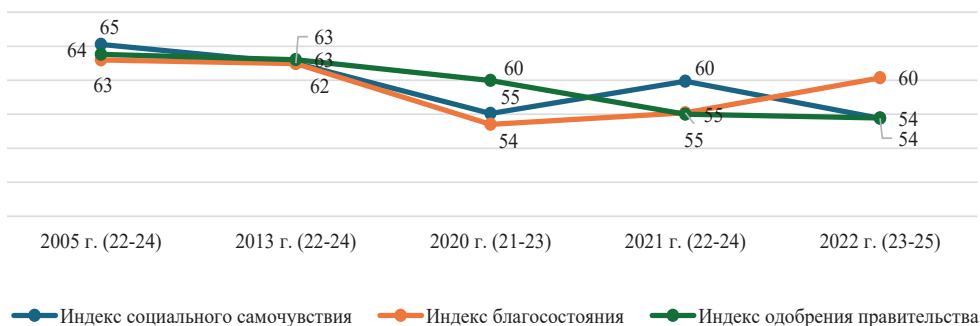
Для поколения «родителей», которое ко времени последнего опроса вступило в предпенсионный возраст, наиболее чувствительным оказался социальный аспект, основанный на оценках удовлетворенности жизнью и видением ее перспектив. В отличие от поколения «детей», у «родителей» наиболее низкий показатель индекса социального самочувствия наблюдается не в 2020 году, а в 2021 году, как следствие пережитого кризиса. Также поколение «родителей» демонстрирует большую лояльность к центральным властям, нежели поколение «детей».

Для обеих групп характерным является линейная зависимость индексов благосостояния и одобрения правительства.

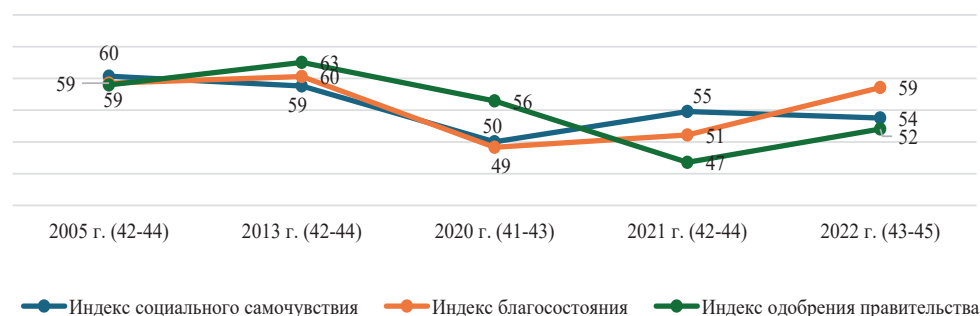
Социальная адаптация поперек

Теперь остановимся на сравнении данных согласно второму подходу, т.е. сопоставлению индексов социальной адаптации возрастных когорт 22–24 лет («20-летние») и 42–44 лет («40-летние») в разные годы. В качестве характеристик групп надо отметить, что группа «20-летних» чаще всего представлена студенческой молодежью, необремененные семьей и детьми; а «40-летние» – работающими респондентами, чаще состоящими в браке и уже имеющие детей. Результаты сравнений по когортам представлены на Диаграммах 3 и 4.

**Диаграмма 3. – Социальная адаптация когорты 22–24 лет
(%, сравнительные данные 2005, 2013, 2020–22 гг.)**

**Диаграмма 4. – Социальная адаптация когорты 42–44 лет
(%, сравнительные данные 2005, 2013, 2020–22 гг.)**

В Таблице 5 приведены значения индексов социальной адаптации, представленные в Диаграммах 3 и 4, в разрезе по годам в табличном варианте.

**Таблица 5. – Таблица индексов социальной адаптации
когорт 22–24 лет и 42–44 лет (%; данные 2005, 2013, 2020–22 гг.)**

		Индекс социального самочувствия	Индекс благосостояния	Индекс одобрения правительства
22–24 лет	2005 г.	65,3	63,0	63,8
	2013 г.	62,5	62,4	63,0
	2020 г.	55,1	53,5	60,0
	2021 г.	59,9	55,2	55,0
	2022 г.	54,4	60,4	54,4

		Индекс социального самочувствия	Индекс благосостояния	Индекс одобрения правительства
42–44 лет	2005 г.	60,4	59,3	59,0
	2013 г.	58,8	60,3	62,5
	2020 г.	50,0	49,2	56,5
	2021 г.	54,8	51,1	46,8
	2022 г.	53,8	58,6	52,0

Сравнение показателей индексов в группах «20-летних» и «40-летних» позволяет сделать вывод о том, что показатели индексов в обеих группах демонстрируют одинаковую тенденцию по годам, разница лишь в наполнении показателей. В молодежной группе показатели индексов всегда выше аналогичных показателей в группе «40-летних», что указывает на наличие схожих оценок ситуации, но более оптимистичный настрой в молодежной группе.

Более детальный разбор показывает, что когорта «20-летних» демонстрирует хорошую способность к адаптации в 2005 и 2013 гг.: показатели индексов выше 60%, расхождения показателей минимальны. По факту и оценки социального самочувствия, и благосостояния, и одобрения правительства находятся на одном уровне. Флуктуации индексов начинаются с 2020 года и вызваны известными событиями. В 2020 году у «20-летних» показатели индексов заметно снижаются, при этом, как и у «40-летних» имеют место более низкие индексы социального самочувствия и благосостояния.

В 2021 году у «20-летних» снижаются показатели индексов благосостояния и одобрения правительства, что является ожидаемым в постковидный период, при этом индекс социального самочувствия лишь немногим отличается от показателя 2013 года. По факту негатив февраля 2020 года нивелировался выходом из локдауна. Это указывает на относительно высокий уровень адаптивности молодого поколения казахстанцев и непротиворечивости их адаптационного процесса. Вместе с тем общее снижение показателей индексов социальной адаптации может свидетельствовать об изменении/ухудшении условий жизни, в частности материального положения этой группы (снижение индекса почти на 8% в 2020 г. по сравнению с 2013 г.). Однако интересно то, что период пандемии не оказал значимого негативного влияния на оценки этой возрастной когорты, хотя определенное

постпандемическое улучшение настроений можно констатировать на основе повышения индекса благосостояния с 55,2% в 2021 году до 60,4% в 2022 году.

Что касается представителей возрастной когорты 42–44 лет, то в 2005 году эта группа, так же, как и «20-летние», показала достаточно высокий уровень адаптивности к социальной среде. В 2013 году когорта 40-летних, в отличие от подобной возрастной группы 2005 года, продемонстрировала большую лояльность власти. В 2021 году «40-летние», как ядро экономически активного населения страны, попавшего в локдаун и понесшего существенные экономические издержки, показали низкий уровень индекса благосостояния, который конвертировался в еще более низкий уровень индекса одобрения правительства. При этом более персонифицированный индекс социального самочувствия, основанный на показателях удовлетворенности жизнью и видением перспектив, как и у группы «20-летних» оказался достаточно высоким, всего -4 п.п. по сравнению с 2013 годом. Конечно, этот феномен может объясняться влиянием фактора снятия локдауна и возвращением свободы перемещения людей, возможности восстановления межличностных контактов с родными и друзьями. Тем не менее, сравнительный анализ с показателями 2022 года, в котором обозначилась новая комбинация индексов, указывает на заметный рост индексов деятельности правительства и благосостояния при неизменности индекса социального самочувствия.

В целом, можно говорить, что когорты «20-летних» и «40-летних» в силу своих возрастных особенностей в любые годы имеют хороший адаптивный потенциал. Причем, с высокой долей вероятности можно говорить о том, что «20-летние» в своем восприятии событий и оценках чаще всего двигаются в фарватере «40-летних», отличаясь чуть большим оптимизмом.

Таким образом, если говорить о поколениях условных «детей» и «родителей», то годы социологических наблюдений показали, что с 2005 года в группе родившихся в 1962–64 гг. («родители») происходило постепенное снижение индекса социального самочувствия (с 60,4% в 2005 году до 50,4% в 2021 году). В группе рожденных в 1982–84 гг. («дети») также имело место снижение социального самочувствия, но оно не носило такого выраженного характера, как в поколении «родителей» (с 65,3% в 2005 году до 52,4% в 2020 году с некоторым ростом в 2021 году – 54,0%).

Показатели индекса благосостояния, напротив, снижались в группе «детей» в анализируемый период (с 62,7% в 2005 году до 51,7% в 2021 году), в то время как у «родителей» явно выраженной направленности показателя индекса не выявлено – он то повышался (до 63,8% в 2020 году), то заметно снижался (до 55,6% в 2021 году), то оставался без изменений (59,3% и 59,9% в 2005 и 2013 гг.).

Схожим образом менялись показатели индекса одобрения правительства: в поколении 1982–84 г.р. от года к году индекс снижался (с 63,6% в 2005 году до 47,5% в 2021 году); в поколении «родителей» явно выраженного тренда не было, но в 2021 году индекс одобрения правительства также был самым низким за все годы наблюдений – 47,3%.

В свою очередь, если делать выводы на основе поперечного анализ, то видно, что, несмотря на разные условия сравниваемых периодов и, соответственно, различающийся социально-экономический контекст, адаптация у молодой когорты (22–24 лет) носит непротиворечивый характер, и даже кризисные ситуации, как, например, пандемия, не оказывают влияние на потенциал адаптивности данной возрастной группы. Чего не скажешь о возрастной когорте 42–44 лет, представители которой отличаются заметной непредсказуемостью и разнонаправленностью своих оценок. Так, колебания индекса одобрения правительства находились в диапазоне от 62,5% в 2013 году до 46,8% в 2021 году, а индекса благосостояния от 60,3% в 2013 году до 50,1% в 2021 году (при этом уже в 2022 году индекс благосостояния вырос до 58,6%). Можно предположить, что базовым с точки зрения эффективности процесса социальной адаптации для этой группы выступают удовлетворенность своей жизнью и вера в улучшение жизни в ближайшее время (социальный оптимизм), т.е. составляющие индекса социального самочувствия. Именно сохранение высоких показателей данного индекса позволяют этой когорте в кризисные периоды находить в себе силы двигаться дальше и с высокой степенью адаптивности преодолевать жизненные трудности.

«Если бы у меня появилась лишняя пара тысяч долларов, то...»⁹⁰

Илеуова Гульмира

Есть довольно распространенное мнение, что у наших сограждан низкие доходы, и поэтому они не имеют возможности делать сбережения. Так ли это, и менялось ли сберегательное поведение казахстанцев с течением времени – попробуем ответить на эти вопросы на основе социологического опроса, проведенного во всех регионах страны в феврале 2023 года (количество участников – 1600 респондентов). Также у нас есть возможность сравнить полученные данные с результатами схожего по объему выборки и содержанию анкеты опроса 2009 года. Напомним, что в тот период мир вошел в финансово-экономический кризис, который также сильно затронул и Казахстан.

Как показал опрос 2023 года, более половины респондентов (54,4%) не могут ничего откладывать, поскольку тратят все получаемые деньги на текущие расходы. При этом чаще других об этом говорили сельские жители (64,6%), респонденты в возрасте до 25 лет (62,4%), со средне-специальным образованием (69,6%). Интересно, что опрос не выявил различий по этническому признаку – примерно равные доли (54-58%) представителей различных этносов сказали, что тратят все деньги на текущие потребности.

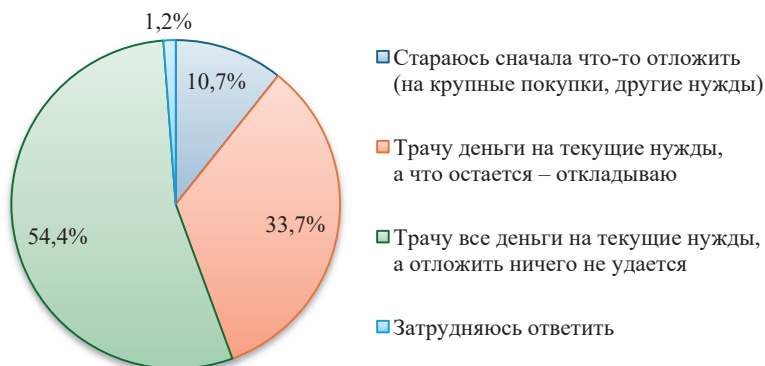
В опросе тестировались две сберегательные стратегии. В рамках первой стратегии, которой придерживается каждый десятый участник опроса, у опрошенных есть возможность сначала отложить что-то, например, на крупные покупки, а оставшиеся средства расходовать на повседневные нужды. Этой стратегии чаще придерживаются горожане (12%), респонденты в возрасте 26-35 лет (13,5%), с высшим образованием (15,7%), несколько чаще казахи.

Треть участников опроса (33,7%) придерживаются иной стратегии – вначале тратят на свои нужды, а оставшееся – пытаются сберечь. И этой сберегательной стратегии придерживаются чаще горожане (39,3%) и респонденты с высшим образованием (39,8%). Однако в возрастном и этническом разрезе есть отличия: так, этому подходу к созданию сбе-

90 Илеуова Г. Если бы у меня появилась лишняя пара тысяч долларов, то... 12.04.2022. <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/842-esli-by-u-menya-poyavilas-lishnyaya-para-tysyach-dollarov-to>

режений чаще прибегают люди старше 55 лет (37% и 44%) и также он больше распространен среди русских и представителей других этнических групп.

Диаграмма 1. – Скажите, как Ваша семья обычно распоряжается своими доходами в повседневной жизни? (февраль, 2023 г.)

Таким образом, очевидно, что большая часть накоплений формируется горожанами и людьми, имеющими высокий уровень образования. Также заметно, что в молодых возрастах, скорее всего, формируется современная модель сбережения, согласно которой необходимо сначала отложить часть дохода и только потом осуществлять расходы.

Приведенные выше ответы описывали поведение респондентов в начале 2023 года. Вместе с тем, если сравним полученные ответы т.г. и результаты опроса 2009 года, то обнаружим удивительную вещь: сберегательные стратегии казахстанцев не претерпели существенных изменений, т.е., примерно равные доли опрошенных могут откладывать/сберегать и не имеют такой возможности.

Таблица 1. – Скажите, как ваша семья обычно распоряжается своими доходами в повседневной жизни? (сравнительные данные)

Распоряжение доходами	2009 г.	2023 г.
Стараюсь сначала что-то отложить (на крупные покупки, другие нужды)	11,3%	10,7%
Трачу деньги на текущие нужды, а что остается – откладываю	34,2%	33,7%
Трачу все деньги на текущие нужды, а отложить ничего не удается	51,9%	54,4%
Затрудняюсь ответить	2,5%	1,2%

По итогам опроса ответы большей части респондентов на вопрос «Какую минимальную сумму денег можно назвать сбережениями?» расположились в диапазоне от 200 тыс до 5 млн тенге. Суммы выше 5 млн тенге в качестве сбережения назвали 8,5% участников опроса.

Таблица 2. – Какую минимальную сумму денег можно, по вашему мнению, назвать сбережениями? (% , по итогам ответов на открытый вопрос)

Тенге	2023 г.
до 50000	9,4
50001-100000	5,7
100001-200000	6,8
200001-500000	25,2
500001-1000000	20,8
1000001-5000000	23,5
5000001-10000000	6,4
больше 10000000	2,1

Отметим, что на середину апреля 2023 года (когда писалась данная статья) сумма в 5 млн тенге составляла чуть более 11 тыс дол США (по курсу 1 дол = 445 тенге). В ходе опроса респондентам предлагалось ответить на вопрос в связи с гипотетической ситуацией – неожиданного получения 2000 долларов. Как и в 2009 году участникам опроса был предложен список возможностей, на которые эту сумму можно было потратить.

Первое место с одинаковой долей ответов получил вариант – верну долг (в 2009 году таких ответов было 33%, в 2023 году – 34%). Это особенно интересно, поскольку между двумя опросами прошло более 10 лет, но это не изменило число имеющих давние долги. На этом сходство двух рейтингов расходов заканчивается. Так, если в 2009 году на втором месте был вариант «потрачу на образование детей» (31,7%), то в 2023 году это вариант спустился на шестое место по приоритетности (20,4%). Можно предположить, что причиной подобного изменения стали различные государственные программы по поддержке и развитию детей, но также (и это хорошо видно по таблице) на передний план вышли сберегательные запросы. Так, в первой пятерке находятся такие ответы, как «отложу про запас» (31%), «положу на депозит» (24,2%), «отложу, чтобы накопить на покупку» (21,2%). В то время как в 2009 году чаще говорили «потрачу» «на образование детей», «на приобретение вещей для дома» (24,9%). Но и в 2009, и в 2023 гг. важная статья расходов – это свое лечение и лечение близких (24% в 2009 году и 21,5% в 2023 году).

Хотела бы обратить внимание, что инвестирование в собственный бизнес (18,8% в 2008 году и 15,8% в 2023 году), как и расходы на самообразование (6,5% в 2009 году и 5,7% в 2023 году) не входили и не входят в перечень наиболее важных/нужных для респондентов расходов. И это наблюдение тем более актуально для таких расходов, как покупка акций казахстанских компаний или приобретение страховки для себя и своих близких (последние места рейтинга 2009 и 2023 гг.).

Таблица 3. – Предположим, что дополнительно к своему обычному доходу Вы (Ваша семья) получили денежную сумму в размере около 2000 долларов США. Как вы, скорее всего, распорядитесь этими деньгами? (сравнительные данные; отсортировано по 2023 году)

Варианты ответа	2009 г.	2023 г.
Верну ранее взятые долги	33,0%	34,0%
Отложу «про запас» (на непредвиденный случай, особые события, «черный день» и т.п.)	21,5%	31,0%
Положу в банк под процент (депозит)	20,2%	24,2%
Потрачу на свое лечение и лечение близких родственников	24,0%	21,5%
Отложу, чтобы накопить на более дорогие приобретения (дом, квартиру, дорогой автомобиль и т.п.)	16,6%	21,2%
Потрачу на образование и развитие детей	31,7%	20,4%
Вложу в собственное дело, предприятие	18,8%	15,8%
Потрачу на приобретение вещей для дома (мебель, одежда, бытовая техника и т.п.)	24,9%	10,8%
Потрачу на развлечения (удовольствия), отправлюсь в путешествие, турпоездку	3,7%	10,1%
Постараюсь добавить средств (например, заняв в долг) и приобрести участок земли, домик, автомобиль и т.п.	11,6%	7,9%
Потрачу на переквалификацию, приобретение новой специальности	6,5%	5,7%
Куплю драгоценности, золото, ювелирные изделия	2,7%	5,6%
Куплю акции или другие ценные бумаги казахстанских компаний, куплю государственные ценные бумаги	2,4%	3,8%
Приобрету страховой полис («страховку») для себя или близких	2,3%	2,0%

В разрезе по месту жительства видно, что у сельчан больше долгов, чем у горожан, они гораздо реже будут склонны выбирать различные варианты стратегии сбережения: например, в два раза реже горожан положат деньги на депозит, 30,3% и 15,4% или отложат деньги на покупку

крупных вещей. Но при этом несколько чаще сельские жители предпочтут потратить появившиеся лишние деньги на переквалификацию, приобретение новой специальности.

Таблица 4. – Предположим, что дополнительно к своему обычному доходу Вы (Ваша семья) получили денежную сумму в размере около 2000 долларов США. Как вы, скорее всего, распорядитесь этими деньгами? (2023 г., в разрезе по месту жительства)

Варианты ответа	город	село
Верну ранее взятые долги	26,2%	45,4%
Вложу в собственное дело, предприятие	17,0%	14,0%
Куплю акции или другие ценные бумаги казахстанских компаний, куплю государственные ценные бумаги	4,5%	2,8%
Куплю драгоценности, золото, ювелирные изделия	5,7%	5,5%
Отложу «про запас» (на непредвиденный случай, особые события, «черный день» и т.п.)	31,7%	30,0%
Отложу, чтобы накопить на более дорогие приобретения (дом, квартиру, дорогой автомобиль и т.п.)	22,7%	18,9%
Положу в банк под процент (депозит)	30,3%	15,4%
Постараюсь добавить средств (например, заняв в долг) и приобрести участок земли, домик, автомобиль и т.п.	9,6%	5,4%
Потрачу на образование и развитие детей	21,2%	19,2%
Потрачу на переквалификацию, приобретение новой специальности	4,7%	7,2%
Потрачу на приобретение вещей для дома (мебель, одежда, бытовая техника и т.п.)	12,0%	9,1%
Потрачу на развлечения (удовольствия), отправлюсь в путешествие, турпоездку	13,0%	6,0%
Потрачу на свое лечение и лечение близких родственников	23,8%	18,2%
Приобрету страховой полис («страховку») для себя или близких	2,5%	1,4%

Примечательно, что возрастной разрез практически не выявил различий в долях тех, кто в случае появления неожиданных денег отдаст ранее взятые долги: доли ответов колеблются в пределах 34-38%, и только в самом старшем возрасте (65+) доля «должников» 26%, но, все-таки, и в этой группе они присутствуют.

Однако, отметим, что возрастные различия в потребностях респондентов присутствуют, и это требует внимательного рассмотрения при проведении различных политик на уровне государства – от образовательно-просветительских до потребительских и экономических.

Таблица 5. – Предположим, что дополнительно к своему обычному доходу Вы (Ваша семья) получили денежную сумму в размере около 2000 долларов США. Как вы, скорее всего, распорядитесь этими деньгами? (2023 г., в возрастном разрезе)

	до 25 лет	26-35	36-45	46-55	56-64	65+
Верну ранее взятые долги	33,8%	35,3%	33,3%	38,1%	35,1%	26,0%
Вложу в собственное дело, предприятие	16,9%	19,8%	22,4%	14,8%	5,8%	4,5%
Куплю акции или другие ценные бумаги казахстанских компаний, куплю государственные ценные бумаги	3,8%	5,0%	3,2%	5,8%	1,8%	1,1%
Куплю драгоценности, золото, ювелирные изделия	6,0%	4,5%	6,1%	5,4%	9,4%	3,4%
Отложу «про запас» (на непредвиденный случай, особые события, «черный день» и т.п.)	19,2%	27,0%	28,8%	29,2%	44,4%	51,4%
Отложу, чтобы накопить на более дорогие приобретения (дом, квартиру, дорогой автомобиль и т.п.)	23,7%	27,5%	19,2%	19,1%	18,1%	12,4%
Положу в банк под процент (депозит)	23,3%	25,3%	21,2%	25,7%	21,6%	28,8%
Постараюсь добавить средств (например, заняв в долг) и приобрести участок земли, домик, автомобиль и т.п.	7,1%	8,0%	10,6%	7,0%	8,8%	4,5%
Потрачу на образование и развитие детей	15,0%	21,8%	28,8%	25,7%	13,5%	9,6%
Потрачу на переквалификацию, приобретение новой специальности	16,5%	6,5%	2,6%	3,1%	2,3%	0,6%
Потрачу на приобретение вещей для дома (мебель, одежда, бытовая техника и т.п.)	12,8%	8,5%	11,5%	13,2%	9,4%	9,6%
Потрачу на развлечения (удовольствия), отправлюсь в путешествие, турпоездку	16,9%	10,8%	5,8%	8,2%	11,1%	7,9%

Потрачу на свое лечение и лечение близких родственников	11,3%	9,0%	16,0%	21,0%	39,8%	57,6%
Приобрету страховой полис («страховку») для себя или близких	2,3%	2,0%	3,2%	1,6%	1,2%	1,1%

Резюмируя, отметим, что с течением времени происходят определенные изменения в привычках потребления и практиках сбережения населения страны. Конечно, есть те аспекты финансово-экономического поведения населения, которые не могут не настораживать и требуют коррекции: прежде всего, это потребление, невзирая на несоответствующий уровень собственных доходов, о чем сообщает существенная доля «должников» (треть опрошенных). И также стоит обратить внимание на обнищание сельского населения страны, которое практически не имеет возможности накопления и поэтому – долговременного планирования своего финансового положения. Однако нельзя отрицать и положительных изменений, которые присущи, например, молодым возрастам и которые необходимо поддерживать: так, 16,5% респондентов при получении «неожиданных» 2000 долларов готовы потратить их не на покупку нового телефона, а на переквалификацию, приобретение новой специальности.

Той как карнавал⁹¹

Илеуова Гульмира

Сравнивая казахский той с карнавалом, я не имею ввиду прямую аналогию этих двух понятий. Скорее, хочу поговорить о том, почему той, как «народно-праздничная форма», получила и получает самое широкое распространение в Казахстане на фоне значительного числа старых советских и новых независимых праздников, которые наводнили наш календарь. Не хотим день Валентина – придумаем свой День влюбленных, есть День то ли благодарения, то ли благодарности, не говоря уже Дне первого президента, Дне столицы и пр. «национальных праздниках». И поскольку большинство государственно-идеологических «дней» объединяет то, что эти праздники диктуются сверху вниз, не наполнены кон-

91 Илеуова Гульмира. Той как карнавал. 23.05.2023. – <https://nomad.su/?a=3-202305230032>

кретным содержанием и слабо укоренены в общественном сознании, то оказывается, что людям часто непонятно: для чего они, что они значат, как их отмечать и почему, в конце концов, выбран именно этот день, а не какой-то другой? В итоге имеет место формализм и скука, как со стороны организаторов праздника, так и празднующих.

А в это время количество поводов для тоев, как стихийного народного ответа, становится все более многочисленным и многообразным. Той конкретен, близок и понятен по тематике, наполнен личностным/семейным содержанием, празднуется весело, креативно, музыкально, связан с надеванием ярких и праздничных, необыденных одежд (своего рода «переодевание»), это и роднит его с карнавалом. Также ведущий мотив карнавала – это изобилие, что вполне находит свое подтверждение и в богатом и разнообразном дастархане любого тоя. Кстати, в этой связи особенно стоит обратить внимание на рыбу на столе, в виде закуски или горячего, поскольку ее наличие рассматривается как признак «достойного» дастархана. И добавим в это описание еще одну важную характеристику – все возрастающий размах тоя, увеличивающуюся численность гостей: 300 человек сейчас рассматривается как нормальный средний размер мероприятия, проводятся тои и на 500 человек, и, не удивлюсь, что может быть и большее число. Что там происходит с точки зрения организации, сервиса и достаточности еды – представить сложно. Но все это вместе – многолюдие, нарядные одежды, вкусная и обильная еда, яркие мероприятия праздничного вечера – позволяет собравшимся участникам тоя уйти от серых и монотонных будней, познать радость бытия.

На сегодня практически любое более или менее значимое для семьи мероприятие оценивается как причина для тоя и проводится, как той. И это не только традиционные шілдеhana, бесік той, тұсау кесу, сүндет той, құда тұсу, сырға салу, но и проводимые по другим поводам праздники: юбилеи по достижению определенного возраста, отправка ребенка в первый класс, уход в армию и приход из нее и т.д. А праздничные мероприятия для девушек, выходящих замуж, қыз ұзату той, иногда сопоставимы по размаху с основной свадьбой. Кстати сказать, даже ас (поминки) по умершим родственникам стали со временем превращаться в тои, пока, наконец, со стороны религиозных служителей не прозвучали слова критики и внушения, что так делать нельзя. Довелось присутствовать на поминках родственника, где один из присутствующих сказал о том, что на столе не должны присутствовать продукты более 4-х цветов, сославшись на то, что об этом он слышал в мечети – «потому что это не той».

Со временем меняется содержание тоя, оно становится все более насыщенным и разноплановым. Предлагаются сценарии и программы,

в соответствии с целеполаганием мероприятия. В связи с тем, что казахские гости не отличаются точностью прихода, для тех, кто пришел раньше, начали предлагать выпить аппертив в виде напитков, включая алкогольные, на некоторых мероприятиях можно сразу начать танцевать. Тамада, как центральная фигура-организатор, продвигает себя, как ведущего в комплексе с собственным пением. Кроме непосредственно тематических мероприятий (в связи с тем поводом, по которому собрались гости) также он предлагает дополнительные услуги в лице певцов, танцевальных групп с костюмированными номерами, проводятся конкурсы, викторины и прочие развлечения, и все это обильно сопровождается поощрениями в виде самых разнообразных подарков. В общем, веселье бьет ключом.

Наверное, те, кто чаще, чем я, ходят на тои, могут добавить еще многое другое для описания характеристик тоя. Здесь важно другое. Почему это явление стало носить столь масштабный характер, несмотря на, прямо скажем, плохое материальное положение семей – многие берут миллионные кредиты на проведение тоев и потом годами расплачиваются с ними, а также окрики и критику сверху, со стороны властей, указывающих на неправильность и ненужность такого рода расточительства?

Казахи веселый, общительный и любознательный народ – это отмечали все те, кто описывал нас на протяжении веков. Нам нужны поводы для радости и общения. Но если посмотреть, например, на то, как нам сейчас подают историю нашего народа и страны, то мы видим лишь цепь бесконечных страданий и мучений, в которой нет места позитивным событиям, которые можно было отпраздновать, т.е., оглядываясь назад мы видим только «черные» дни и возникает ощущение, что жизнь предками прожита зря, в ней нет смысла. Недавнее советское прошлое надо описывать только в негативных тонах, а деяния исторических героев и события средневекового периода, о которых с удовольствием рассказывают учебники по истории и «историческая» литература, слишком велики и далеки, чтобы их можно было перевести на понимание и практики современной жизни. К тому же, проведение тоев бедняки не могли себе позволить, это было по силам, в основном, баям, располагающим соответствующими ресурсами и имевшим необходимость подтверждать свой социальный статус.

Поэтому здесь и сейчас радуемся новому поводу для праздника, тому, что живы, есть родственники, и что можем позволить организовать для себя очередной ТОЙ.

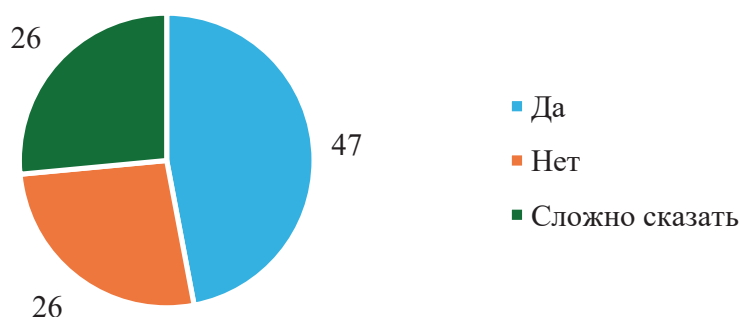
Изменения в самочувствии потребителей, перешедших на бездымные устройства для курения⁹²

Мухамедиев Азат

В июне-июле 2025 г. ОФ «ЦСПИ «Стратегия» было проведено мониторинговое исследование, основной целью которого было выявить отношение пользователей электронных сигарет и изделий для нагревания табака к мерам госрегулирования бездымных продуктов, особенно в условиях ужесточения законодательства в 2024 г. в части оборота вейпов. В ходе исследования было также интересно определить устойчивость привычки потребления электронных сигарет и изделий для нагревания табака и оценить изменения в самочувствии потребителей, полностью перешедших на электронные сигареты и изделия для нагревания табака. Ниже рассмотрим подробнее оценки респондентов, связанные с изменением самочувствия.

Как показал опрос, почти половина (47%) опрошенных из числа потребителей бездымных устройств для курения видят изменения в собственном самочувствии после отказа от обычных сигарет (см. Диаграмму 1). Равное число (по 26,5%) подобных изменений не наблюдают или ответили, что им сложно сказать.

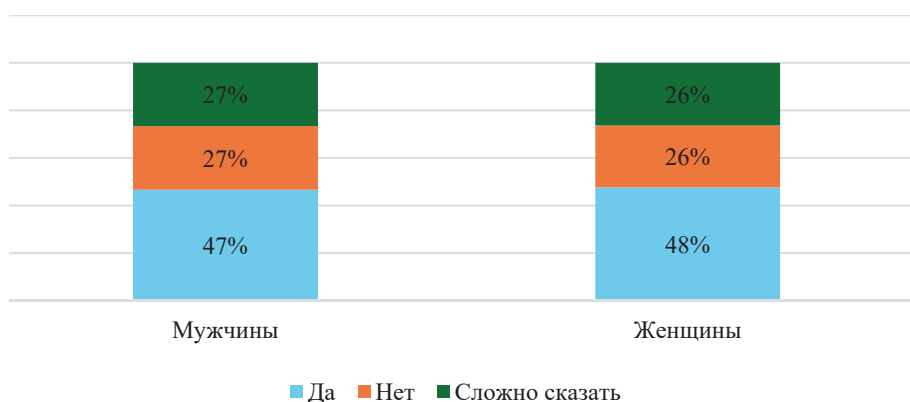
Диаграмма 1. – Наличие изменений в самочувствии после отказа от сигарет в пользу бездымных устройств для курения (%), n=872

92 Материал подготовлен по результатам исследования «Отношение пользователей электронных сигарет и изделий для нагревания табака к мерам регулирования бездымных продуктов». Полевые работы (F2F) проведены в августе 2023 года. Объем выборки составил 1293 респондента в возрасте 21+ лет. Полная версия отчета опубликована на сайте Фонда: https://ofstrategy.kz/images/Социальные_исследования/Отчет_отношение_к_мерам_регулирования_бездымных_продуктов.pdf

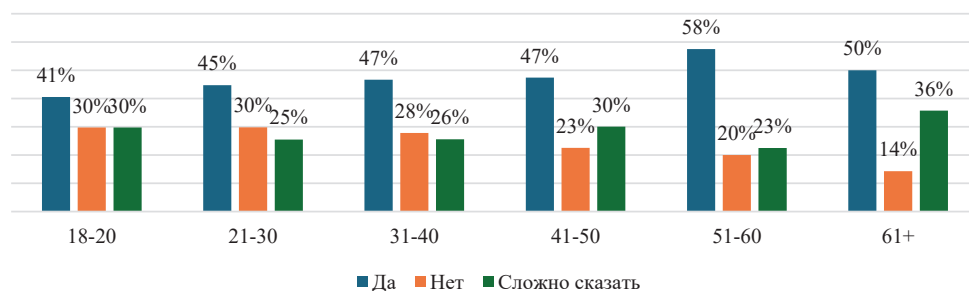
Гендерные характеристики не оказывают влияния на ответы респондентов в этом вопросе (см. Диаграмму 2). Практически нет различий в самочувствии женщин и мужчин после перехода на бездымные устройства: например, среди женщин лишь на 1% выше доля тех, кто отмечает какие-то изменения (47,7% и 46,6% соответственно).

Диаграмма 2. – Наличие изменений в самочувствии после отказа от сигарет в пользу бездымных устройств для курения (в разрезе мужчин и женщин)

Анализ данных в возрастном разрезе выявил определенные различия в оценках (см. Диаграмму 3). Так, с возрастом повышается доля тех, кто видит изменения в своем самочувствии после перехода на бездымные устройства для курения – от 40,5% в группе 18–20 лет до 57,7% в группе 51–60 лет и 50% у возраста старше 61 года. Отметим, что число тех, кто изменений в самочувствии не наблюдает, в возрастных когортах от 18 до 40 лет колеблется в пределах 28–30% с последующим снижением в более старших группах (например, 14,3% в возрасте 61+).

Диаграмма 3. – Наличие изменений в самочувствии после отказа от сигарет в пользу бездымных устройств для курения (в возрастном разрезе)

Главным изменением в самочувствии после отказа от обычных сигарет в пользу бездымных устройств, о котором сказало подавляющее большинство опрошенных (78,6%), является снижение дискомфорта от неприятного табачного запаха (см. Диаграмму 4).

Сравнительно важными изменениями в этой связи можно считать и снижение беспокойства от кашля и одышки, повышение одобрения со стороны окружающих и подъем самооценки, а также снижение уровня стресса и нервозности.

Диаграмма 4. – Описание изменений в самочувствии после отказа от сигарет в пользу бездымных устройств для курения (%), n=410

Среди других изменений назывались такие, которые можно отнести, как позитивным, так и негативным (см. Таблицу 1).

Таблица 1. – Другие изменения после отказа от сигарет в пользу бездымных устройств (после обработки ответов «другое»)

позитивные	негативные
возможность курить в любом месте; удобно, могу курить дома, не выходя на балкон исчезла головная боль, меньше болит голова не сгорела одежда; перестал прожигать вещи	першит в горле стала задыхаться, появился кашель, одышка болит желудок
снизилось давление	

Интересны различия в описании изменений самочувствия женщин и мужчин (см. Диаграмму 5). Так, при том, что практически однозначно на первом месте положительных последствий опрошенные обоих полов назвали снижение дискомфорта от неприятного табачного запаха, мужчинами изменения в самочувствии оценены с более высокой процентной наполняемостью/интенсивностью, т.е., для них изменения более выражены, чем для женщин.

В общем, для мужчин важными представляются такие изменения, как снижение беспокойства из-за отдышки и кашля, повышение одобрения со стороны окружающих и улучшение самооценки, снижение нервозности и чувства усталости на фоне повышения работоспособности. В то же время женщины обращают больше внимания на такие изменения, как улучшение состояния кожи и цвета лица, сна, общего состояния здоровья, а также на нормализацию аппетита, обоняния, работы вкусовых рецепторов.

Диаграмма 5. – Описание изменений в самочувствии после отказа от сигарет в пользу бездымных устройств для курения (в разрезе женщин и мужчин)

В возрастном разрезе ответы на поставленный вопрос выявили определенные специфики. Так, во всех группах чаще всего отмечают снижение дискомфорта от табачного запаха (минимальная доля в группе 18–20 лет (66,7%), максимальная – в группе 21–30 лет (80,5%). Однако интересно,

что самые молодые (вполне естественно) важным изменением считают повышение одобрение со стороны окружающих, в то время как в самой старшей (61+) группе для 42,9% важное изменение – это снижение нервозности и уровня стресса. При этом в возрастных когортах от 21 года до 60 лет на втором месте отмечено такое положительное изменение, как снижение проблем с кашлем и одышкой.

Таблица 2. – Описание изменений в самочувствии после отказа от сигарет в пользу бездымных устройств для курения (в возрастном разрезе, %)

Изменения	18–20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	61+
Повысилась работоспособность	11,1	8,0	10,6	9,5	12,8	-
Повысилась самооценка	22,2	19,5	20,0	17,9	19,1	14,3
Повысилось одобрение со стороны окружающих	33,3	16,8	25,0	21,4	12,8	28,6
Пропала нервозность, снизился уровень стресса	16,7	20,4	12,5	15,5	23,4	42,9
Пропало чувство усталости, вялости	11,1	9,7	10,6	13,1	8,5	14,3
Стали меньше беспокоить отдышка и кашель	16,7	24,8	28,8	35,7	40,4	28,6
Улучшился сон	-	3,5	6,3	13,1	6,4	-
Улучшилось состояние кожи и цвет лица	5,6	11,5	13,1	11,9	12,8	-
Нормализовался аппетит, обоняние, вкусовые рецепторы	5,6	7,1	10,0	15,5	10,6	14,3
Снизился дискомфорт по поводу неприятного табачного запаха	66,7	80,5	79,4	77,4	78,7	71,4
Улучшилось общее состояние здоровья (меньше стал обращаться к врачам, реже болеть)	-	8,0	8,1	16,7	17,0	14,3

Как показали результаты исследования, использование бездымных устройств, по субъективным оценкам потребителей, чаще оказывает позитивное влияние на их самочувствие. При этом практически нет различий в самочувствии женщин и мужчин после перехода на бездымные устройства – они отмечают в равной мере как наличие, так и отсутствие

изменений. Эти изменения чаще проявляются с возрастом: чем старше потребитель, тем чаще он отмечает влияние бездымных устройств на собственное самочувствие.

Главным изменением в самочувствии после отказа от обычных сигарет в пользу бездымных устройств является, конечно же, снижение дискомфорта от неприятного табачного запаха. Сравнительно важным изменением в этой связи можно считать также снижение беспокойства от кашля и одышки, а также снижение уровня стресса и нервозности. Немаловажными можно считать изменения не только в состоянии здоровья, но и в аспекте социальных взаимоотношений: каждый пятый отмечает повышение одобрения со стороны окружающих и подъем самооценки.

Мужчинами изменения в самочувствии выделены с более высокой процентной наполняемостью/интенсивностью, т.е., для них изменения более выражены, чем для женщин. При этом для них более важными оказались такие изменения, как снижение беспокойства из-за одышки и кашля и повышение одобрения со стороны окружающих, в то время как у женщин – улучшение состояния кожи и цвета лица, сна, общего состояния здоровья, а также на нормализацию аппетита, обоняния, работы вкусовых рецепторов.

Почему я атеист?⁹³

Омаров Мад

Поскольку наше исследование направлено прежде всего на то, чтобы продемонстрировать, насколько атеисты чувствуют себя комфортно в современном светском Казахстане, был использован метод глубинных направленных интервью с атеистами. Было проведено 16 интервью в 5 обследуемых городах с респондентами в возрасте от 19 до 62 лет, которые позиционировали себя как атеисты.

Использование данного метода в нашем исследовании было необходимо для того, чтобы понять, во-первых, что стало причиной формирования у атеистов их убеждений, во-вторых, что представляют собой их

93 Фрагмент из книги «Светскость и атеизм в современном Казахстане» – Алматы: Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», 2023. – с. 104-115. Электронная версия книги: <https://ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/856-chitaem-o-svetskosti-i-ateizme>

убеждения (насколько те убеждения, которых они придерживаются, соответствуют научным определениям) и в-третьих, как живется атеистам в их городах? Подвергаются ли они дискриминации или, напротив, ощущают себя полноценной частью общества? Испытывают ли они дискомфорт, когда открыто выражают свои убеждения или же делают это без каких-либо проблем? Возникают ли у них конфликты с семьей и окружением по поводу их взглядов или же к ним относятся толерантно, с принятием? Ответы на эти вопросы будут даны в этой главе.

Прежде всего, на наш взгляд, необходимо установить, в каких условиях происходило становление атеистов как личностей. В каких семьях и в каких условиях они воспитывались, и что стало причиной формирования у них атеистических убеждений.

Семья. Воспитывались и росли опрошенные атеисты в разных условиях. У кого-то семьи были полными, а кого-то воспитывал только один из родителей. У кого-то в воспитании принимали участие бабушка и(или) дедушка, тогда как у других они либо не принимали участие, поскольку жили в других местах, либо же умерли. Также у кого-то были братья и сестры, а кто-то был единственным ребенком в семье.

Большинство атеистов, с которыми были проведены интервью, родились в обычных, среднестатистических семьях, которые были не слишком религиозными. По свидетельствам участников интервью, вся религиозность родственников сводилась к периодическим выполнениям тех или иных религиозных ритуалов и обрядов в связи с религиозными праздниками или прочими событиями (свадьба, похороны и т.д.). При этом, как отмечают многие атеисты, глубинного понимания данных действий у их родителей нет, а делают они их «по привычке» или потому что «так принято в обществе», *«Мои родители более светский образ жизни вели, они мусульмане только на словах», «Мама отмечала пасху вместе с детьми, приезжала к нам в гости, была здесь, они красили яйца, вот это все было, но они никуда не ходили», «Родители могут соблюдать обряды, только если это некий особый повод: свадьба, той или похороны кого-либо».* Либо же, называя себя верующими, они вовсе не соблюдают никаких религиозных обрядов и практик, *«Родители у меня христиане, они верят, но верят, как бы в душе, никуда тоже не ходят», «Мои родители выросли по сути в таких семьях, что можно сказать, что они агностики, то есть, они не отрицают существования Бога, но и не придерживаются каких-либо вероисповеданий».*

Вместе с тем, у некоторых опрошенных атеистов родители являются глубоко религиозными людьми, *«Моя мать, она является, наверное, ре-*

лигиозным человеком, но никакой агрессивной позиции с ее стороны я не замечал», «Моя мать ходит регулярно на протестантские собрания», «Отец читал намаз. Но читал после того, как вышел на пенсию», «Мама читала намаз, но она, когда я еще маленький был, она уже была старушка. Она читала, да, 3 раза в день читала намаз», «Родители тоже очень фанатично относятся к этим традициям, что ребенок должен быть крещеным, под крестом, под чей-то тенью ходить и т.п. Они мне всегда это все размусоливали, мне это было не интересно, я всегда задавался для себя вопросом «зачем?»».

Отметим, что у части респондентов были или есть в близком окружении крайне религиозные люди, которые при общении пытаются обсуждать с опрошенными религиозные темы, «У меня есть родственники, которые более религиозные. Например, мой брат двоюродный, на 2 года старше. Он по образованию даже будущий молда». Интересно, что у многих атеистов в семьях имеются религиозные атрибуты (священные писания/книги, иконы), которым, однако, они не придавали большого значения, «Иконы есть, но не так много, 1 или 2 на всю квартиру, они просто где-то стоят, даже иногда пылью покрываются», «Есть несколько экземпляров Корана», и, в целом, все опрошенные атеисты охарактеризовали уклад жизни своей семьи как современный.

В детстве в отношении части атеистов проводились (или были попытки проведения) религиозные обряды и ритуалы, такие как крещение и обрезание, «Да, я крещенный. Меня хотели крестить именно в православной церкви в России, и при первой моей поездке, мне тогда было 5–6 лет где-то, меня тогда и крестили», «Меня мать тайком покрестила, маленькая я была», «Мне обрезание делали. И внуку делали, хотя внук у меня обрусевший, и дочь тоже», однако некоторые из интервьюируемых отмечали, что не позволили провести в отношении себя религиозные обряды, «Когда меня хотели крестить, в школе было, лет 12–13, я сказал, что не вижу смысла».

В то же время каких-либо глубинных разговоров о религии, как отмечают респонденты, родители с ними не проводили. По их словам, в семье либо вовсе не обсуждались вопросы религии, либо же обсуждались поверхностно, ограничиваясь лишь констатацией того, к какой религии принадлежит семья, «Когда меня крестили, я их всегда спрашивал «зачем?», а они мне: не парься, так надо, что случилось – то случилось, не задумывайся о том, что мы сделали», «Про религию мы ни о чем не разговаривали. Вообще ничего такого не было, ни про мусульманство, ни про христианство», «Никогда этого не было, никогда даже об этом не говорим, у нас даже это не принято». Лишь немногие указали, что

родители вели с ними разговоры на религиозную тему, *«Ну, мне мама всегда говорила: «надо верить», «надо ходить в мечеть», «надо намаз читать» чисто для себя».*

Причины формирования атеистических убеждений у каждого респондента также были разными. Для кого-то толчком к атеизму стал просмотр документальных и научно-популярных фильмов (*«смотрел научно-популярные фильмы, это больше меня и мое мировоззрение сформировывало»*) или чтение научной и научно-популярной литературы (*«книги такого, больше научного формата, которые рассказывают про то, как зарождалась планета и эволюционировал человек и так далее»*), а для других – нежелание посещать религиозные объекты (церковь, мечеть) в детском возрасте (*«вот мы ходили, ходили в церковь, поначалу даже интересно было, но после 6 и более раз, когда я уже одно и то же вижу, одно и то же слышу, меня начинает это немного раздражать, и я теряю любой смысл, зачем это делать»*). Третьи же просто стали сомневаться в существовании Бога, поскольку не видели «результатов» молитв и других обрядов (*«смотришь какие-то фильмы, когда они там что-то молятся, у них там что-то получается, а когда ты сталкиваешься с реальностью и не фига не получается, потому что оказывается надо было самому делать, а не уповать на кого-то, тогда да, само приходит в голову»*).

Часть атеистов пришло к своему мировоззрению в результате долгих размышлений на эту тему или в результате общения с друзьями и знакомыми, *«разговоры, наверно, с друзьями привели к тому, что скорее, на данный момент, я не думаю, что существует Бог и так далее».* Однако тех, кто пришел к атеистическому мировоззрению через чтение научной или специальной литературы и просмотр научных фильмов, среди опрошенных нами респондентов немного. Большинство атеистов не читали литературу или другую информацию по данной теме и в целом не углублялись в нее.

Возраст, когда атеисты впервые осознали себя таковыми, у всех разный. Некоторые атеисты поняли, что не верят в Бога, еще в раннем детстве, примерно в 6–7 лет. Чаще всего впервые происходило осознание отсутствия веры в Бога в подростковом возрасте, примерно в 13–16 лет. Небольшая часть атеистов пришли к данному мировоззрению уже после 20 лет. В то же время никто из респондентов не указал, что пришел к атеизму в зрелом возрасте. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что становление атеистических убеждений у многих людей происходит в молодом возрасте, до 30 лет.

Определение сути атеизма. Что же касается понимания того, чем является атеизм, то большинство респондентов отметили, что основное значение, которое они вкладывают в этот термин, – это отсутствие веры в Бога, *«я полностью не верю в Бога, я считаю, что это выдуманный какой-то персонаж»*. При этом каждый опрошенный нами атеист вкладывает в этот термин и свои дополнительные значения.

Для некоторых атеизм – это отсутствие «фанатизма» и свободное отношение к жизни и некоторым вещам, *«Верующие отказывают себе в чем-то «мирском», та же самая еда, мусульмане не едят, к примеру, свинину. И я не могу разделять их точку зрения, что из-за религии я могу себе отказать в чем-то, что могло бы меня удовлетворить»*, *«Лично для меня атеизм, это форма индивидуальной свободы»*, *«Просто, легко, свободно жить, в хорошем смысле. Не привязан ни к чему. Ни к богу, ни к религии»*. Для других – это научное мировоззрение, *«я считаю, что по существу мы подчиняемся физическим законам, есть физика и есть химия, и природа, она состоит из физических и химических реакций. И я считаю, что единственными законами, которые мы подчиняемся, это и гравитация, и все физические законы. А то, что божественное что-то внушают, я считаю, что это все равно управление народом, просто толпой, дурят мозги»*. Для третьих же дополнительное значение атеизма – это опора на свои силы, вера в себя и собственные возможности и действия, *«Атеисты больше на себя рассчитывают, чем на помощь чью-нибудь и не верят в какие-то там чудеса»*, *«Я считаю, что я могу полагаться только на свои силы, на свои амбиции, и буквально верить только в мир отражения моих собственных действий»*, *«Быть атеистом, наверное, просто, скорее не верить в существование какой-то Высшей Силы и там какие-то молитвы, а скорее больше верить, не знаю, в себя и собственные силы»*.

Большинство атеистов на вопрос о том, как, по их мнению, появился человек, ответили, что человек появился в результате эволюции, *«микроб зарождается, вот так и растет. Эволюция происходит, происходит. Может когда-то мы были обезьянами или собаками, или рыбами, может и микробами были. Эволюция происходит несколько сотен тысяч лет уже, эволюция идет же»*. Впрочем, многие атеисты высказывали и экзотические гипотезы относительно происхождения человека, *«наверное, кто-то свыше и есть, но я считаю, что это скорее даже инопланетяне, а не Аллах или Бог, скорее всего, это инопланетяне. Честно говоря, и в Дарвина-то я не сильно верю, что человек произошел от обезьяны»*, *«Если слушать философов, они считают, что был какой-то космический план, а может мы искусственно где-то были созданы»*.

В то же время нельзя сказать, что опрошенные нами респонденты вкладывают в понятие атеизма в принципе отсутствие веры в сверхъестественное. Некоторые участники интервью не до конца уверены в правильности своего мировоззрения и не исключают, что «придут к Богу и религии» в будущем, *«Я не скажу, что я прям 100% не верю в Бога, но ко мне не пришло это еще», «Сейчас я думаю, что сейчас правильно думаю. Может через 10 лет может мнение изменится. Может я вообще мусульманином, может христианином стану. Может буддистом стану. Черт его знает».* Более того, некоторая часть опрошенных нами атеистов верит также и в другие сверхъестественные явления, такие как судьба, вещие сны, народные приметы, проклятия и колдовство (порча, черная/белая магия), *«Да, я верю в судьбу, это как раз то неопишное, на что я не смогу дать точного ответа», «В судьбу верю, в магию тоже верю, в проклятия всякие. Ну, вот делают же магические ритуалы, это тоже действует, я не знаю, как, но действует».*

О том, что их ждет после смерти, большинство атеистов стараются не думать. Многие предполагают, что будет естественный физический процесс («тлен»). Соответственно, большинство также не задумывается о том, каким образом их будут хоронить. Некоторые высказали пожелание, чтобы их кремировали, а некоторые сказали, что после смерти им все равно как их похоронят, *«Мне это уже неважно будет, пусть хоть танцуют», «После смерти мне все равно, лишь бы куда-нибудь закопали, чтобы труп на улице не валялся, вот и все, после смерти мне уже все равно».*

Взаимодействия атеистов с окружающими. У каждого атеиста своя история взаимоотношений как с семьей, так и с обществом. Около половины респондентов этой группы отметили, что в семье приняли их убеждения спокойно, без какого-либо давления, а у некоторых атеистов, члены семьи также являются нерелигиозными людьми. Они лишь отмечали, что со стороны верующих членов семьи задавались вопросы, по какой причине они пришли к атеизму, *«там были сначала вопросы «почему? зачем? как?», но ты им объясняешь это очень просто, они не препятствуют этому», «Я не скажу, что была какая-то бурная реакция, в целом, отнеслись нормально и какого-то осуждения, неприятия, этого я не почувствовал».*

Другая часть атеистов отметила, что у них на почве религии были конфликты с близкими родственниками, *«Просто так сидели за столом и я признался. И это был небольшой конфликт в семье, пришлось даже на какое-то время переехать к друзьям», «Родственники отнеслись негативно. Они пытались меня долгое время переубедить, доказать суще-*

ствование идеалистических сил, но у них это не получилось». Так что вполне понятно, почему отдельные респонденты испытывали страх перед негативной реакцией родственников, *«Страх какой-то был, небольшая боязнь. Потому что это же редко, наверно. И не то, чтобы не принято, но скорее редко»*. А некоторые атеисты и вовсе не сообщали членам семьи о своих взглядах.

Большинство атеистов имеет разнообразное окружение, в котором есть как атеисты и агностики, так и верующие, *«Есть конечно друзья агностики, есть атеисты. Есть конечно и люди, которые читают намаз, какие-то одноклассники, есть и христиане немногочисленные»*. И возможно поэтому при общении с окружающими они стараются не затрагивать вопросы религии и атеизма, *«у нас нет как такового обсуждения по поводу Бога, его отсутствия или наличия, так, бывает иногда за чашкой кофе или горячительного чего-то, так, невзначай, а так обычно обсуждаем личную жизнь или что-то подобное»*, *«почему-то мы такие темы не затрагиваем»*.

По наблюдениям атеистов, когда они знакомятся с новыми людьми, их, как правило, идентифицируют, относя к тому или иному вероисповеданию, причем, во многом на основании этнического происхождения, *«Меня принимают, думают, что я мусульманин. Вот ты казах, значит ты мусульманин. Так думают»*, *«я на внешность полная казашка, ни у кого и в мыслях нет, что я атеистка, никогда»*. При этом опрошенные рассказывают, что когда они говорят о своем отношении к религии и Богу, то сталкиваются с непониманием со стороны верующих людей, *«Когда я пытаюсь это донести другим людям, для них это чуждое, они этого не понимают. И у меня были десятки раз, когда я людям рассказывал, какие у меня взгляды, они этого не понимают и начинают это размусоливать, хотя это в целом это не требует какого-то обсуждения»*.

Участники интервью неоднократно сталкивались с попыткой верующих людей переубедить их, повлиять на мировоззрение, *«Они начинают меня переубеждать, потому что они опять же относятся очень фанатично к своей собственной религии»*. Некоторые атеисты рассказали, что подвергались осуждению, *«осуждают меня за то, что не держу оразу»* и даже агрессии со стороны других людей из-за своих атеистических убеждений, *«Бывало, что вот старики могли и замахнуться, могли и камень кинуть в тебя, что ты типа, как тебя воспитывали, начинают сразу задевать родителей, неприятно становится. Столько слов было, пришлось им ответить. Во двор выхожу, а они уже за мной, один камень поднял на меня. Потому что без платка и сказала свое мнение, что я не верю в это, с этого началось»*.

Говорили: детей так плохо воспитываешь, они потом будут и пьяницы, и обманщики».

Но, в целом, большинство атеистов отмечает, что им довольно легко контактировать с религиозными людьми. Религиозность других людей не является для них препятствием к общению или дружбе, пока они принимают атеистические взгляды спокойно и не пытаются навязать свое мнение. Но многие из них испытывают чувство раздражения, когда окружающие их люди начинают слишком много говорить о Боге или навязывать свои религиозные убеждения, *«Меня раздражают люди, которые пытаются навязать, люди, которые не знают свою религию», «меня раздражает это, когда человек постоянно вот это говорит. У нас была такая девочка в школе, коллега, она постоянно «Бог с вами», меня это раздражало, эта постоянная тематика о Боге».*

В свою очередь атеисты говорили, что обычно они не пытаются повлиять на других людей, с целью изменить их мировоззрение, *«Я не буду религиозного человека убеждать в том, что он, того, во что он верит – не существует, и что это неправда. То есть, это уже – личные границы, наверное. Дело каждого человека».* Но у некоторых из них бывали случаи, что им доводилось вступать в споры с другими людьми на тему религии и атеизма, *«Споры были, но я не скажу, что они были прямо очень агрессивные какие-то. Но они были какие-то оживленные, может быть чуть громкие, но прям агрессивных не было».* При этом возможность свободно и открыто высказывать свои убеждения для атеистов важна, поскольку это своего рода форма индивидуальной свободы, *«Я думаю, что очень важно. В плане мне кажется это важно для каждого и тут не только про атеистические убеждения, а в целом про какие-то свои личные, что у каждого человека должна быть возможность высказывать мнение и не быть осужденным, если его мнение не обижает или, не знаю, нарушает чьи-то свободы и границы».* Хотя находились и те, кто не считал такое самовыражение необходимым, *«Мне это не особо важно. Я не буду вставать и кричать «я атеист!», кто верит – тот верит, а я сам по себе».*

Атеисты и религиозная обрядность. Почти все атеисты, с которыми было проведено интервью, посещали или продолжают посещать мероприятия, связанные, например, с похоронами и свадьбами, т.е., местами, где проводятся религиозные обряды. При этом каждый ведет себя в этих условиях по-разному. Кто-то отказывается принимать участие в религиозных обрядах (что также, по их словам, приводит к непониманию или осуждению со стороны других людей, *«не могу почему-то носить платок, хоть меня и осуждают за это»*), а кто-то участвует в них. Те, кто

принимают участие в религиозных обрядах, делают это, как минимум, по двум причинам: из уважения к остальным («Да, просто из уважения к человеку. Бывал я на похоронах близких, родственников, родители знали, и они: не надо ничего говорить, родственники же, уважение просто и все») или из-за нежелания вступать в споры и конфликты («В принципе я так же, как и все, стою и делаю все, чтобы особо не выделяться. Понимаете, у нас же такие, скажут вот этот невоспитанный, туда-сюда. Просто, чтобы не выделяться, никому ничего не доказывать. Спокойно так же стоишь и все»).

Атеисты в социальных реалиях. Все атеисты, с которыми были проведены интервью, указывают на то, что их мировоззрение никогда не было препятствием для трудоустройства или карьерного роста, «Я не видела, чтобы кого-то ущемляли в плане работы», а также для получения образования. Некоторые атеисты отметили, что если в школе и были попытки со стороны отдельных учителей привить религиозное мировоззрение, то в высших учебных заведениях, с этим никто не сталкивался, «в школе – может быть и были попытки, хотя я не могу припомнить такое со 100% вероятностью. В университете академическая среда отличается некой светскостью, которая не позволяет наличие каких-либо столь фундаментальных религиозных настроений в университете». То же самое касается и армии. Респонденты, которым довелось пройти срочную службу, указывали, что в армии им приходилось сталкиваться с непониманием со стороны сослуживцев, но это не было агрессией, «Я ни разу не попал за такой стол, где бы меня заставляли складывать руки. Было наверно в армии, но это тоже надо объяснить, просто не надо растягивать и использовать непонятные для них термины, а просто говоришь, как есть». Кроме того, некоторые указывали, что в воинской части, наоборот, не приветствовали какое-либо проявление религиозности, «есть армейский Устав, там все написано, что нужно знать про армию, все, что тебе нужно делать. Все, что там не написано, это тебя не касается, свою личную жизнь оставь дома».

Как показало исследование, большей части атеистов достаточно комфортно жить в Казахстане, и они не задумывались об эмиграции из страны по причине дискриминации из-за своего отношения к религии. Если кто-то и размышляет насчет эмиграции, то только по экономическим соображениям. И в этой связи не может не удивлять, что значительная часть опрошенных нами не были в курсе, что Казахстан является светским государством, и не знали, что такое «светское государство» в принципе. Тем не менее, даже те, кто не знаком с этим термином, отмечали, что они не испытывали и не замечали какой-либо дискриминации по прин-

ципу убеждений со стороны государства, *«Я не сталкивалась с таким, чтобы государство кого-то преследовало бы по религиозным мотивам, я таких фактов даже не наблюдала никогда», «Я не видела, чтобы кого-то ущемляли».*

Но что касается вопроса равноправного отношения государства к религиозным группам, а также к атеистам, то здесь мнения опрошенных нами атеистов разделились. Если одна часть респондентов считает, что государство одинаково относится ко всем религиозным и нерелигиозным группам в стране, не уделяя кому-то особого внимания или напротив, не притесняя кого-либо по религиозному признаку, *«я считаю, что, государство для этого ничего не делает, но оно и не должно делать, относится ко всем одинаково»*, то другая часть респондентов убеждена, что государство уделяет особое внимание и предоставляет больше преимуществ исламу и мусульманам. А некоторые респонденты подчеркивают, что государство в этом плане не до конца придерживается светских принципов. *«у нас имеются преференции в сторону, в частности, мусульман. Я думаю, что они в некотором роде в союзе. Государство определяет нормативные рамки религиозных процедур, а взамен религия поддерживает институты власти», «У мечетей больше преимуществ. Потому что мечети везде, везде строятся, открываются».*

Отношение к тому, что высшие должностные лица Казахстана используют религиозную тематику в публичных выступлениях и при формировании своего имиджа, у всех атеистов разное. Некоторые из них считают, что подобное поведение со стороны политиков и государственных служащих вполне объяснимо и оправдано, поскольку большая часть казахстанцев относит себя к той или иной религии и соответственно, для того чтобы найти общий язык с населением, они идут на подобные шаги, *«Нормально вполне. Наверное, потому что большинство у нас мусульмане», «Кто-то это делает, потому что действительно верит, а кто-то это делает просто, чтобы за него голосовали, может быть, к его мнению прислушивались».*

Другим респондентам, напротив, не нравится, когда должностные лица государства пытаются эксплуатировать религиозную тематику, поскольку это, по их мнению, недопустимо, *«Президент, как личность, которая исполняет определенную волю народа, возможно он не должен транслировать такие идеи, религиозные».* Такие мероприятия, как проведенный в 2023 году ауызашар в резиденции Президента Акорде, также вызвали неоднозначную реакцию у опрошенных нами атеистов. Если одни отнеслись к этому нормально, *«Да вполне нормально. А что здесь такого? Ничего страшного, абсолютно. Я много раз ауызашары делал и участво-*

вал в ауызашарах, проблем в этом нет», то другие выражали неприятие и даже осуждение этого мероприятия, *«Я против. Лично я против. Если хочешь – сделай ауызашар, а зачем это по телевизору транслировать?»*, *«Ой, ужас, это так низко было, ужасно. Стыдно за этих людей, они не такие же люди прям голодающие, и так себя унижали»*.

Что же касается объявления некоторых религиозных праздников выходными днями в Казахстане, то почти все опрошенные нами атеисты относятся к этому положительно, поскольку для них эти дни также являются выходными, *«Хорошо, я отдыхаю. Вообще без разницы, больше выходных. У нас в Казахстане хорошо, что и мусульманские праздники отмечаются, и христианские. Религиозным людям плюс, они там отмечают, а нам плюс – мы отдыхаем»*. Некоторые даже и сами готовы отмечать религиозные праздники, *«Нормально отношусь. Я, наверное, может и сам буду праздновать»*. Но были и те, чье отношение к этому было неоднозначным, *«Я считаю, что разгрузка рабочих дней является существенно позитивным аспектом, но брать за основу религиозные праздники, как мне кажется, не слишком хорошо»*.

В отношении ответственности за оскорбление чувств верующих или атеистов, большинство респондентов считает, что уголовной ответственности за это быть не должно. В то же время часть респондентов считает, что должна быть административная ответственность, если есть факт прямого оскорбления, *«Ну такая административная, наверное. Не серьезное что-то. Так просто сначала поставить предупреждение, объяснить, как полагается. В виде штрафа в несколько МРП»*. Другая часть считает, что ответственность должна быть не за «оскорбление чувств», а непосредственно за оскорбление личности, *«Если оскорбление самого человека, как личности – то должна быть, а насчет чувств верующих – сложно говорить»*. Третьи же полагают, что никакой ответственности не должно быть вовсе, *«Это лишило бы меня свободы, в частности, вести дискуссии в сторону отрицания религии в некотором роде»*.

Говоря о ношении хиджабов и других религиозных атрибутов в школах, большинство атеистов выразили свое отрицательное отношение к этому. Причем, если одни в качестве аргументов использовали необходимость дать ребенку свободу выбора, *«Считаю это неправильно, ребенок должен вырасти, а потом уже сам решить. А то, что это, девочке 4–5 лет, а она уже в хиджабе»*, то другие говорили о недопустимости религиозной пропаганды, которая выражается в ношении религиозных атрибутов, *«Моя личная оценка, что да, надо это запретить, поскольку ношение религиозных атрибутов в столь открытой форме является по сути тоже своим методом пропаганды религиозных настроений в обществе»*.

Подводя *итог проведенных интервью* с атеистами, можно сделать ряд выводов о их самочувствии в Казахстане. Во-первых, большинство атеистов выросли в светских семьях, в которых тема религии не была в повестке дня. Как правило, члены семьи если и выполняли те или иные религиозные ритуалы и обряды, то делали это лишь изредка, по особым поводам. Лишь у немногих атеистов члены семьи были глубоко религиозными людьми.

Во-вторых, все атеисты становятся таковыми в молодом возрасте: либо в юности, либо до 30 лет. Ни один из атеистов, с которым было проведено интервью, не стал таковым в зрелом возрасте.

В-третьих, почти все атеисты сходятся во мнении, что атеизм – это прежде всего отсутствие веры в Бога, но многие вкладывают в это понятие дополнительные смыслы. При этом нельзя сказать, что у всех опрошенных нами атеистов отсутствует так называемое религиозное сознание: многие из них верят в другие сверхъестественные явления, такие как судьба, народные приметы, колдовство и т.д.

Во-четвертых, у многих опрошенных члены семьи довольно спокойно восприняли тот факт, что они являются атеистами, хотя и были попытки переубедить или как-то повлиять на мировоззрения. Впрочем, у некоторых атеистов были и конфликты с родственниками, но в итоге, они все равно принимали их выбор.

В-пятых, большинство атеистов не испытывает проблем с коммуникациями в связи со своими убеждениями. Они имеют разнообразное окружение, которое включает в себя, как агностиков и атеистов, так верующих. Друзья относятся к атеистическим убеждениям терпимо, однако при общении с верующими тема религии, как правило, не затрагивается.

В-шестых, при общении с незнакомыми людьми атеистам часто приходится вступать в споры и конфликты на тему религии и атеизма. В основном, новые знакомые делают попытки переубедить атеистов, повлиять на их мнение, либо же убедить в том, что они неправы. В некоторых случаях имеют место факты нескрываемого осуждения и открытой агрессии. Кроме того, несколько атеистов упоминали и то, что некоторые люди переставали с ними общаться, узнав, что они являются атеистами.

В-седьмых, многие атеисты стараются не афишировать свои убеждения и говорят о них только тогда, когда их спрашивают об этом. При этом отмечают, что их принимают за верующих стереотипно на основании этнического происхождения.

В-восьмых, атеисты не видят того, что государство проводит дискриминационную политику по религиозному признаку. Но в то же время значи-

тельная часть участников интервью считает, что имеет место содействие продвижению ислама на государственном уровне. Отношение атеистов к использованию религиозной риторики государственными должностными лицами разное: от понимания и принятия до полного отрицания и возмущения. Однако установление выходных дней в религиозные праздники, большинством атеистов воспринимается позитивно.

В завершении следует отметить, что никто из атеистов не задумывался об эмиграции из Казахстана по мотивам преследования за свои убеждения. Большинство в ходе интервью отмечало, что проживать в Казахстане им достаточно комфортно. Вместе с тем, наличие фактов неприятия их убеждений со стороны верующих, выражающихся в том числе в виде открытой агрессии, говорит о рисках того, что атеисты потенциально могут стать дискриминируемой группой. Этому же может способствовать и растущая, по мнению атеистов, открытая поддержка религии со стороны представителей государства.

Материальное положение, тревоги и надежды казахстанской семьи⁹⁴

Коспанов Расул

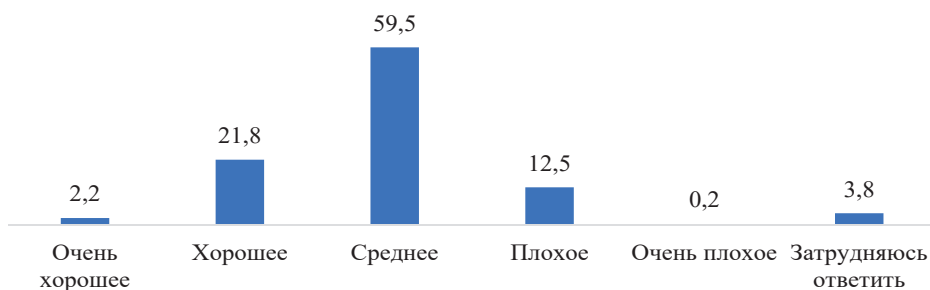
«Семья – это первичная ячейка общества» – утверждал Аристотель, подчеркивая ее ключевую роль в жизни государства. От того, как семьи оценивают свое материальное положение, зависит не только их потребительское поведение, но и социальная устойчивость страны в целом. Анализ ожиданий и самоощущений становится важным индикатором общественного климата. Он позволяет не только зафиксировать текущие социально-экономические реалии, но и выявить скрытые тревоги, надежды и ориентиры, определяющие внутреннюю стабильность и вектор развития общества. Весной текущего года ЦСПИ «Стратегия» провел опрос, в котором были затронуты вопросы материального положения казахстанской семьи. В ходе исследования были зафиксированы текущие оценки казахстанцев об экономическом положении их семей, финансовых практиках и ожиданиях на следующий год. В рамках опроса было опрошено 1 100 респондентов из девяти регионов и 23 населенных пунктов страны.

94 Статья опубликована на сайте Фонда: <https://ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/924-materialnoe-polozhenie-trevogi-i-nadezhdy-kazahstanskoj-semii>

Текущее материальное положение

По результатам исследования, более половины (59,5%) респондентов оценили текущее материальное положение своей семьи, как среднее. Четверть (24%) опрошенных считает, что экономическая жизнь их домохозяйства скорее хорошая. 12,7% назвали материальное положение своей семьи плохим или очень плохим.

Диаграмма 1. – Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение Вашей семьи (% от общего числа опрошенных)

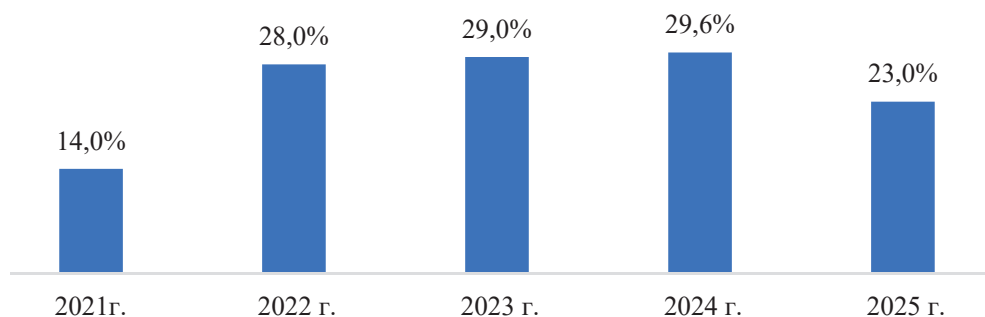
Как показали ответы респонденты, в обществе представлены следующие самые большие группы по доходам: 15,9% имеют среднемесячный общий доход в диапазоне от 150 000 до 200 000 тенге; 15,6% – от 250 000 до 300 000 тенге; 14,6% – от 350 000 до 400 000 тенге; 13,7% – от 400 000 до 500 000 тенге. Доли самой малообеспеченной (общий доход менее 100 000 тенге) и самой богатой (выше 700 000 тенге) примерно равны – 2,9% и 2% соответственно.

Таблица 1. – Скажите, пожалуйста, сколько денег, в среднем за месяц, получает вся ваша семья (все члены вашей семьи) из всех источников дохода?

Тенге	%
до 100 000	2,9
100001-150000	6,8
150001-200000	15,9
200001-250000	7,4
250001-300000	15,6
300001-350000	9,0
350001-400000	14,6
400001-500000	13,7
500001-600000	6,5
600001-700000	5,5
700000+	2,0

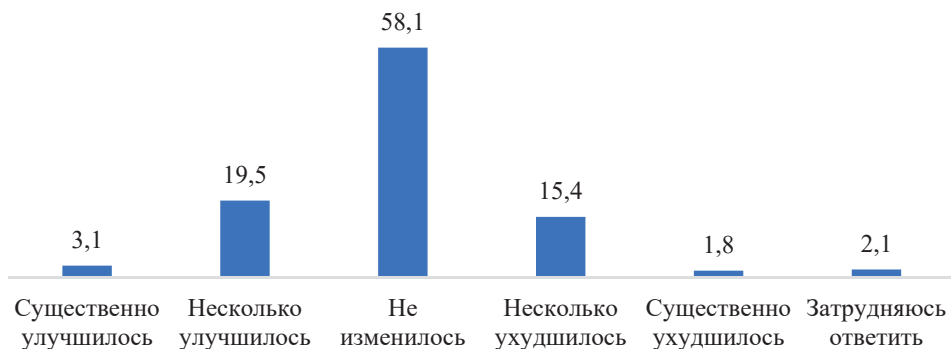
В структуре опрошенных домохозяйств были представлены: 5,1% семей с одним членом семьи; 15,1% – с двумя; 22% – с тремя; 25,8% – четырьмя; 16,9% – с пятью; 7,2% – с шестью и 7,8% с семьей и более членами семьи. Рассматривая динамику за последние 5 лет, мы видим, что мнение казахстанцев о своем экономическом положении заметно менялось. Самый низкий показатель был зафиксирован в пандемийный 2021 год, когда только 14% опрошенных назвали свое материальное положение хорошим или очень хорошим. Уже в 2022 году доля «довольных» респондентов резко выросла в два раза, до 28%. А в следующие 2 года показатель стабильно держался в районе 30%. Возможно, это было связано с восстановлением экономики после пандемии Covid-19 и позитивными ожиданиями общества. Однако в 2025 году фиксируется заметный спад показателя на 6 пунктов, что вполне может свидетельствовать о росте тревожности у граждан.

Диаграмма 2. – Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение Вашей семьи (через ответы «очень хорошее/хорошее», динамика 2021–2025)

Материальное положение 58,1% респондентов за последний год не изменилось. У 3,1% респондентов материальное положение существенно улучшилось, еще у 19,5% – несколько улучшилось. Напротив, 17,2% респондентов сказали, что положение их семей существенно, либо несколько ухудшилось. Стоит отметить, что, при рассмотрении данных в разрезе «город-село» видим, что значительно чаще об улучшении материального положения своих семей за последний год говорили горожане: 24,9% против 16,5% в селе. Это может свидетельствовать о том, что экономический разрыв между городом и селом продолжает увеличиваться.

Диаграмма 3. – Скажите, пожалуйста, как за последний год изменилось материальное положение Вашей семьи?

Финансовые практики

Как казахстанская семья распоряжается своими доходами в повседневной жизни? Большинство респондентов (57,2%) заявили, что все деньги тратят на повседневные нужды, а накопить у них ничего не получается. Треть (31,8%) направляет деньги на текущие нужды, а остальное откладывают. Только 6,4% сначала откладывают деньги на более крупные покупки, а остальное тратят на повседневные нужды. Таким образом, можно сделать осторожный вывод, что финансово осознанные респонденты в меньшинстве.

Диаграмма 4. – Как ваша семья обычно распоряжается своими доходами в повседневной жизни? (% от общего числа опрошенных)

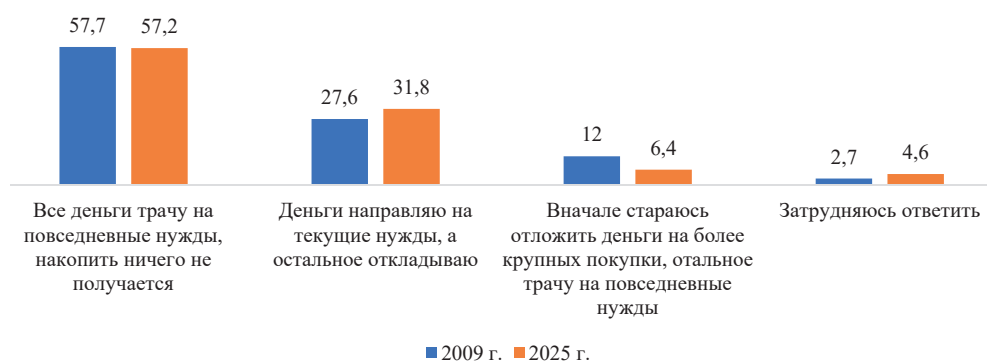
В разрезе «город-село» видим, что если в городе все деньги уходят на повседневные нужды у половины (50,6%) жителей, то в селе так живут 74,1%. Только 23% сельчан имеют возможность откладывать деньги. В городе этот показатель составляет 44,1%.

Диаграмма 5. – Как Ваша семья обычно распоряжается своими доходами в повседневной жизни? (% , по разрезу «город-село»)

В 2009 году Центр социальных и политических исследований «Стратегия» уже задавал этот вопрос респондентам. Несмотря на прошедшие 16 лет, структура повседневного распоряжения доходами у казахстанцев практически не изменилась: более половины по-прежнему тратят все на текущие нужды, не имея возможности откладывать. Модель жизни «от зарплаты до зарплаты» остается устойчивой уже 2 десятилетия. Тревожно, что по сравнению с 2009 годом в 2 раза сократилась доля тех, кто откладывает деньги заранее: с 12% до 6,4%.

Диаграмма 6. – Как Ваша семья обычно распоряжается своими доходами в повседневной жизни? (% , динамика 2009–2025 гг.)

Ожидания

Говоря о надеждах граждан на ближайший год, почти половина (47,7%) не ожидает каких-либо изменений в жизни своих семей. Всего лишь 29,3%

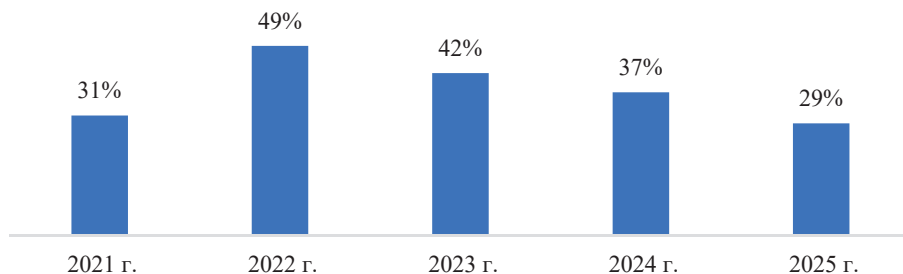
смотрят на ситуацию с оптимизмом и считают, что их жизнь через год улучшится. Каждый шестой (15,9%) считает, что в следующем году его семья будет жить хуже. 7,2% затруднились ответить, что является достаточно высоким показателем.

Диаграмма 7. – Как вы считаете, через год вы (ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас? (% от общего числа опрошенных)

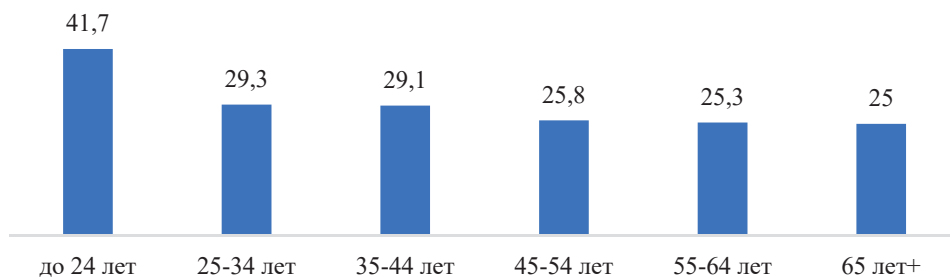
Рассматривая динамику за последние пять лет, видим, что оптимизм казахстанцев в отношении будущего постепенно снижается. В 2022 году, на фоне оживления экономики и взятия курса на «Новый Казахстан» – почти каждый второй (49%) надеялся, что через год будет жить лучше. Однако уже к 2025 году доля таких респондентов сократилась до 29%. Даже в преддверии Январских событий, в 2021 году показатель оптимизма (34%) был выше.

Диаграмма 8. – Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас? (через ответы «значительно лучше/несколько лучше, динамика 2021–2025 гг.)

Данные по возрастным группам показывают ожидаемую закономерность: чем моложе респондент, тем выше уровень оптимизма в отношении будущего. Среди молодежи до 24 лет почти каждый второй (41,7%) верит, что через год будет жить лучше. В возрастной группе 25–44 лет таких уже около 29%, а среди людей старше 45 лет – только четверть.

Диаграмма 9. – Как вы считаете, через год вы (ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас? (% , в возрастном разрезе)

Какие чувства у казахстанцев вызывают мысли о будущем? Уверенность и спокойствие чувствует только 18%, или каждый шестой казахстанец. Чаще всего, думая о будущем, респонденты чувствуют надежду (34,4%). Каждый четвертый (24,8%) испытывает неуверенность и беспокойство; а у 18,3% мысли о завтрашнем дне вызывают тревогу/страх. Таким образом, 43,1% опрошенных испытывают сомнения и тревожность в отношении своего будущего. 2% опрошенных сказали, что чувствуют безразличие.

Диаграмма 10. – Какие чувства вызывает у Вас мысль о завтрашнем дне, о будущем Вашей семьи? (% от общего числа опрошенных)

Результаты исследования демонстрируют тенденции, требующие внимания со стороны государственных институтов. Несмотря на доминирующее ощущение стабильности, нарастает эмоциональная поляризация: надежда все чаще соседствует с тревогой, а «жизнь от зарплаты до зарплаты» становится нормой для граждан уже на протяжении двух десятилетий. Снижение уровня оптимизма, особенно в

сравнении с постпандемийными годами, должно стать сигналом для органов власти. Государственная политика должна опираться не только на макроэкономические показатели, но и на реальные ожидания и ощущения граждан. Ведь уже 2 000 лет назад греческие мыслители понимали, что именно семья, является основой государства – и ее голос нельзя игнорировать.

Проявления социальной напряженности в пореформенном Казахстане: общественные настроения и поведенческие реакции⁹⁵

Илеуова Гульмира

Введение

Понятие «социальная напряженность» (далее – СН) давно и, как кажется, прочно вошло в тезаурус казахстанских социологов и политологов. Более того, за годы независимости о социальной напряженности как о перманентной характеристике состояния общества можно прочесть и в научных трудах, и на страницах публицистических изданий, услышать в выступлениях представителей государства и увидеть в комментариях к этим выступлениям в социальных сетях. При этом обращает внимание, что восприятие данного понятия на разных уровнях общества примерно одинаковое. Социальная напряженность определяется как «плохое», негативное понятие, которое характеризует общество, как, скорее, нестабильное, склонное к потенциальному конфликту, а состояние социальной напряженности с необходимостью должно быть обязательно изжито. Вместе с тем интересно, что смысловая наполненность понятия «социальная напряженность» разнится от автора к автору, приобретая то расширительное (с включением большого числа индикаторов), либо суженное (на основе одного показателя) толкование. Отметим и то, что зачастую описание социальной напряженности в малой степени отличается от описания социального самочувствия населения, выявления перечня беспокоящих население социально-экономических проблем и т.п. Это приводит к тому, что если посмотреть в исторической ретроспекти-

95 Илеуова Г.Т. «Проявления социальной напряженности в пореформенном Казахстане: общественные настроения и поведенческие реакции» // Адам элемі. – 2025. – №4 (103) – С. 84-97.

ве, то за истекшие три десятилетия в Казахстане не было периода, когда бы актуальность проблемы социальной напряженности под воздействием направленных действий со стороны субъектов – будь то из государственного или гражданского секторов – заметно увеличивалась или существенно уменьшалась.

Возникают вопросы: насколько правомерно присваивать понятию только один, при этом негативный, смысл? Возможно ли нахождение иного содержания данного понятия, полагая, что явление под ним скрывающееся вполне объективно и носит долговременный характер? Или же социальная напряженность – это состояние общества, которое не носит длительный характер, имеет свою структуру, стадии, причины появления и затухания, а потому на нее можно воздействовать и, возможно, даже прогнозировать?

Не отрицая значения СН в том понимании, которое распространено среди отечественных исследователей и экспертов, хотелось бы обратить большее внимание на проявления социальной напряженности в качестве адаптационного механизма в условиях (резкого) изменения социальной среды, а также возможных конструктивных сторон этого явления.

Методология

В отечественной социологической и политологической науке, в целом, сложился консенсус в важности понимания влияния социальной напряженности на стабильность общества [1, 2, 3]. В качестве инструмента изучения социальной напряженности чаще всего выступает мониторинговый подход, позволяющий анализировать изменения параметров социальной напряженности, например, таких, как протестная активность: «Мониторинг социальной напряженности и протестной активности является одним из методов выявления и своевременного регулирования опасных тенденций, роста их уровня для предотвращения кризисных явлений» [4, с. 278;]. Также надо отметить, что были попытки создания целевых индексов социальной [5] или межэтнической [6] напряженности как по стране, так и по отдельным регионам [7]. Т.е., изучение социальной напряженности связано с превентивным подходом, в качестве способа выявления возможных очагов нестабильности в обществе [8].

В настоящее время очагами потенциальной нестабильности могут выступать трудовые коллективы, «в Казахстане, как и во всем мире, происходит рост запроса на социальную справедливость, кризис доверия всем институтам, отстаивание своих трудовых прав посредством трудовых конфликтов» [9], а также места компактного проживания представителей различных этносов [10].

Таким образом, мы согласны, что мониторинг социальных показателей, позволяющий отслеживать динамику ситуации, характеризовать ее, является важнейшим исследовательским инструментом. Вместе с тем хотим обратить внимание на следующее обстоятельство: состояние социальной напряженности не может быть длительным, поскольку такие состояния требуют значительной мобилизации сил граждан и напряжения социальных связей в обществе, и могут заканчиваться социальными взрывами, революциями, сменами власти. Т.е., СН имеет объективные временные ограничения с двумя сценариями выхода из кризисного состояния: негативным (открытый протест) и конструктивным (по А.С. Ахиезеру – с использованием медиации).

Выдвинем гипотезу, что за последние десятилетия в истории Казахстана как минимум два периода могут быть отнесены к кризисным, и поэтому должны были сопровождаться социальной напряженностью. Это период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг., затронувшего в значительной мере и экономику Казахстана, и период, связанный с мировой пандемией covid-19 (2020–2022 гг.)⁹⁶. В связи с этим нами было принято решение использовать их для изучения в качестве временных рамок СН.

В данной статье в качестве методологической основы будет использован трехаспектный подход к анализу социальной напряженности, предложенный психологом А.Н. Суховым. В качестве эмпирической базы выступят результаты собственных опросов населения Общественного фонда «ЦСПИ «Стратегия» (мониторинговый блок проекта «Евразийский монитор»), а также опроса, выполненного в августе 2021 г. (грантовый проект МОН РК «Протестный потенциал в Казахстане: особенности, факторы и тренды»). В качестве контрольных привлекались данные опроса декабря 2024 г. (грантовый проект МОН РК «Политическое участие в Казахстане: динамика и возможности расширения») поскольку этот год, несмотря на свою сложность, кризисным признан не был.

Группировка результатов осуществлялась на стыке психологического и социологического подходов, при этом результаты опросов населения выступили показателями социальной напряженности. Обращаем внимание, чтобы не перегружать статью, а также для удобства чтения, в тексте использовались данные двух лет в каждом периоде и были введены условные обозначения: кризис 1. (опросы 2009 и 2010 гг.) и кризис 2. (опросы 2021 и 2022 гг.).

⁹⁶ В данном контексте мы основываемся на информации о том, что в августе 2022 года все регионы страны вошли в «зеленую» зону по заболеваемости ковидом. Вместе с тем полное окончание пандемии Казахстан, вслед за всеми другими странами мира, признал в мае 2023 г.

Основная часть. Аспекты социальной напряженности

Как уже указывалось выше, социальную напряженность (СН) в Казахстане и ее влияние на протестность и конфликтность в обществе исследуют достаточно часто. Однако на основе социологических данных редко изучается то, как формируется СН, какова ее длительность, какие стадии она проходит, какое влияние, кроме экономических и социальных факторов, оказывают другие аспекты, например, психологические.

В связи с анализируемой темой можно привести исследование, проведенное сотрудниками Института философии, политологии и религиоведения в 2014 г., с акцентом на региональные различия факторов, приводящих к социальной напряженности и протестной активности. В данной работе не дается авторского определения социальной напряженности, но указано, что под СН «обычно понимают характеристику состояния социальной системы, выражающуюся в повышении ее нестабильности, вызванной нарушением прав индивидов на удовлетворение их потребностей» И далее указывается, что СН способствует разрушению старых связей в обществе и в результате приводит к уменьшению социального капитала и доверия [4, с. 280].

В методологической части проекта авторы выделили элементы структуры социальной напряженности, имеющие, по нашему мнению, значение для описания причин возникновения СН с помощью социологических данных:

1. Социально-психологический элемент напряженности – доминирование негативных настроений и переживаний в повседневной жизни людей, формирование и развитие стрессовых реакций в ответ на условия жизни, неумение приспособиться к новым социальным и экономическим реалиям, распространенность многочисленных форм социальных конфликтов и рост числа людей, готовых к действиям, разрушительным по отношению к существующей социальной структуре.
2. Социально-экономический элемент напряженности – снижение социальной солидарности, консолидации в социуме, рост имущественной разобщенности.
3. Политический элемент СН – изменение социально-политических ориентаций, идеологических и ценностных установок, которое происходит у членов социума под влиянием действующих продолжительное время неблагоприятных социально-политических факторов [4, с. 286-287].

Считаем, что предложенная структура социальной напряженности может быть признана вполне рабочей. Однако авторы публикации Института не показали, как именно использовали ее для описания СН на региональном уровне, ограничившись линейным анализом полученных мониторинговых данных (за 2013 и 2014 гг.) [4, с. 288-314].

Отличающимся от описанного можно считать подход к СН психологов, в частности, нам импонирует позиция российского психолога А.Н. Сухова, который, исходя из того, что «социальная напряженность – это массовый адаптационный синдром, который отражает во многих случаях степень дезадаптации различных категорий населения к хронической фрустрации (понижению уровня жизни к социальным изменениям)» [11, с. 48], предлагает рассматривать аспекты СН с учетом психологического фактора. Итак, социальная напряженность возникает в силу:

а) физиологической дезадаптации определенных слоев населения к трудностям (например, невозможности приспособиться к повышению цен без снижения уровня жизни), что объясняет ухудшение социально-демографической ситуации;

б) психофизиологической дезадаптации населения, выражающейся в виде неосознаваемых массовых психических состояний (тревожности, компенсаторных реакциях – агрессии, апатии) при приспособлении к трудностям и социальным изменениям;

в) социально-психологической дезадаптации, отражающей осознанные конфликтные ситуации некоторых слоев населения к трудностям и социальным изменениям, проявляющиеся в повышенной политизации, забастовках, недовольстве, пессимизме, миграции, эмиграции, разгуле преступности и т.п. [11, с. 47-48].

Такой подход применительно к социологии позволяет локализовать проявления СН во временном отношении, фиксировать с помощью социологических инструментов стадии развертывания социальной напряженности – от ее зарождения/появления первых сигналов до определенного завершения. Причем мы согласны с высказанными мнениями, что возникновение социальной напряженности не обязательно заканчивается конфликтом или выходом на открытый протест [1].

В свою очередь для динамики СН важное значение оказывает то, является ли она стихийной или в ней заинтересованы некие силы, канализующие напряженность в своих интересах. Также важна степень проявления фоновых причин (общих для всех или многих групп, регионов, страны в целом) в конкретный период времени (обострение экономического кризиса, транзит власти) и наличие потенциальных очагов, в кото-

рых социальная напряженность в силу особых обстоятельств приобретает наибольшую значимость (трудовые споры, межэтнические и иные социальные разногласия, сложная экологическая обстановка, разгул криминалитета и т.п.).

Таким образом, применяя классификацию А.Н.Сухова, базирующуюся на феномене адаптации/дезадаптации, считаем возможным для анализа определять СН через следующие аспекты:

1. физиологические;
2. психофизиологические;
3. социально-психологические.

Очевидно, что, будучи представителем социологической отрасли и не имея результатов специальных психологических исследований, мы попытались описать аспекты социальной напряженности с помощью результатов социологических исследований. В Таблице 1 представлены выделенные аспекты СН и формулировки мониторинговых вопросов социологических опросов, которые, по нашему мнению, раскрывают суть того или иного аспекта.

Таблица 1. – Классификация аспектов социальной напряженности

Аспекты	Вопросы анкеты
Физиологические	Перечень актуальных проблем; Оценка материального положения семьи; Оценка потребительского потенциала
Психофизиологические	Оценка ситуации в стране; Общественные настроения; Социальный оптимизм
Социально-психологические	Удовлетворенность индивида жизнью; Одобрение деятельности правительства Протестное поведение

Состояние физиологических аспектов

Описание состояния социальной напряженности очень часто начинается, а иногда и заканчивается, перечнем проблем, которые волнуют население страны, поскольку именно сами проблемы рассматриваются как источник СН, а потому как причина протестной активности. По итогам опроса 2010 г. социолог А. Жусупова приводит иерархию наиболее значимых проблем для населения, в числе основных: рост цен на продукты питания (72,4%), безработица (39,5%), рост тарифов на коммунальные услуги (28,6%), рост цен на промышленные товары и услуги (24,1%) и далее замечает: «Подавляющее большинство населения считает, что кри-

зис в Казахстане будет сопровождаться ростом преступности и социальной напряженности:

- 89,4% полагает, что произойдет рост социальной напряженности;
- 85,1% респондентов полагает, что увеличится уровень преступности». [3, с. 10].

В 2015 г. политолог М.Нургалиева, изучившая вопросы уровня жизни казахстанцев и проблемы социального неравенства, указывала, что «протестный потенциал, также как и распространенность протестных настроений – невысокие. Респонденты считают, что акции протеста скорее маловероятны. Однако перечень причин, по которым могут состояться протестные выступления, достаточно внушителен. Вызвать протесты могут безработица, низкий уровень зарплат, рост цен и тарифов, девальвация и инфляция, нарушение прав человека и коррупция, социальной неравенство и еще ряд различных проблем» [12, с. 66].

Если обратиться к результатам мониторинга ОФ «ЦСПИ «Стратегия», привлекаемого для описания физиологических аспектов социальной напряженности, то можно сказать, что в ретроспективе перечень актуальных проблем населения в целом совпадает с результатами опросов других казахстанских социологов. Это рост цен на продукты и товары первой необходимости, беспокоящий более половины населения и в кризис 1, и в кризис 2, и в 2024 г.; низкий уровень доходов, на который указывает около трети населения; проблемы безработицы, важность которой в 2009-10гг. была высокой (на уровне трети), снизилась в 2021-22 гг. до пятой части опрошенных, в 2024 г. вновь повысила свою актуальность (до трети); низкое качество здравоохранения, на которое регулярно жалуется значимое число казахстанцев. Вместе с тем результаты опросов фиксируют снижение актуальности для населения проблем коррупции, а также некоторое снижение озабоченности преступностью.

Не ставя перед собой задачу полного анализа социальных проблем населения за период независимости страны, отметим, что, к сожалению, они стали частью социально-экономического ландшафта страны, и теперь могут быть отнесены в большей мере к фоновым условиям, а потому не влияющими напрямую на состояние социальной напряженности. И очевидно, что успешное решение жизненных проблем показывает, с одной стороны, что у населения Казахстана ресурсы адаптации все еще не истощены, но с другой, каждодневное напряжение сил на протяжении длительного периода времени может привести к накопительному эффекту и в условиях резких изменений в экономике способствовать нарастанию социальной напряженности и в дальнейшем к протестной активности.

**Таблица 2. – Проблемы, которые беспокоят население
(выбор не более трех вариантов ответа)**

Проблемы	2009 г.	2010 г.	2021 г.	2022 г.	2024 г.
Рост цен на продукты, товары первой необходимости	61%	59%	53%	57%	74%
Низкий уровень доходов	35%	38%	32%	29%	31%
Проблема безработицы	41%	30%	21%	20%	30%
Высокая оплата учебы в вузах	25%	26%	нет данных	нет данных	26%
Низкое качество здравоохранения	26%	28%	10%	14%	25%
Проблема выплаты кредита	нет данных	10%	нет данных	15%	23%
Отсутствие собственного жилья	14%	17%	15%	12%	21%
Низкое качество образования	10%	11%	6%	7%	17%
Коррупция	22%	21%	29%	14%	15%
Экологические проблемы	11%	10%	3%	6%	15%
Преступность	18%	12%	7%	5%	10%
Низкий уровень пенсий	13%	15%	5%	7%	9%
Плохое состояние дорог	12%	14%	нет данных	10%	20%

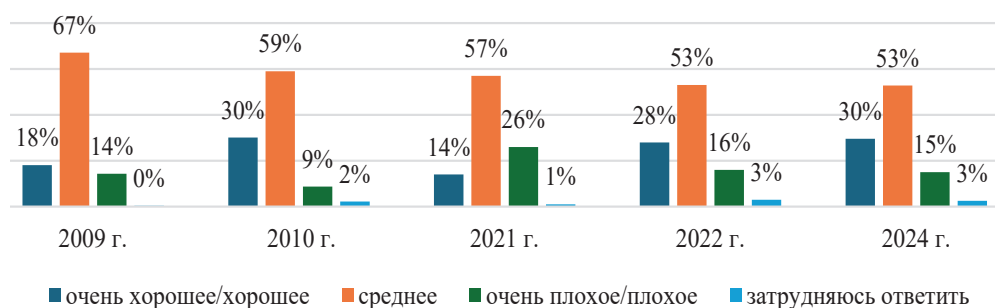
При рассмотрении такой составляющей физиологического аспекта социальной напряженности как оценка материального положения индивида и его семьи в кризисных ситуациях заметна очевидная зависимость: снижается доля тех, кто полагает, что их материальное положение хорошее/очень хорошее при практически таком же увеличении числа тех, кто называет свое матположение плохим и очень плохим. Вместе с тем, несмотря на колебания показателей долей позитивных и негативных ответов, во все рассматриваемые периоды самой большой является группа тех, кто оценивает экономическое положение своей семьи, как среднее (53-67%), что можно считать стабилизирующим фактором, показывающим наличие адаптационного потенциала семей.

Данные в период кризиса 1. показывают сравнительно быстрое восстановление материального положения казахстанских семей: после «проседания» показателей в 2009 г. как реакции на события 2008 г., уже в 2010 г.

произошло увеличение доли тех, кто считал, что семейное материальное положение хорошее (с 18 до 30%) при уменьшении доли отрицательных ответов (матположение плохое – с 14 до 9%).

Вызывает интерес то, что распределение долей по матположению семей по окончании коронакризиса не изменилось: в 2024 г. число тех, кто считает положение семей плохим, остается на уровне 2022 г. (15% и 16%) при сравнительно высоких долях тех, кто называет семейное положение хорошим (30% и 28%).

Диаграмма 1. Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение Вашей семьи? (результаты мониторинговых опросов)

Если рассмотреть экономическое положение респондентов более внимательно, сквозь призму их потребительских возможностей, то можно заметить, что с точки зрения потребления кризис 1. казахстанцы прошли довольно легко. Так, в 2009 г. каждый десятый опрошенный сказал, что денег не хватает даже на продукты, а в 2010 г. доля таких уменьшилась более чем в 2 раза, до 4%. Но при этом число тех, кого можно отнести по потреблению к нижнему среднему слою (самому массовому в условиях Казахстана), т.е., тех, кто испытывает затруднения при покупке товаров длительного пользования, оставалось на одном уровне (41–43%).

Прохождение кризиса 2. отличалось заметной амплитудой оценок. В 2021 г. имело место существенное увеличение доли тех, кого можно отнести к малообеспеченным и бедным слоям (41% в сумме), и также заметно снижение нижнего среднего слоя (36%). В 2022 г. число бедных (денег не хватает даже на питание) все еще оставалось высоким (7%), но при этом восстановились доли среднего нижнего и среднего высокого (можем без труда покупать товары длительного пользования) слоев. В 2024 г. доли бедных слоев снизились в сумме до

19%, число респондентов со средними и выше средних доходов увеличилось.

**Диаграмма 2. К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?
(результаты мониторинговых опросов)**

Резюмируя, можем сделать вывод, что на уровне физиологических аспектов казахстанцы в кризисные периоды показывают хорошие способности адаптироваться к изменяющимся условиям, и даже несмотря на временные «проседания» показателей удовлетворенности материальным положением и уровня потребительского потенциала, в течение года-двух происходит стабилизация этих показателей, дезадаптация если и есть, то фиксируется в отдельных социальных группах, а не на всем обществе.

Состояние психофизиологических аспектов

Сравнительно спокойные показатели физиологических основ социальной напряженности заметно контрастируют с состоянием психофизиологических аспектов СН. Это хорошо видно на оценках ситуации в стране. В период кризиса 1. большинство населения оценивало ситуацию в стране как благополучную, спокойную (54%), хотя мы не можем не отметить колебание долей положительных и отрицательных ответов в эти годы. Так, например, в 2009г. 6% называли ситуацию критической, взрывоопасной, больше трети считали ее неясной, напряженной, а уже в 2010 г. доля полагающих, что ситуация напряженная, упала до четверти, а с мнением, что ситуация в стране благополучная были согласны 72% опрошенных.

В 2021 г. только четверть опрошенных считала, что ситуация в Казахстане благополучная, спокойная, с точки зрения 60% у страны были проблемы, на основе которых положение дел можно было назвать напряженным и взрывоопасным, а каждый шестой затруднился с диагнозом. В 2022 г. оценки улучшились (47% стали считать, что ситуация в стране благополучная), однако все еще высокой (47%) оставалась доля тех, кто считал, что положение дел в стране напряженное или даже взрывоопасное. При этом итоги 2024 г. показывают, что произошла стагнация оценок, мнение населения практически не изменилось по сравнению с 2022 г. и даже несколько ухудшилось (на 3% снизилось число положительных ответов с 47% до 44%).

Диаграмма 3. В целом как бы Вы оценили ситуацию в Казахстане на сегодняшний день? (результаты мониторинговых опросов)

Еще один из вопросов, характеризующих психофизиологический аспект социальной напряженности, – оценка наиболее распространенного настроения среди населения. В кризис 1. главным настроением была надежда, она была присуща 56% опрошенных. В период кризиса 2. надежда хоть и оставалась главным настроением, но ее доля была заметно ниже: в 2021 г. она упала до 30%, в 2022 г. ее показатель достиг 46%, но надежда не стала доминирующим настроением в обществе и по окончании коронакризиса в 2024 г. (35%).

Заметны колебания распространенности в рассматриваемые периоды такого настроения, как уверенность в завтрашнем дне. В кризис 1. его показатели оставались довольно высокими (в 2009 г. – 17%, в 2010 г. – 23%). В 2021 г. только 5% испытывали уверенность в будущем, в 2022 г. показатели уверенности повысились до 14%, но не достигли высоких значений 2010 г. (в 2024 г. – 17%). В то время как настроение сомнения,

отсутствия видения четких перспектив, достигнув в 2021 г. 27% остается на этом же уровне и в 2022 г. (26%), и в 2024 г. (27%).

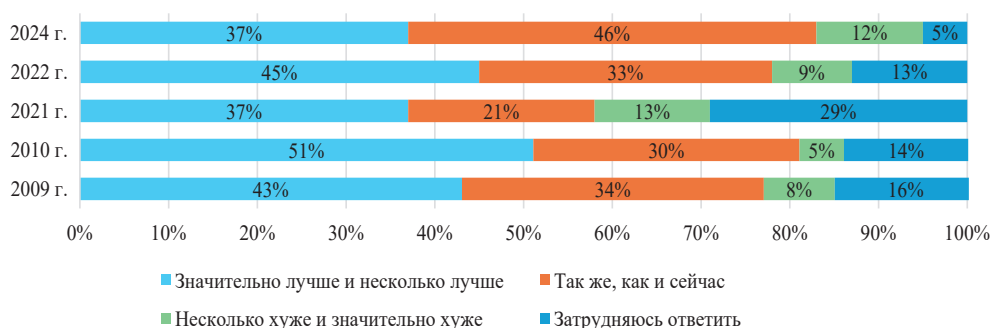
Практически непроявленное в 2009–10 гг. настроение разочарования и безысходности (3–5%), в кризис 2. стало заметным: в 2021 г. его испытывали 21% опрошенных, в 2022 г. – 11%, отметим его повышение в 2024 г. до 16%. Вместе с тем чувства раздражения и агрессии, которые в 2021 г. достигли 12%, быстро упали до «обычных» 2% в 2022 г. и сохраняются практически на том же уровне в 2024 г. (3%).

Диаграмма 4. На Ваш взгляд, какое настроение характерно для большинства населения в настоящее время? (результаты мониторинговых опросов)

По нашему мнению, социальный оптимизм выступает важной психофизиологической характеристикой СН. И, как видим, в период кризиса 1. оптимизм населения оставался на высоком уровне: около половины населения считала, что через год будет жить лучше, чем сейчас, при 5–8% предполагающих противоположное (будем жить хуже). В 2021 году только 37% были положительно настроены на будущее, 13% предполагали ухудшение жизни, а 29% затруднялись с ответом. В 2022 г. оценки населения несколько скорректировались: увеличились доли социальных оптимистов и тех, кто считал, что изменений в жизни не будет. Обращают внимание результаты опроса 2024 г., показавшие, что самой большой в обществе стала доля прагматиков-реалистов (46%), не ожидающих значимых изменений в своей жизни (ни положительных, ни отрицательных). Эти результаты совершенно иные в разрезе изучаемых периодов и могут быть рассмотрены, как начало некоего нового тренда: отход от инфантильных ожиданий «светлого» будущего и формирование реалистических оценок на основе восприятия наличествующей жизненной ситуации.

Диаграмма 5. Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас? (результаты мониторинговых опросов)

Таким образом, результаты опросов показывают, что имеет место отличающееся состояние психофизиологических аспектов социальной напряженности в разные временные периоды. Кризис 1. общество прошло сравнительно безболезненно, быстро приспособившись к возникшим сложностям, люди в течение года восстановили положительные оценки ситуации в стране (ситуация благополучная), не теряя при этом надежду и оптимизм. В то время как последствия пандемии (кризис 2.) оказывают и продолжают оказывать существенное дестабилизирующее влияние на население Казахстана на психофизиологическом уровне: выше 40% разделяют мнение, что ситуация в стране неясная, напряженная; четверть согласны с мнением, что в населении распространены неуверенность, отсутствие ясных перспектив на будущее, на уровне шестой части населения присутствуют разочарование и чувство безысходности. Количество оптимистов заметно уменьшилось, и если все предшествующие годы наблюдений оно всегда было выше доли других групп, то к 2024 г. основной группой стали прагматики-реалисты; число пессимистов сформировалось на уровне десятой части. Вместе с тем в 2022 и 2024 гг. показатели раздражения и агрессии не превышают статистически значимых величин, при том, что в 2021 г. количество испытывающих агрессию составляло 12%.

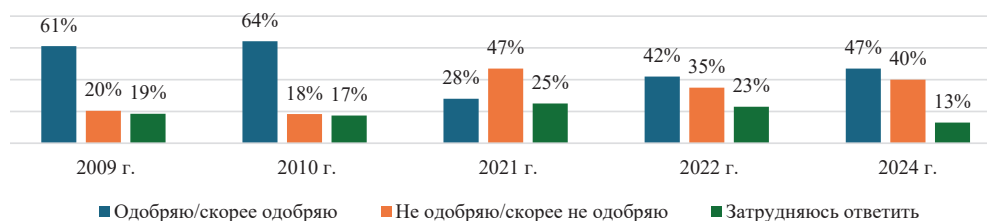
Состояние социально-психологических аспектов

Результаты опроса периода кризиса 1. показывают, что одобрение деятельности правительства, несмотря на всю сложность социально-экономической ситуации в 2008-2010 гг. оставались высокими: более 60% одобряли работу органа исполнительной власти, пятая часть не одобряла и скорее не одобряла, чуть меньше пятой части не имела мнения по этому вопросу.

Совершенно иначе складывались оценки правительства в период второго кризиса: в 2021 г. уже почти половина опрошенных (47%) не одобряла и

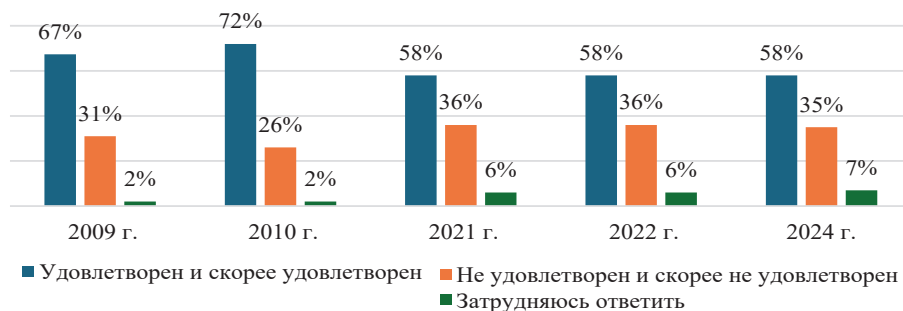
скорее не одобряла работу правительства, позитивно оценивали правительство только 28%, каждый четвертый затруднялся с ответом. В 2022 г. оценки скорректировались – количество одобряющих ответов выросло, но все еще не достигло устойчиво высоких результатов (42%), при этом каждый третий мог быть отнесен к числу неодобряющих работу правительства, каждый четвертый – к затрудняющимся с ответом. В 2024 г. количество одобряющих работу правительства несколько повысилось (47%), но при этом увеличилось число тех, кто не одобряет и скорее не одобряет работу исполнительной власти (40%) за счет снижения доли затруднившихся с ответом (13%).

Диаграмма 6. Одобряете ли Вы деятельность правительства? (результаты мониторинговых опросов)

Рассмотрим далее, какие другие социально-психологические аспекты СН показывают состояние адаптации казахстанцев. Прежде всего, это такой важнейший социальный показатель как уровень удовлетворенности населения своей жизнью. Отметим характерную особенность в этой связи: показатель удовлетворенности жизнью казахстанцев на протяжении всех рассматриваемых периодов всегда оставался сравнительно высоким – выше 50%. Вместе с тем если в кризис 1. он не опускался ниже 65%, то в последующие замеры он упал до 58% и остается на этом же уровне вплоть до 2024 г. Сохраняется на одном уровне и доля тех, кто не удовлетворен/скорее не удовлетворен своей жизнью (35–36%).

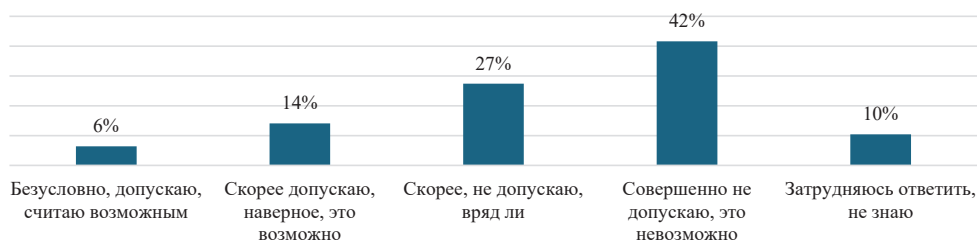
Диаграмма 7. Скажите, в целом, Вы удовлетворены или не удовлетворены жизнью, которую ведете? (результаты мониторинговых опросов)

Таким образом, как показывают вышеприведенные данные, от четверти до трети опрошенных в разные годы были в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью. Отражается ли эта неудовлетворенность в поведенческом отношении? Куда уходит энергия возникающей социальной напряженности? Становятся ли люди более активными, например, в протестном отношении?

Попытаться ответить на эти вопросы мы можем с привлечением нескольких вопросов, поскольку не располагаем мониторинговыми данными по всем изучаемым периодам. Итак, в 2009 г. в самый разгар финансово-экономического и ипотечного кризиса 69% опрошенных не считали для себя допустимым принимать участие в массовых акциях протеста (выступлениях, митингах) против роста цен, безработицы и падения уровня жизни. 20% такую личную возможность допускали или скорее допускали. Каждый десятый затруднялся с ответом.

Диаграмма 8. Допускаете ли Вы для себя лично (считаете возможным) или не допускаете участие в массовых акциях протеста (выступлениях, митингах) против роста цен, безработицы и падения уровня жизни? (опрос, ноябрь 2009 г.)

В 2021 г. 58% опрошенных в случае, если в их городе или селе состоится протестные выступления с социально-экономическими требованиями, скорее всего не примут в них личного участия. 17% такую возможность для себя не исключали. Каждый четвертый затруднялся с ответом на этот вопрос.

Диаграмма 9. Если в Вашем городе/селе состоится протестные выступления с социально-экономическими требованиями, Вы лично примете в них участие или нет? (опрос, август 2021г.)

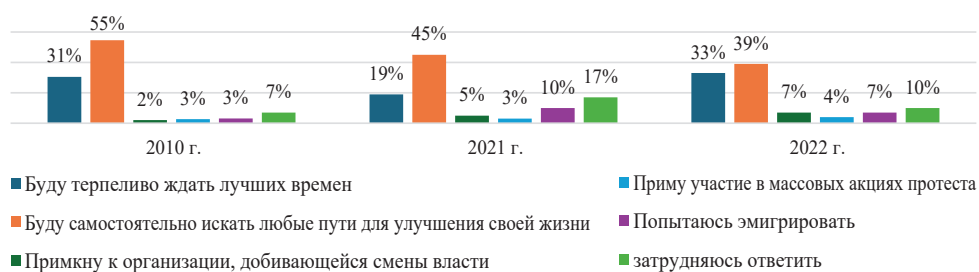

Ответы на мониторинговый вопрос о том, как поступят казахстанцы в случае ухудшения социально-экономической ситуации в стране, показывают, что основной выбор ими делается с упором на две поведенческие стратегии в рамках конвенционального подхода – терпеливо ждать лучших времен и самостоятельно искать пути улучшения своей жизни. Причем последняя поведенческая стратегия хотя является главной для многих казахстанцев – а в 2010 году доминирующей (55%), – в последующие годы стала менее востребованной: в 2021 г. – 45%, в 2022 г. – 39%.

Эмиграцию как способ решения проблем в случае ухудшения социально-экономической ситуации в стране в 2010 г. выбирали только 3% опрошенных, в кризис 2. доля тех, кто попытается уехать из страны в сложной ситуации, заметно выросла, особенно в 2021 г. – 17%.

Обратим внимание, что число тех, кто выберет неконвенциональные способы выхода из кризисной ситуации, такие как участие в организации, добывающейся смены власти или участие в массовых акциях протеста, ни в один из изучаемых периодов не имело значимо высоких величин. Вместе с тем в кризис 2. можно отметить увеличение доли тех, кто примкнет к организации, добывающейся смены власти, в два и более раза: так, если в 2010 г. ее показатель составлял 2%, в 2021 г. – 5%, то в 2022 г. доля таких ответов стала еще выше – 7%.

Диаграмма 10. Если в ближайшем будущем социально-экономическая ситуация в стране ухудшится, то как Вы поступите? (результаты мониторинговых опросов)

Закljučая этот раздел, отметим, что социально-психологические аспекты социальной напряженности связаны с ощущением несправедливости, неравенства, отсутствием социальных лифтов, разобщенностью общества и недоверием власти. Если сравним показатели одобрения/неодобрения работы исполнительной власти двух кризисных периодов, то можем увидеть, что в период 2009-10 гг. прояви-

лись адаптирующие способности населения на стадии физиологических и психофизиологических аспектов социальной напряженности и не произошло перевода недовольства на более высокую, социально-психологическую, стадию, в виде резкого падения одобрения работы правительства. В кризис 2. дезадаптация пандемического периода проявилась на примере существенного падения показателя одобрения правительства, и эта тенденция продолжает сохраняться в более спокойный постпандемический период.

Интересно, что в оба периода кризисов пятая часть населения была готова/считала для себя допустимым принять участие в протестных выступлениях, связанных с социально-экономической проблематикой. Однако при этом кризис 2. выявил изменение степени терпения в обществе, выражающееся в уменьшении доли людей, склонных к самостоятельным действиям, в увеличении доли желающих эмигрировать (каждый десятый) и в повышении числа тех, кто пока не знает, как бы он поступил в кризисных условиях (до 10–17%).

Подводя итоги анализа результатов опросов, отметим, что с определенной степенью уверенности можно отнести физиологические и психофизиологические аспекты в Казахстане к фоновым, а социально-психологические к деятельностным, активистским. Фоновые аспекты имеют длительное воздействие, и в большей степени опираются на адаптационные способности населения страны. В то время как социально-психологические аспекты социальной напряженности приводятся в действие силами дезадаптации, поскольку именно невозможность для людей встроиться в социальную систему и почувствовать себя ее полноценной частью становится триггером для роста недовольства работой власти, увеличения числа конфликтов и напряженности.

Вместе с тем в обществе есть механизмы, которые помогают казахстанцам эффективно адаптироваться в меняющихся социальных условиях, иногда приводящих к кризисам, в ответе за которые могут быть как внешние (экономические, социальные, экологические и иные) обстоятельства, так и действия властей. Таким механизмом выступает социальное окружение, поддержки внутри семьи. В этой связи можно привести интересное психологическое исследование жителей Казахстана и России, согласно которому «у жителей двух государств социальная напряженность вызывает в первую очередь тревогу, волнение, нервозность, страх, с которыми жители России справляются при помощи регуляторных механизмов, а жители Казахстана – опираясь на социальное окружение». В работе отмечается, что россияне склонны к более сильным, но не очень разнообразным реакциям переживания социальной

напряженности, в то время как «жители Казахстана склонны к более сдержанным и более разнообразным реакциям на социальную напряженность» [13, с. 65] и, добавим, показывают высокие адаптационные способности в периоды кризисов.

Влияние информационного фактора

Итак, казахстанцы показывают, что ресурсы адаптации к кризисным явлениям в экономике у них достаточно высокие. Недовольство и напряженность если и возникает, то сравнительно быстро находит свое разрешение, и не обязательно через протестный выброс социальной энергии. Но при этом есть дополнительные внешние факторы/раздражители, которые могут оказывать воздействие на формирование социальной напряженности. И судя по всему, мощное воздействие на возникновение СН оказывает информационный фактор, работа традиционных и сетевых средств массовой информации.

Коротко остановимся на этом моменте, поскольку не ставили задачу изучения влияния данного фактора и не располагаем необходимым рядом мониторинговых данных. Вместе с тем, согласно исследованию ОФ «ЦСПИ «Стратегия» 2009г. более половины опрошенных выражали свое недовольство качеством информации об экономическом кризисе, которую они получают из газет, радио, телевидения. С одной стороны, поводом для нареканий в адрес СМИ выступали случаи преувеличения с их стороны последствий кризисных явлений, разжигания страстей на пустом месте (18%). С другой стороны, респонденты жаловались на недостаточную откровенность и полноту освещения экономического кризиса в СМИ, что не дает необходимой информации о происходящем (34%). С мнением о том, что информация, которую подают СМИ о кризисных явлениях в стране, является объективной и ее вполне достаточно, чтобы разбираться в происходящем, были согласны лишь 38% респондентов [14, с. 9].

В рамках исследования «Быстрая гендерная оценка в отношении covid-19 в Республике Казахстан», проведенного нами в 2020 г. по заказу «ООН-Женщины», на основе инструмента, разработанного структурой «Women Count Data Hub», были получены следующие результаты. 53% участников опроса получали информацию о ситуации с пандемией из интернета и социальных сетей (Facebook, Instagram и т.д.), 25% – радио/телевидения/газет, 8% – с помощью мессенджеров и SMS-рассылок (приложения Telegram, Viber, Whatsapp), 8% – с помощью официальных правительственных веб-сайтов, 3% – через ближнее окружение, включая семью и друзей. При этом для 64% опрошенных информация о ситуации с covid в стране была понятной и своевременной, помогала вовремя реа-

гировать на ситуацию, 18% жаловались, что информация была нечеткой, противоречивой, создавала трудности для понимания и своевременной реакции на ситуацию, еще 11% сказали, что информация была понятной, но поступала слишком поздно, чтобы успевать вовремя реагировать на ситуацию, 7% затруднились с ответом. Таким образом, в этот сложный период у трети возникали проблемы с получением информации и принятием адекватных решений.

Итоги опроса 2024г. подтверждают, что восприятие и оценки населения относительно экономической и социально-политической ситуации в стране формируются в основном на базе материалов средств массовой информации. При этом 35% опрошенных считают, что информации в СМИ много, но зачастую журналисты преувеличивают масштаб явлений, разжигают страсти на пустом месте. 30% полагают, что СМИ недостаточно полно освещают экономическую ситуацию в Казахстане. И только по мнению 28% информация в СМИ можно назвать объективной и ее вполне достаточно для понимания и выработки своего отношения к ситуации.

Заключение. Позитивно о социальной напряженности

А.С. Ахиезер, автор понятия конструктивная напряженность, считал, что она встроена в любую (суб) культуру и является необходимым элементом существования любого сообщества [15]. По мнению ученого, нельзя односторонне смотреть на общественные процессы, требуется развитие «социокультурной методологии исследования общества, которая нацелена на выдвижение в качестве фокуса исследования процессов напряженного поиска между противоположностями эффективной деятельности, решений, воплощение которых обеспечивает необходимый уровень обеспечения выживаемости». При этом двойственность, противоречивость предмета не следует расценивать, описывать через виновность одной стороны и невиновность другой, в черно-белом формате. «Причины конфликтов, подчас разрушительных, лежат не в самом факте существования в обществе качественных различий в векторах направленности, но прежде всего в недостаточном культурном развитии общества, особенно недостаточного развития ценности диалога, недостаточной способности искать на основе развития культуры и организационных форм диалога, пути предотвращения опасностей дезорганизации, катастроф, пути использования специфических ценностей разных процессов для жизнеутверждающего синтеза». [16, с. 99-100].

С этим взглядом согласны исследователи из Института философии, политологии и религиоведения, которые пишут в своей работе, что нельзя

трактовать социальную напряженность как однозначно негативное явление. «Зачастую она показывает необходимость преобразований и отражает изменение социальных связей. Определенный уровень социальной напряженности свойственен любому обществу» [4, с. 280]. И если рассматривать «социальное бытие не в статике, но как процесс перехода социума из одного состояния в другое, то можно заключить, что определенный уровень СН оказывается необходимым фактором для поддержания целостности социальной системы» [4, с. 282].

И, в заключение, в качестве примера приведем мнение исследователя, занимающегося изучением трудовых конфликтов, Е. Исмаилова. В своей работе 2022 года он указывает в числе позитивных изменений за два года на «более конструктивное восприятие социально-трудовых конфликтов с точки зрения их последствий для общественного развития. Так, многие теоретики в сфере конфликтологии исходят из того, что конфликты имеют не только негативные, но и позитивные стороны». Исмаилов приводит результаты опроса, согласно которым произошел рост числа экспертов (с 43,2 в 2021 до 51,6% в 2022 году), поддерживающих точку зрения, что урегулирование конфликта приводит к созданию новых форматов взаимодействия между работниками и работодателями; 64,8% в разрешении социально-трудовой напряженности видят возможность выявить скрытые проблемы, привлечь к ним внимание, еще 39,1% полагают, что трудовые конфликты в конечном итоге повышают социальную ответственность работодателей. [9]. Т.е., появляются примеры изменения отношения к социальной напряженности среди казахстанских практиков в сторону оценки ее конструктивных сторон.

Безусловно, данная статья не исчерпывает всех возможных подходов к изучению такого сложного, многосоставного явления, как социальная напряженность. Вместе с тем хотелось бы привлечь внимание исследователей к возможности рассмотрения ее конструктивного потенциала, что будет полезным и в рамках управленческой деятельности государства. Также предлагаем преодолеть сложившуюся нерасчлененность понятия СН, операционализировать его, и попытаться использовать в прогностических целях.

Финансирование

Исследование проведено в рамках грантового научного проекта АР23488744 «Политическое участие в Казахстане: динамика и возможности расширения», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы

1. Nasimova G.O., Vuzurtanova M.M., Saitova N.A. *Social protests in Kazakhstan: Factors and trends* // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – Том 35 № 3 (2019). – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/social-protests-in-kazakhstan-factors-and-trends> – С. 472–484 (Дата обращения 25.04.2025)
2. Национальные ресурсы НТИ/ Отчеты о НИР. Основные факторы социальной напряженности и протестности на региональном уровне (мониторинг протестной активности и социальной напряженности в регионах). – Институт философии, политологии и религиоведения. Руководитель проекта: З.К.Шаукенова – [Электронный ресурс] URL: https://nauka.kz/page.php?page_id=108&id=50541 (Дата обращения 25.04.2025)
3. Кризис и казахстанское общество (социологическое измерение) / Б.Г. Мухамеджанов, А.С. Жусупова. – Алматы: Фонд первого президента, КИСЭИП, 2010. – 202 с.
4. Основные факторы социальной напряженности на региональном уровне / в сб. Ценности и идеалы независимого Казахстана. Под общей редакцией З.К.Шаукеновой. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2015. – 315 с.
5. Шибутов М., Шибутова Л. Индекс социальной напряженности в Казахстане. 27.06.2012. – [Электронный ресурс] URL: https://vlast.kz/kz/obsshestvo/indeks_socialnoj_napryazhennosti_v_kazahstane_v_mae-603.html (Дата обращения 25.04.2025)
6. Мустафаев Н., руководитель АЦ «Наше Дело». Диагностика межэтнической напряженности от ИПР. 04.11.2011 – [Электронный ресурс] URL: <https://abai.kz/post/11332> (Дата обращения 25.04.2025)
7. Очаги социальной напряженности на контроле. 10.07.2023. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslikhat-aqmola/press/news/details/585898?lang=ru> (Дата обращения 25.04.2025)
8. Социальная напряженность по сравнению с прошлым годом снизилась – исследование в Алматы. 28.08.2009. – [Электронный ресурс] URL: https://www.inform.kz/ru/social-naya-napryazhennost-po-sravneniyu-s-proshlym-godom-snizilas-issledovanie-v-almaty_a2194133 (Дата обращения 25.04.2025)
9. Исмаилов Е. Трудовые конфликты в Казахстане: невыученные уроки. 9.11.2022. – [Электронный ресурс] URL: https://forbes.kz/articles/trudovyye_konflikty_v_kazahstane_nevyuchennyye_uroki
10. Хабдулхабар Ж. В Казахстане создали карты социальной напряженности. Как они помогут решить межэтнические конфликты различных этносов. 20.03.2021. – [Электронный ресурс] URL: <https://informburo.kz/interview/v-kazahstane-sozdali-kartu-socialnoi-napryazyonnosti-cto-pomozet-resit-mezetniceskie-konflikty> (Дата обращения 25.04.2025)
11. Сухов А.Н. Социальная напряженность и конфликтология. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-napryazhennost-i-konfliktologiya> (Дата обращения 25.04.2025)

12. Нургалиева М. *Уровень жизни казахстанцев и проблемы социального неравенства (по результатам социологического исследования)*. – Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества при КНУ, 2015. – 101 с.

13. Афанаскин А. Б., Шульга Т. И. «Сравнительный анализ восприятия Социальной напряженности жителями России и Казахстана». // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*. – 2024 г., №1. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-vospriyatiya-sotsialnoy-napryazhyonosti-zhitelyami-rossii-i-kazahstana> – С. 48-67 (Дата обращения 29.04.2025)

14. *Отчет по проекту «Динамика социально-политического самочувствия населения Казахстана (ноябрь 2009 года)»*. – [Электронный ресурс] URL: <https://ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/217-dinamika-sotsialno-politicheskogo-samochnuvstviya-naseleniya-kazahstana-noyabr-2009-goda> – 30 с. (Дата обращения 29.04.2025)

15. Значение «конструктивная напряженность» в Основных терминах, используемых в книге А.С. Ахиезера «Критика исторического опыта». – [Электронный ресурс] URL: <https://slovar.cc/ist/ahiezer/2284137.html> (Дата обращения 29.04.2025)

16. Ахиезер А.С. *Архаизация как категория общественных наук*. // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2001. Том IV. № 1 – [Электронный ресурс] URL: https://jourssa.ru/files/volumes/2001_1/Akhiezer_2001_1.pdf – С. 89-100 (Дата обращения 20.04.2025)

Русские в Казахстане: между диаспоральностью и гражданственностью⁹⁷

Илеуова Гульмира, Симакова Ольга

Введение. По итогам переписи 2021г. в Казахстане проживают представители 124 этносов («Национальный состав населения по итогам переписи 2021 года», 2023). Большая их часть оказалась здесь вследствие «переселенческой» политики Российской империи, сталинских репрессий и депортации времен Второй мировой войны, масштабных экономических программ времен СССР.

⁹⁷ Илеуова Г., Симакова О. «Русские в Казахстане: между диаспоральностью и гражданственностью» в сб. материалов XXIII Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях» (20-21 октября 2025 г.). – Усть-Каменогорск, 2025. – с. 210-256

На начало 2025г. русские в Казахстане – вторая после казахов этническая группа, составляющая около 14,6%, что соответствует примерно 2,96 миллиона человек («Численность населения РК по отдельным этносам и возрастным группам», 2025). Появление русских в Казахстане началось в XVIII веке с момента присоединения к Российской империи территории Младшего жуза (1731 г.). Е.Р. Морозова (2019) выделяет пять этапов «формирования *российской* диаспоры в Казахстане: первый этап: XVIII – середина XIX вв.; второй этап: 1861 г. – конец XIX в.; третий этап: начало XX в. – 1916 г.; четвертый этап: 1917–1991 гг.; пятый этап: с 1991 г. по настоящее время». И далее она отмечает, что российская диаспора формировалась «в результате двух вещей – миграции (как вынужденной (репрессии, войны), так и добровольной) и вследствие распада СССР. Однако, если в результате первой, число переселенцев увеличивалось от года к году, то вторая, напротив, поспособствовала оттоку этнических русских с казахских земель» (Морозова, 2019).

Так, все-таки, кто такие русские в Казахстане? Часть казахстанского народа, составлявшая в 1991 году почти 40% его численности? Или русская или даже российская диаспора, для молодежи которой «все в большей мере Россия становится понятием географическим» (Лобанов, 2005)?

В целом надо отметить, что наше обращение к теме русских в Казахстане вызвана ее актуальностью в контексте различий трактовки понятия «диаспора», зачастую применяемого в отношении русских, а также тем, как указывал известный казахстанский специалист в области диаспорологии Г.Н. Ким, что «тематика, связанная с проблемой этнических диаспор, становится все более актуальной для отечественной науки, ибо судьбы разделенных и разбросанных волей обстоятельств народов во многом зависят от того, как будут складываться отношения в новых условиях между представителями национальной диаспоры и титульным населением» («Диаспоры Казахстана: единство в многообразии», 2017).

Безусловно, сложность и многоаспектность понятия «диаспора» не позволит нам в полной мере дать ответ на вопрос о том, кто такие русские в Казахстане, но мы попытаемся на основе данных социологических исследований, которые Фонд проводил в течение последних 20 лет, описать современное состояние этой этнической группы, социальные (оптимизм, оценка перспектив, удовлетворенность жизнью, оценка материального положения и др.) и идентификационные маркеры, ее характеризующие. И предполагаем, что полученные описания позволят составить портрет крупнейшего этноса страны, и определить некоторые тенденции, согласно которым он будет развиваться в будущем.

Литературный обзор. Прежде чем перейти к непосредственному описанию демографических и социологических показателей, несколько замечаний предваряющего характера по поводу термина «диаспора». Анализ литературы позволяет выделить подходы к описанию положения русских в Казахстане, условно их можно определить как казахстанский взгляд (два подхода) и российский взгляд (два подхода).

Казахстанский взгляд на основе гражданского подхода говорит о том, что казахи и русские, как и представители всех этносов, проживающих в стране, принадлежат к единой политической общности «граждане Казахстана». Этот подход получил свое закрепление в преамбуле Конституции республики 1995 г., статьях Раздела II «Человек и гражданин» (Конституция РК, 1995). В последующем он получил свое развитие и в других документах государства, касающихся межэтнических отношений и выработки новых подходов к интеграции казахстанского полиэтничного общества. Можно упомянуть в этой связи «Доктрину национального единства Казахстана» (апрель 2010 г.) («Доктрина Национального единства Казахстана», 2010), две «Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана», включая Концепцию на период с 2022 по 2026 г. («Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана», 2022). Интересно, что понятие «диаспора» использовалась в указанных документах в двух случаях – в отношении казахской диаспоры за рубежом (см. «Доктрина...»), и среди внешних факторов, влияющих на состояние межэтнических отношений в стране, при описании «диаспоральной политики зарубежных государств» («Концепция развития АНК (до 2020 г.), утратила силу в декабре 2015 г.).

Таким образом можно утверждать, что на протяжении трех десятилетий после принятия в 1995 г. Конституции РК имеет место последовательная политика в определении граждан страны – представители различных этнических групп, принадлежащие к единой политической общности. В подтверждение вышесказанного приведем позицию президента К. Токаева, которую он озвучил в интервью одному из российских изданий: «Недавно в одном из зарубежных аналитических материалов я наткнулся на формулировку «русская диаспора в Казахстане». Предупредил наших идеологов и аналитиков ни в коем случае не применять такие выражения, в корне противоречащие истинному положению вещей. Русские – это часть нашего народа, их вклад в становление и развитие Казахстана огромен и не подлежит забвению» (Интервью Президента Казахстана К. Токаева «Комсомольской правде», 2020).

Однако если государство в основополагающих документах и в лице его главных представителей не придерживается линии по использованию

термина «диаспора» в отношении своих граждан, то почему в публикациях периодических изданий, в социальных сетях, да и в некоторых научных изданиях можно встретить тезис о том, что русские в Казахстане – это диаспора? Одно из объяснений сложившейся практики можно найти в ранних законодательных актах, касающихся вопроса развития языков в республике. Интересно, что Закон «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года применяет среди основных понятий термин «диаспора», подразумевая, что это «часть народа (этническая общность), проживающая вне страны его исторического происхождения», но используется это понятие только в отношении зарубежной диаспоры казахов: правительство, иные государственные, местные представительные и исполнительные органы обязаны... «оказывать помощь казахской диаспоре в сохранении и развитии родного языка» (Закон РК «О языках в РК», 1997).

Вместе с тем в Государственной программе функционирования и развития языков на 2001–2010 годы, которая утратила силу только в апреле 2011г., одной из задач программы ставилось «оказание государственной поддержки в обучении представителей этнических общностей (диаспор) родным языкам». И далее указывалось, что «государством оказывается помощь языкам всех диаспор, проживающих на территории Казахстана. В целях развития национальных языков и культуры в стране создана система воскресных школ по обучению родному языку. В 1999–2000 учебном году в воскресных школах в качестве родных изучались 14 языков: корейский, иврит, украинский, татарский, немецкий, турецкий, чеченский, уйгурский, армянский, азербайджанский, чувашский, польский, курдский, дунганский» (Указ Президента РК, 2001).

Приведенные выдержки из законодательства по развитию языков в Казахстане с использованием понятия «диаспора» подтверждают наблюдения французских исследователей М. Ларюэль и С. Пейруза (2007), сделанные ими в начале 2000-х гг., что все основные баталии разворачиваются вокруг темпов расширения зоны использования казахского языка, как государственного. А использование понятия «диаспора» придавала этим «баталиям» еще большую остроту. «Сторонники быстрого развития казахского языка призывали к действенным мерам, приводя в оправдание тот факт, что ранее принятые законы не возымели должного эффекта в областях с преобладанием русского населения. Нападая на русских и видя в них основных противников казахского языка, националисты стремились также привлечь внимание к проблеме недостаточного владения родным языком самих казахов.

Русские организации продолжали возмущаться несоответствием между конституционной гарантией не подвергать людей по мотивам незнания языка и существования таких профессий, например, связанных с политической деятельностью, для которых обязательно знание казахского языка» (Ларуэль & Пейруз, 2007).

Не только в некоторых официальных документах в отношении русских и других этнических групп, а также их языков использовался термин «диаспора». Его применение широко практиковалось в национал-патриотических кругах, как не вспомнить в этой связи нашумевшее высказывание журналиста А. Умарова о русских как «навязанной диаспоре». В 2007 г. автор статьи «Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ?» делает однозначный вывод, что «на данный момент русские в Казахстане являются диаспорой, весьма значительной в количественном выражении, осознающими свою этническую принадлежность и обладающие ярко выраженным национальным самосознанием» («Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ?», 2007). *(прим. авторов: обращает внимание синонимичное использование слов «этническое» (принадлежность) и «национальное» (самосознание)).*

Можно привести интервью политика М. Тайжана (2011), который, раскрывая свою позицию по поводу русского языка, приводил следующие аргументы: «Русскому языку как таковому ничего не угрожает – есть мощная Российская Федерация. Как и корейскому языку ничего не угрожает – есть даже два корейских национальных государства. Ничего не угрожает греческому языку, польскому, украинскому, азербайджанскому, армянскому – почти все наши диаспоры имеют собственные национальные государства. А вот если казахский не поддержать нашей государственной политикой, он больше нигде не сохранится» (Тайжан, 2011). Т.е. очевидно, что в Казахстане сформировались два параллельных дискурса о «диаспоре»: при официальном «гражданственном» курсе государства функционировал другой, языковой, дискурс, согласно которому – тот, кто не казах и особенно, кто не владеет казахским языком, должен быть отнесен к диаспоре.

В свою очередь если рассмотреть российский публичный и научный контент о русских в Казахстане, то он вполне определенный: казахстанские русские – это диаспора. Примечательно, что в законодательстве РФ используется понятие «соотечественники», при этом «отношения с соотечественниками за рубежом являются важным направлением внешней и внутренней политики Российской Федерации». Согласно ст.25 Федерального закона «О государственной политике

Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 ведется государственный мониторинг в области отношений с соотечественниками, «включающий в себя сбор, анализ и оценку информации о положении соотечественников, создание банка данных, прогнозирование ситуации и проведение научно-исследовательских работ» (Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», 1999).

На практике понятие «диаспора» в отношении зарубежных русских не просто сразу стало использоваться в общественном дискурсе, но нашло свое воплощение на институциональном уровне. Весной 1996 года в Москве с государственным участием был создан Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции). И как указано на официальном сайте организации: «С момента основания Института в круг его задач входит изучение постсоветского пространства, научно-аналитическое и общественно-политическое сопровождение внешнеполитической деятельности Российской Федерации в ближнем зарубежье, а также российской диаспоральной политики, мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней политики бывших союзных республик, анализ моделей экономической, политической, военной и культурной интеграции на постсоветском пространстве. Большое значение Институт уделяет сбору и обработке информации о положении соотечественников в ближнем зарубежье, укреплению связей с *российской диаспорой* за рубежом» (Официальный сайт Института СНГ).

При этом, как отмечает Г.Н. Ким, «новой России необходима и ее диаспора, и высокий имидж этой диаспоры в мире и в отдельных странах. Использование диаспорального потенциала в реализации национальных интересов Россией уже вполне назрело, однако основной проблемой ее взаимодействия с зарубежными общинами является отсутствие четко выраженной прагматической концепции» («Диаспоры Казахстана: единство в многообразии», 2017). Т.е. в России использование понятие «диаспора» в отношении зарубежных русских вполне легально и научно обоснованно, и можно отметить использование сразу двух определений: «русская диаспора» и «российская диаспора». Считаю важным добавить, что использование понятия «диаспора» в отношении казахстанских русских на официальном уровне в РФ и в общественно-публичном поле в Казахстане с учетом одного языкового пространства – на русском языке – позволяет этим двум сторонам находить общее основание, приводить одни и те же «удобные» аргументы в отношении казахстанских русских, но с той лишь разницей,

что с одной стороны они звучат как «притягивающие», с другой – как «выталкивающие».

Согласно другому направлению в российской научной мысли применять по отношению к казахстанским русским термин «диаспора» не корректно, поскольку этимологически понятие «диаспора» означает «рассеяние». Диаспора обычно не располагается на своей исторической территории, «а русские Казахстана (особенно северного) как раз там и живут, и считают себя автохтонами. Они не «рассеивались», не покидали свое государство» («Этнографическая экспедиция в Казахстан и Киргизию», 2019).

Академик В.А. Тишков (2007), указывая на слабость общепринятого определения диаспоры, связывает это с тем, что «оно основывается на перемещении (миграции) людей и исключает другой менее распространенный случай образования диаспоры – перемещение государственных границ, в результате чего культурно-родственное население, проживавшее в одной стране, оказывается в двух или в нескольких странах, никуда не перемещаясь в пространстве». С точки зрения Тишкова, политическая метафора «разделенного народа» как исторической аномалии, «составляет один из важных компонентов идеологии этнонационализма, который исходит из утопического постулата, что этнические и государственные границы должны совпадать в пространстве. Однако эта важная оговорка не отменяет факт образования диаспоры в результате изменения государственных границ. Проблема в том, по какую сторону границы появляется диаспора, а по какую – «основная территория проживания».

По мнению уже цитировавшейся ранее Е.Р. Морозовой, «по факту народ не покидал своей Родины. Она их «покинула» в 1991 г. в результате прекращения существования СССР. Поэтому большинству русскоязычного населения было тяжело осознавать, что теперь они являются гражданами иного государства. Именно это обстоятельство сказалось на структуре и системе организации российской диаспоры не только в Казахстане, но и на всем постсоветском пространстве, что и является главной ее отличительной чертой от диаспоры дальнего зарубежья» (Морозова, 2019). Для справедливости отметим, что подобный взгляд можно распространить и на другие «разделенные» государственными границами народы, в том числе на казахов, проживающих по другую сторону казахстанско-российской и других границ нашей страны.

Материалы и методы. Чтобы составить портрет одного из крупнейших этносов страны и определить некоторые тенденции, согласно ко-

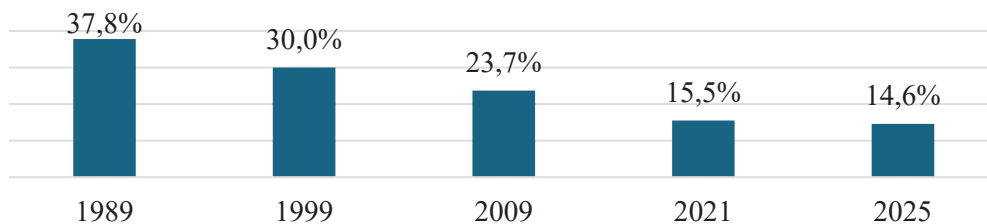
торым он будет развиваться в будущем, мы провели вторичный анализ комплекса статистических и социологических данных. В частности, для проведения статистического анализа мы опирались на материалы и базы с ретроспективой до 30 лет, публикуемые Бюро по статистике АСПиР РК, а именно: это данные официальных Переписей населения 1989, 1999, 2009, 2021 годов, Демографический сборник Казахстана и статистический сборник «Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам» за разные годы. В качестве социологической основы для анализа выступили данные 14 волн исследования «Мониторинг социального самочувствия стран постсоветского пространства» МИА «Евразийский монитор»⁹⁸, проведенных с 2005 по 2025 годы. Опросы проводились в форме очного формализованного интервью по заданному вопроснику. Для обеспечения репрезентативности опроса взрослого населения (от 18 лет и старше) формировалась выборочная совокупность, репрезентирующая население страны по полу, возрасту и типу поселения. Объем выборки в волнах варьировал от 1100 до 1600 респондентов.

Также для анализа были использованы собственные данные ОФ ЦСПИ «Стратегия» по замерам общественно-политической ситуации в стране, проведенные в период с 2009 по 2025 годы. Опросы проводились в форме очного формализованного интервью с использованием репрезентативной выборки по полу, возрасту и типу поселения. Объемы выборки в исследованиях варьировали от 1600 до 2500 респондентов.

Результаты и их обсуждение. Демографическое описание казахстанских русских: динамика численности, расселение, браки. Русские были и остаются на сегодняшний день второй по численности этнической группой в Казахстане. По данным Бюро национальной статистики на начало 2025 года доля русских в стране составила 14,6%, или 2963938 человек («Численность населения по отдельным этносам», 2025). Сравнительный анализ численности русских в структуре населения страны по результатам переписи населения демонстрирует устойчивый тренд на снижение их доли в общей численности населения в среднем на 7% за каждые 10 лет. Если по состоянию на 1999 год доля русских составляла 30%, то уже в 2009 году показатель снизился до 23,7%, а в 2021 году составил 15,5%. Внутри этноса убыль за один межпереписной период в среднем составляет 20% («Итоги Национальной переписи населения 2021 года», 2023).

98 ОФ ЦСПИ «Стратегия» выступает одним из оператором данного международного проекта в Казахстане и обладает правом на использование и продвижение результатов исследования. https://eurasiamonitor.org/uchastniki_proiekta

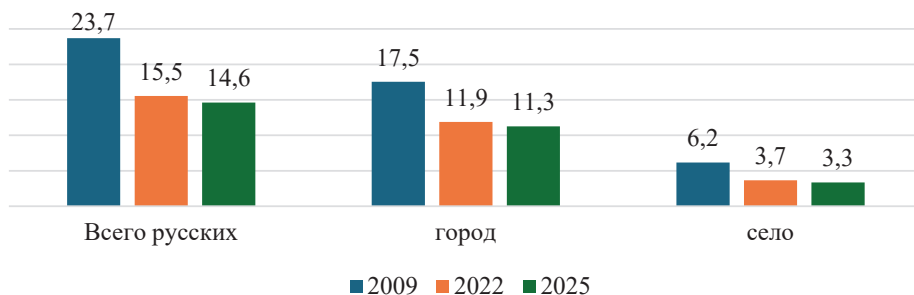
Диаграмма 1. Численность русских в структуре населения Казахстана по результатам переписей, 1989, 1999, 2009 и 2021 гг., %.

Примечание: составлено авторами на основе результатов переписей населения; Демографический сборник Казахстана, 2025 год

Русские являются урбанизированным этносом в Казахстане. Как отмечает С.Я. Суций (2019), «основная пространственная ось расселения русских, вытянутая от берегов Волги до Амура и Тихого океана, проходила севернее (южная ее граница располагалась на широте Оренбурга)». Будучи оседлым народом, русские осваивали северные и восточные территории, практически не создавая общего русско-казахского расселенческого ареала. В результате такого расселения «вдоль казахских кочевий формируется укрепленная линия – цепочка крепостей, спустя время обраставших посадами и приобретавшими статус городов (в их числе Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Орск)». Таким образом, по мнению Суцего, «русские преимущественно через растущую вширь городскую сеть перемещаются внутрь региона». На сегодняшний день 77% от общего числа русских, проживающих в стране, живет в городах, и только 23% – в сельской местности.

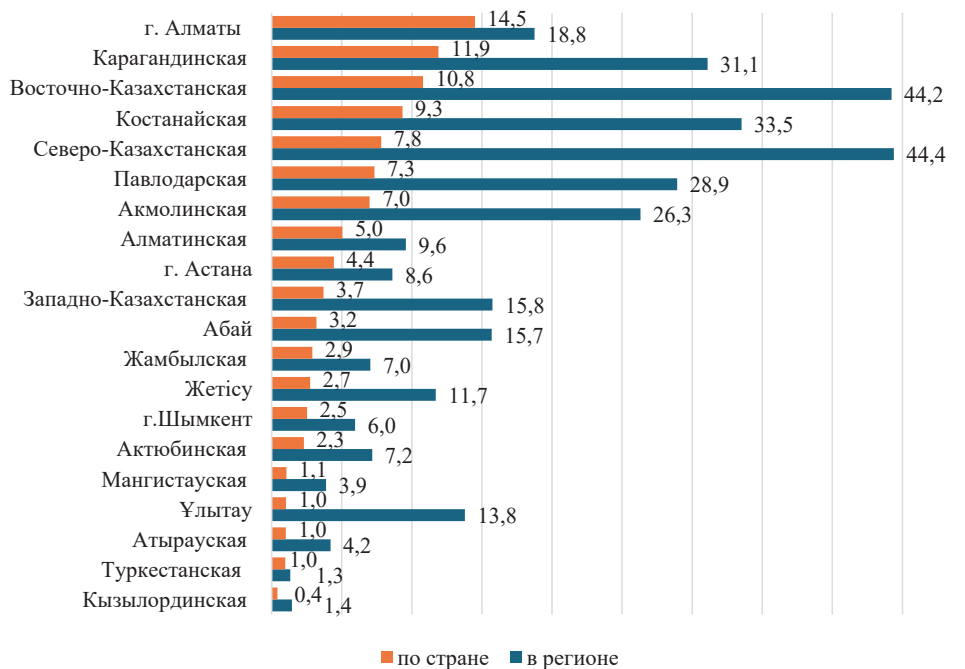
Диаграмма 2. Численность русских в структуре населения Казахстана 2009-2025 гг., %

Примечание: составлено авторами на основе статсборников Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан на начало 2025 года; Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2020 года; Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2009 года

Сохраняются и исторически сложившееся ареалы расселения русских в северных и северо-восточных регионах, а также в силу развития добывающей промышленности и в центральных регионах (Карагандинская и Улытауская (бывш. Жезказганская) области) Казахстана. Если смотреть на страну в целом, то можно говорить о том, что в этих ареалах живет каждый второй русский в стране. Если говорить о доли русских в этнической структуре указанных регионов, то она варьирует от 30 до 45% («Численность населения по отдельным этносам», 2025).

Диаграмма 3. Численность русских в регионах Казахстана по состоянию на начало 2025 г., %

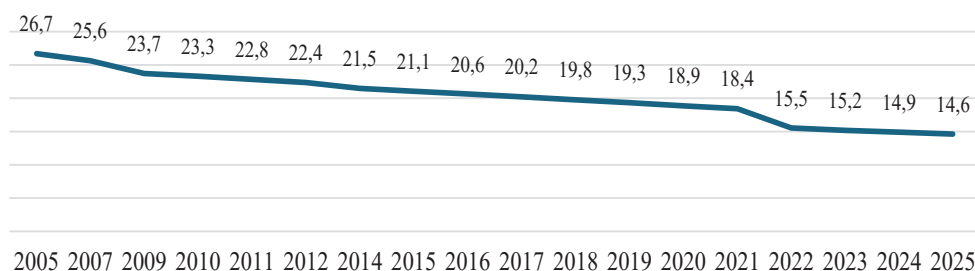

Примечание: составлено авторами на основе статсборника «Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан». 18 серия. Демографическая статистика. Дата опубликования: 27.03.2025

Как отмечалось выше, в стране сохраняется устойчивый тренд на снижение численности русских. На представленном ниже графике видно, что в межпереписной период с 2009 по 2021 год наблюдалось снижение показателя численности русских в среднем -0,5% в год. Но по результатам переписи населения 2021 года стало видно, что раз-

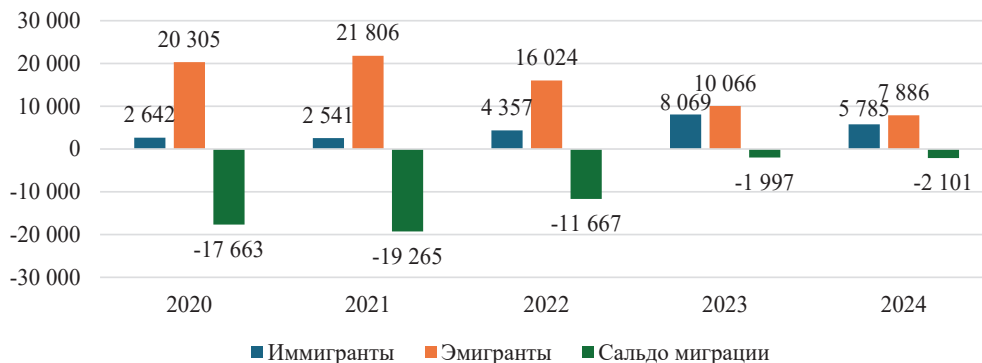
ница в показателях численности русских на начало 2022 года к предыдущему 2021 году составила -450248 человек, или -13%. С одной стороны, данные были скорректированы и позволили получить более объективную картину по этническому представительству русских в стране. С другой стороны, напрашивается вывод, что снижение доли русского этноса в структуре населения страны в межпереписной период идет более высокими темпами.

Диаграмма 4. Численность русских в структуре населения Казахстана 2009-2025 гг., %

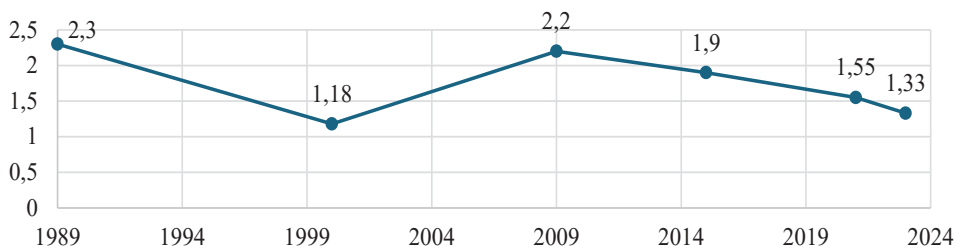
Примечание: составлено авторами на основе статсборников Демографический сборник Казахстана 2020–2024, Астана, 2025; Демографический сборник Казахстана 2016–2020, Нур-Султан, 2021; Демографический сборник Казахстана 2009–2017, Астана, 2017

Как показывает статистический анализ, убыль русских происходит по нескольким причинам. До недавнего времени заметные опасения по степени влияния на численность русского этноса в стране вызывала миграция за пределы Казахстана. Миграция, или пространственная мобильность, населения является одним из трех демографических феноменов (наравне с рождением и смертностью), которые «объединяют свои усилия для того, чтобы изменить численность населения» (Вандескрик, 2005). Начиная с 2010-х годов сальдо миграции русских варьировало на уровне 13–15 тысяч человек в год со знаком минус, а в 2019 году превысило порог в 30 тысяч со знаком минус. Тем не менее, динамика сальдо миграции русских за последние 5 лет показывает, что при сохраняющемся отрицательном балансе сам показатель уменьшился в 8 раз – с 17663 человек в 2020 году до 2101 человек в 2024 году. Это свидетельствует о существенном сокращении эмиграционного потока русских и, как следствие, снижении влияния миграционного фактора на их численность в стране.

Диаграмма 5. Сальдо миграции русских, 2020–2024 гг., чел. %

Примечание: составлено авторами на основе статсборника Демографический сборник Казахстана 2020–2024 гг., Астана, 2025

Если в 1999–2000 гг. можно было говорить о том, что миграция влияет на численность русских, так как 74,5% потерь русских обусловила внешняя миграция, то уже в 2004–2005 гг. миграция сократила численность русских на 47,5%, а отрицательный естественный прирост – на 52,5% (Краснобаева, 2024). Согласно расчетам демографов, за последние 25 лет число матерей в русском этносе сократится более чем на треть (Краснобаева, 2024). Таким образом, основной причиной убыли русских, начиная с середины 2000-х годов, выступает отрицательный естественный прирост у представителей этого этноса. С 2010-х гг. средний коэффициент рождаемости (далее – СКР) русских в Казахстане имеет тенденцию к снижению, и по состоянию на 2023 год оценивался в 1,33 ребенка на женщину («Фертильность русских в Казахстане», 2024).

Диаграмма 6. Средний коэффициент рождаемости русских в Казахстане, 1989–2023 гг., %.

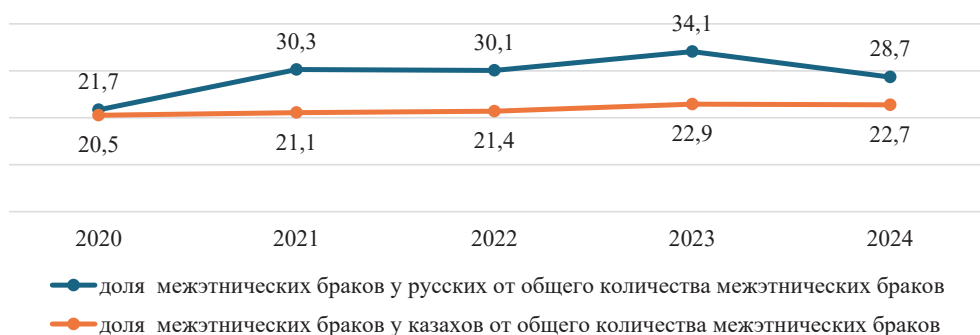
Примечание: составлено авторами на основе публикации «Фертильность русских в Казахстане». / <https://denalt.livejournal.com/84302.html>

Также согласно данным переписи населения, среди основных этнических групп, проживающих на территории Казахстана, самый высокий уровень старения населения фиксируется у славянских этносов (Сагынбаева, 2023). По результатам переписи 2021 года, среди русских доля старшего поколения в возрасте 60+ лет составила 25%, среди казахов – 9%. Средний возраст русских по разным источникам варьирует от 44 до 48 лет, и это на 10 лет выше, чем в среднем по стране на начало 2024 года (32,3 года) («Средний возраст казахстанцев – 32,3 года», 2024).

Как фактор влияния на численность этноса, а также косвенно на миграцию, интерес представляют межнациональные браки. Как отмечает Ю.В. Арутюнян (2003), изучавший на основе социологических исследований в конце 90-х – начале 2000-х гг. положение русских в некоторых странах бывшего СССР, «у русских, в отличие от других национальностей, в соответствии с сохранностью их более устойчивых установок на межнациональные контакты и национально-смешанные семьи в исследуемых регионах интернациональные нормы поведения соблюдались больше: они чаще состояли в смешанных браках и те, кто был связан такой семьей, конечно, реже уезжали в Россию». По мнению А. Калыша, одной из особенностей количества этнически смешанных браков выступает численность и компактность расселения этноса: чем больше численность этнической группы и сильнее ее локализация, тем меньше их участие в смешанных браках, и наоборот («Диаспоры Казахстана: единство в многообразии», 2017). Русские отличаются относительной дисперсностью расселения, а также тем, что придают меньшее значение этническому происхождению партнера, ставя на первое место чувства к избраннику/-це, что делает для них решение о вступлении в межэтнический брак более простым, чем, например, для казахов. Также отмечается повсеместное превышение участия в межнациональных браках мужчин по сравнению с женщинами одного этноса.

Статистический анализ показывает, что доля межэтнических браков среди русских за последние пять лет вновь увеличилась и варьирует на уровне 30% от числа межэтнических браков; аналогичный показатель среди казахов составляет 20–22%.

Диаграмма 7. Доля межэтнических браков среди русских и казахов за 5 лет, %

Примечание: составлено авторами на основе статсборника «Демографический сборник Казахстана 2020–2024 гг.», Астана, 2025

Тема межэтнических браков влечет за собой вопрос об ассимиляции и самоопределении второго поколения, рожденного в таких браках. В межнациональной семье ребенок объективно вовлечен в ситуацию межэтнического взаимодействия в рамках одной и той же семьи, где смешиваются различные этнические культуры и религии. И как показывает исследование (Уалиева, 2020), в большинстве случаев лица смешанного происхождения при получении документов выбирают этническую принадлежность по отцу. Но этническая самоидентификация детей из межэтнических браков де-юре и де-факто не всегда совпадают. На практике существенное влияние на процесс идентификации имеют язык общения в ближнем окружении, культура и отношения внутри семьи. Как отмечает А. Кальш, в южных регионах, «в условиях количественного преобладания казахов, несомненно, ассимиляция будет происходить с перевесом казахской культуры», в то время как в северных регионах «сохраняется сильная языковая и культурная ассимиляция со стороны русского и русскоязычного населения» («Дiasпоры Казахстана: единство в многообразии», 2017). Практика это подтверждает.

Таким образом, можно говорить о том, что русские, все еще оставаясь вторым по численности этносом в стране, не испытывают критической этнической модификации и развиваются как самостоятельная этническая единица. И пока на это не оказывают существенного влияния такие факторы, как низкий естественный прирост и дисперсность расселения русских в Казахстане.

Уровень жизни и социальное самочувствие. Приступая к рассмотрению положения казахстанских русских на основе социологических дан-

ных, начнем с оценок семейного материального положения. Как видим, на протяжении 20 лет наблюдений русские респонденты при ответе на соответствующий вопрос чаще всего выбирали вариант «материальное положение среднее». Причем в 2009 году был достигнут один из самых высоких показателей таких оценок (68%), после чего в течение почти 15 лет большинство русских практически не меняло своих оценок (55–62%), вплоть до 2025 г., когда доля оценки «среднее» достигла высоты 70%. При этом оценки материального положения как хорошего и очень хорошего менялись более динамично, с заметными падениями с обычных в спокойные годы 30% до 15% в кризисный 2009 г., 8% в пандемический 2021 г. и 17% в 2025 г. с его высокими инфляционными ожиданиями.

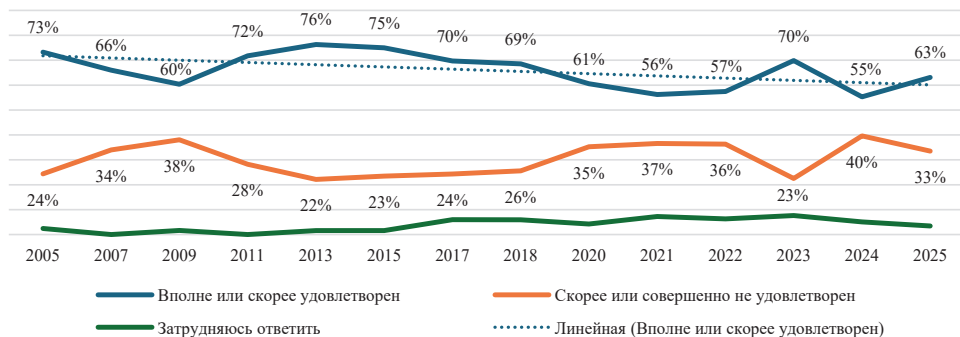
Заметно, что в случае ухудшения социально-экономической ситуации в стране часть русских из сравнительно хорошей экономической позиции переходила на оценку своего положения как среднего (как мы видим на данных 2025 г.), а другая – чаще была склонна называть свое материальное положение как плохое и очень плохое (в 2009 и особенно в 2021 гг.).

Диаграмма 8. Динамика материального положения русских за 20 лет, %

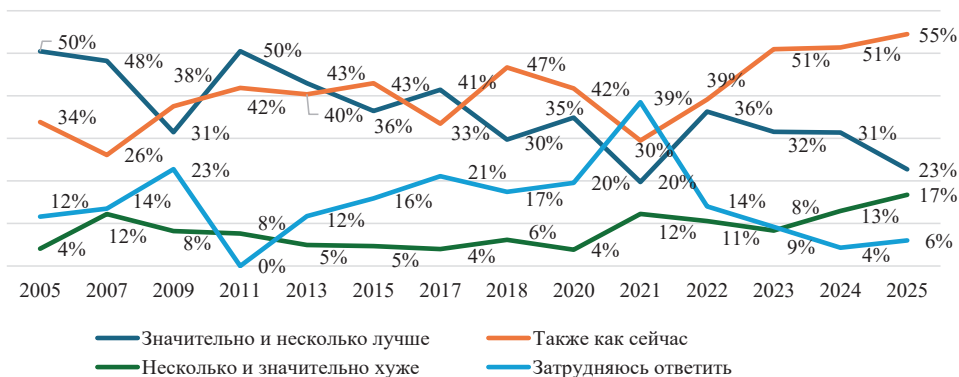
Примечание: составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор», ОФ ЦСПИ «Стратегия»

При сопоставлении оценок удовлетворенности жизнью русских с общестрановыми показателями видим практически полностью схожий рисунок, говорящий о единстве восприятия условий жизни у всего населения страны, как в спокойные, так и кризисные периоды. Т.е. можно предположить, что происходит постепенная гомогенизация, повышение однородности населения страны с точки зрения восприятия условий жизни вне зависимости от этнического признака.

Диаграмма 9. Динамика удовлетворенности жизнью русских за 20 лет, %

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор», ОФ ЦСПИ «Стратегия»

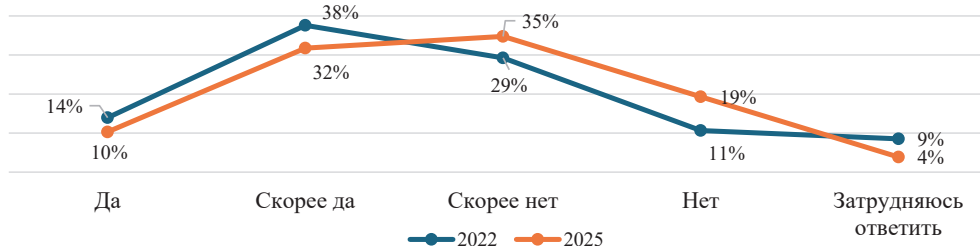
Вместе с тем русских отличает более низкий уровень социального оптимизма: из года в год происходило, не очевидное, через относительно короткие периоды подъема, но снижение числа тех, кто ожидает в краткосрочной перспективе улучшения своей жизни и жизни своих семей. В 2025 году доля таких ответов упала до 23%, причем наблюдается последовательное снижение этого показателя, начиная с 2022 г. – с 36%. При этом с 2023 г. увеличиваются доли тех, кто предполагает, что их жизнь несколько или значительно ухудшится (в 2 раза) и тех, кто считает, что ничего в жизни не поменяется (будет так же, как сейчас). В т.г. число таких ответов достигло исторического максимума – 55%.

Диаграмма 10. Динамика показателя социального пессимизма русских за 20 лет, %

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор», ОФ ЦСПИ «Стратегия»

О падении оптимизма среди русских можно судить и по итогам ответов на следующий вопрос. Если в 2022г. были уверены в будущем 52% опрошенных из этой группы, то в т.г. положительно ответили на данный вопрос только 42%. При этом в 2025г. более половины опрошенных русских (54%) сказали, что они не уверены в будущем.

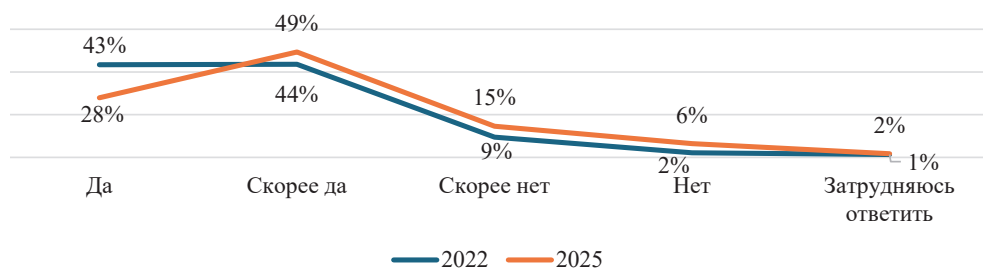
Диаграмма 11. Сравнительные данные по оценке субъективной уверенности в будущем респондента, %

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия»

В то же время среди русских только пятая часть опрошенных (21%) чувствуют себя некомфортно в Казахстане, а 77% с той или иной степенью уверенности сказали, что в Казахстане им комфортно, в 2022 г. так ответили 87%, но при этом уровень определенности был выше (44% дали уверенный ответ «да»).

Диаграмма 12. Сравнительные данные по оценке комфортности жизни в Казахстане, %

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия»

Возникает вопрос, с чем связано падение оптимизма среди русских? Является ли причиной их количественное сокращение в структуре населения или влияют какие-то другие обстоятельства? Интересное предположение по поводу настроений среди русских было высказано М. Ларьюэль

и С. Пейрузом (2007): «местных русских нельзя рассматривать и через призму обычной проблематики «национальных меньшинств» – отношение к ним в Казахстане не может быть таким, как к другим подобным сообществам, даже славянским. Отличие определяется не только «количеством», но и «качеством»: русские в Казахстане никогда не считали себя меньшинством; до недавнего времени они были большинством и «физически». Их требования исходят не от «группы», а носят общеполитический характер, ведь они уверены, что должны определять пути развития страны наравне с казахами». Таким образом, можно предположить, что снижение до уровня меньшинства, пусть и многомиллионного, будет влиять на настроения в этносе, привыкшего быть в центре общественных процессов.

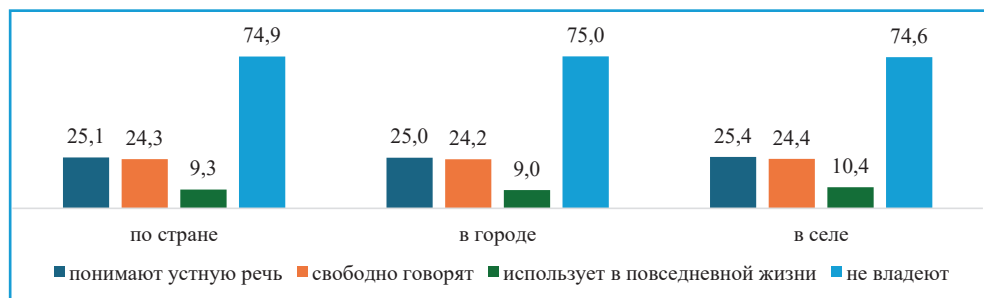
Однако, на наш взгляд, снижение оптимизма в период, начиная с 2022 г., на фоне того, что другие показатели, например, комфортности жизни в Казахстане, состояния материального положения семей и удовлетворенности жизнью не показывают ухудшения, может говорить о том, что на настроения русских оказывают влияние иные факторы. И в данном случае речь идет о факторе военного конфликта между Россией и Украиной, который повысил уровень тревожности и неопределенности в русском этносе в Казахстане, представители которого не могут не испытывать беспокойства из-за ситуации в стране происхождения (исторической родине), что оказывает воздействие на их жизненные планы. Можно привести в качестве подтверждения нашего предположения мнение академика В.А. Тишкова, который в одной из своих статей указывал, что «...диаспорам безразлично, какая, на их взгляд, осуществляется политика правительствами стран исхода: укрепляет ли она безопасность и благополучие их родины или, наоборот, оказывает разрушительное воздействие. Это важно для диаспор, ибо во многих случаях сохраняется расчет на возможность переезда в родную страну, если условия в стране пребывания будут ухудшаться, а в стране исхода – улучшаться. И даже безотносительно возможного переезда, присутствует также символический интерес – это иметь в качестве родины благополучную страну с позитивным имиджем, чтобы через этот имидж лучше поддерживать и отстаивать собственную идентичность перед вызовами ассимиляции в стране пребывания» (Тишков, 2007).

В уже упоминавшейся статье «Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ?» отмечалось, что причиной слабой интеграции русских в процесс формирования «казахстанской нации» является «дискриминация в сфере языковой политики и в области допуска

русских и другого нетитульного населения к государственному управлению и представительству во властных и законодательных структурах» («Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ?», 2007).

Определенно, требования знания казахского языка при приеме на государственную службу и, в целом, значительное расширение сфер его использования оказалось важным ограничителем социальной мобильности для тех, кто плохо или совсем не владел государственным языком, а их среди русских – большинство. Однако ситуация постепенно меняется, и, как показало последнее исследование Фонда, сейчас в той или иной мере владеют казахским языком около четверти русских казахстанцев.

Диаграмма 13. Владение казахским языком среди русских, %

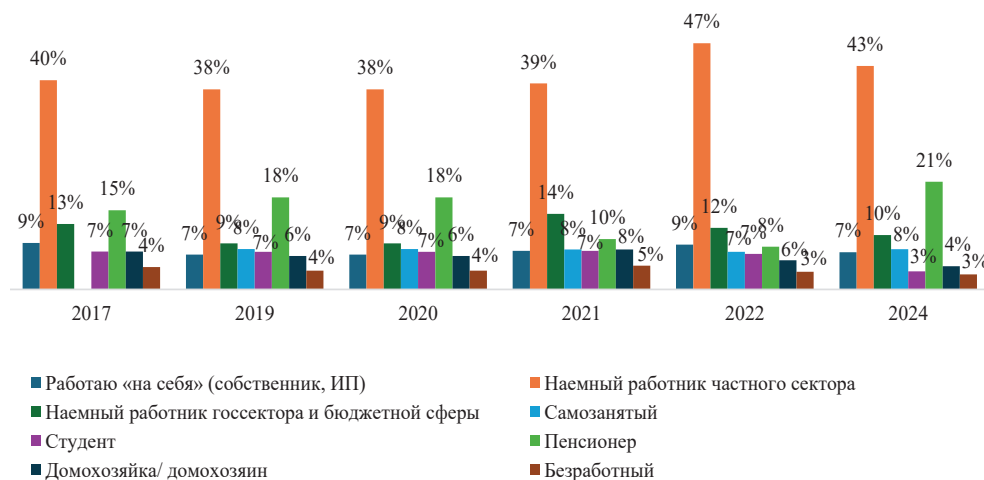

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2025г.

Возвращаясь к вопросам социального самочувствия русских необходимо отметить, что в сложных социально-экономических условиях первого десятилетия независимости, а также слома привычных каналов вертикальной мобильности, русскими, как и многими другими казахстанцами, был сделан выбор в пользу рыночных форм занятости в целях обретения нового социального статуса. В подтверждение сказанного приведем данные исследований Ю.В. Арутюняна (2003), который отмечал настороженность русского населения в России к рыночным элементам, прежде всего к частной собственности и соответственно, их предпочтительного отношения к работе на государственных предприятиях. В то время как у русских в изучаемых им республиках, так же, как и у эстонцев, молдован, грузин, произошел сдвиг в востребованности в сторону частной собственности и работы на частных предприятиях.

Согласно собственным данным Фонда, все последние годы русские в Казахстане преимущественно заняты в качестве наемных работников частного сектора (38–41%), еще одна часть (8–12%) работали на себя (собственники, индивидуальные предприниматели), в то время как в госсекторе (бюджетные организации, госорганы) было занято в разные годы не более 12% опрошенных. Т.е. на уровне половины опрошенных русские предпочитают работать в частном секторе, а если прибавить к этой группе тех, кто отнес себя к самозанятым, то очевидно, что большинство русских заняты вне государственного сектора. Формирование статуса занятости русских в условиях рыночной экономики и при ограничении использования других социальных лифтов, привело к результату, на который еще в 2005г. указывал А. Лобанов: «Положительная сторона сегодняшней жизни (с какой только стороны), что среднестатистический русский казахстанец привык стоять на своих ногах и «не ждать милостей от природы». Благодаря, видимо, этому качеству русское население в большинстве своем живет лучше аборигенного населения – нет «олигархов», но и нет бишары (нищеты) среди работающих».

Диаграмма 14. Изменение в социально-профессиональном статусе русских, %

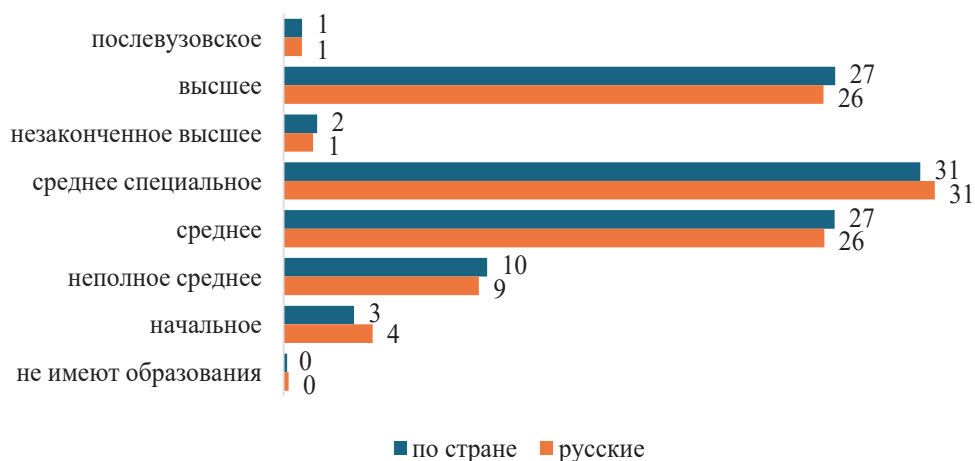

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор», ОФ ЦСПИ «Стратегия»

В определенной мере выбор занятости коррелирует с выбором образовательной стратегии. Русские несколько чаще, чем представители казахов и других этносов, склонны получать среднее специальное образование,

которое является достаточным для получения работы в частных компаниях, тогда как для работы в государственных и бюджетных организациях практически всегда требуется полное высшее образование.

Диаграмма 15. Сравнительные данные по образованию, %

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2025

Политические и внешнеполитические ориентации. Можно сделать вывод, что адаптация к изменившимся условиям у русских в Казахстане пошла вынужденным образом через те каналы и в те области, которые были открыты и доступны, прежде всего, речь об экономических возможностях и направлениях. Что касается политических ориентаций и практик русских казахстанцев, то в этом случае нельзя сказать, что вектор развития сразу получил свое оформление. В начале 2000-х гг. Ларюэль и Пейруз (2007) фиксировали аполитичность русских казахстанцев, особенно с точки зрения поддержки ими политических партий и общественных организаций, в том числе использующих этнические лозунги: «как большинство бывших советских граждан, русские сегодня отвернулись от политики, в которой они активно участвовали только в период перестройки и в первые годы независимости. Политическое поле воспринимается как чуждое, находящееся за пределами повседневных забот, полностью захваченное коррумпированными элитами, которые обогащаются за счет народа, в то время как каждый сегодня старается выжить, обеспечить себе приемлемый уровень доходов».

Этнограф И. Савин, рассуждая о том, почему в Казахстане не сложилась «эффективная русская идеология» в качестве одной из причин назвал то, что этничность, «т.е. культурная специфичность, не могла стать надежной основой для более-менее оформленной идентичности русских Казахстана потому, что в 1990-х два-три поколения у них выросли уже в условиях общесоветской индустриальной социальной и культурной среды». К тому же социализация в рамках нескольких поколений одной семьи оказалась невозможной из-за катаклизмов советского периода (30-50-х гг.), поэтому групповая идентичность у русских складывалась «не на семейных или локальных культурных ценностях, а на коллективизме производственных, образовательных и военных организаций, пронизанных советской идеологией». В этих условиях этническая солидарность выступала в представлениях русских не действенным ресурсом, а этнографической архаикой, которую другие народы должны пережить в ходе социального прогресса («Русские: этносоциологические исследования», 2011).

Эти авторы, как и казахстанские публицисты (Омарова, 2001), рассуждая о политической культуре русских в Казахстане и ее недостатках, делали акцент на недостаточной представленности их в государственных и выборных органах, практическом отсутствии на политическом поле «русских» партий и также слабую их поддержку русским электоратом. В то же время надо сказать, что с момента создания в 1995 г. Ассамблеи народов (-а) Казахстана, в ней всегда был представлен ряд русских общественных организаций, которые в настоящее время входят в ОЮЛ «Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций Казахстана», насчитывающих более 45 первичных самостоятельных славянских общественных объединений (Официальный сайт АНК). Т.е. на уровне АНК у русских имеется возможность для этнического представительства. Но такое представительство сформировало иную модель гражданского участия у русских в сравнении с казахами.

Особенности гражданской активности русских казахстанцев можно показать на социологических данных. Так, по итогам опроса, проведенного нами в 2024 г., на вопрос «Являетесь ли Вы членом какой-нибудь организации?» ответили «да» 8,2% казахов и 8,4% русских. При этом казахи чаще состоят в политических партиях, а русские чаще являются членами профсоюзов и волонтерских движений, т.е. им больше свойственен выбор не политических, а общественных образований для проявления своей гражданской активности.

Диаграмма 16. В настоящий момент вы состоите/являетесь членом какой-нибудь организации? Если да, то какой? %

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2025

Как показывают многолетние наблюдения, русские, впрочем, как и другие граждане Казахстана, лучше других институтов оценивают работу президентской ветви власти. В то же время одобрение работы правительства и Парламента всегда было значительно ниже, за исключением периода пандемии ковид-19, в который произошло снижение оценок работы всех трех центральных органов власти.

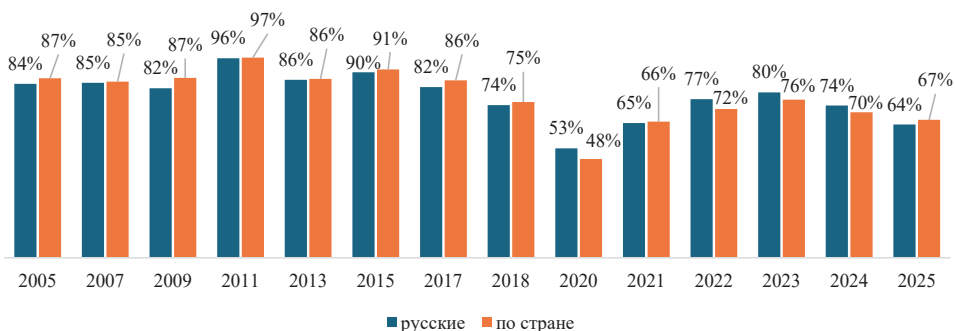
Диаграмма 17. Одобрение деятельности центральных государственных органов, %

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия проекта «Евразийский монитор», ОФ ЦСПИ «Стратегия»

Вместе с тем обратим внимание на некоторые особенности оценок работы государственных органов. При сравнении показателей одобрения работы Президента страны за истекшие 20 лет, видим практически полное совпадение оценок русских с общестрановыми показателями, что говорит как о существенной поддержке представителями различных этнических групп политики, проводимой главой государства, так и сложившейся однородности их оценок.

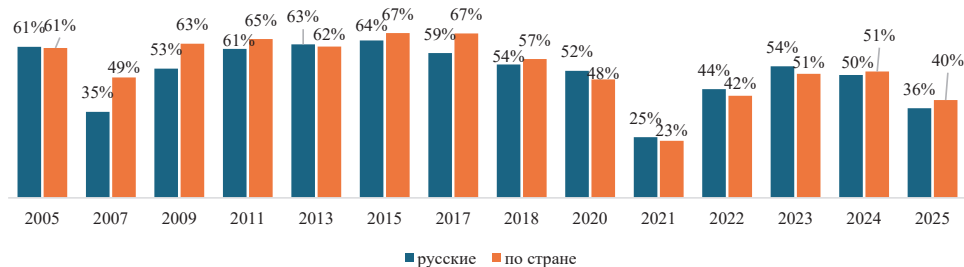
Диаграмма 18. Сравнительные данные по одобрению деятельности Президента по стране и среди русских, %

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор», ОФ ЦСПИ «Стратегия»

В то же время с точки зрения оценок работы правительства и Парламента у русских формировались иные мнения. Так, в отношении правительственного курса русские активнее, чем в среднем по стране, выражали неодобрение, как это было в периоды 2007-2009 гг., 2015-2017 гг. и в настоящее время.

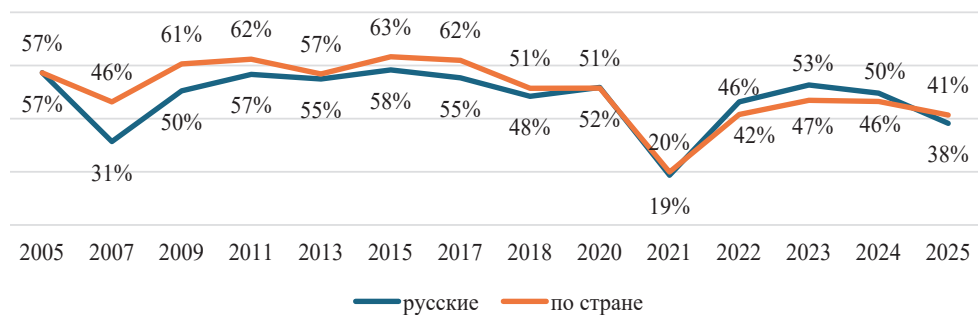
Диаграмма 19. Сравнительные данные по одобрению деятельности правительства по стране и среди русских, %

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор», ОФ ЦСПИ «Стратегия»

И также русские заметно критичнее в отношении работы Парламента – их одобрение работы парламентариев в период с 2007 по 2020 г. было существенно ниже, чем оценки всего населения страны. 2020 и 2021 гг. показали сходство восприятия работы Парламента всеми гражданами, включая катастрофическое падение показателей одобрения в 2021 г. – до 19% у русских и 20% по стране. В последующем (до 2024 г.) имели место рост показателей одобрения и определенная синхронизация оценок русских с общестрановыми. Однако в 2025 г. наблюдается общее снижение количества одобрительных ответов, причем среди русских оно более заметное.

Диаграмма 20. Сравнительные данные по одобрению деятельности Парламента по стране и среди русских, %

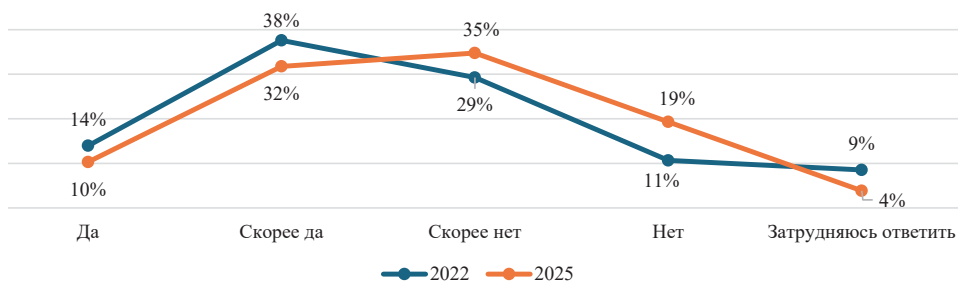

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор», ОФ ЦСПИ «Стратегия»

Таким образом, если взять результаты опросов по трем центральным государственным органам, то заметно, что именно в отношении законодательного органа у русских сложилось наиболее критичное отношение.

На какой базе происходит изменение/снижение оценок одобрения работы правительства и Парламента? В 2022 г. более половины опрошенных русских (54%) говорили о том, что они чувствуют заботу государства о таких людях, как они (по стране этот показатель составлял 54%), в 2025 г. доля подобных ответов сократилась до 40% (по стране – 47%), при том, что увеличилось число тех, кто не чувствует о себе заботу государства (52%; по стране 49%). Можно сказать, что в 2025 г. изменения в социальной ситуации коснулись всего населения, но русские респонденты отреагировали более болезненно.

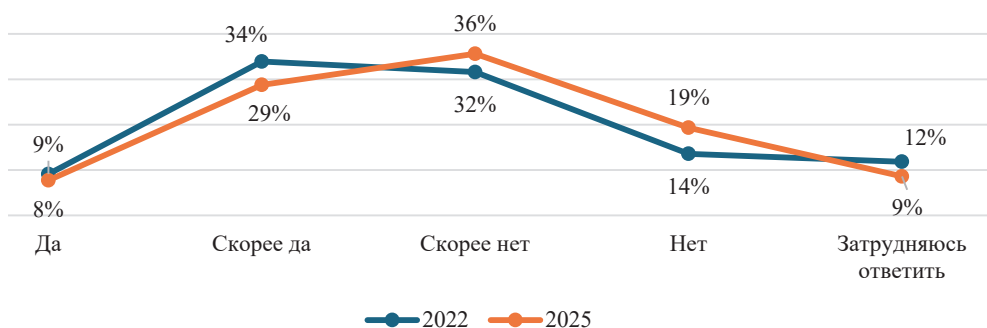
Диаграмма 21. Чувствуете ли заботу государства о таких людях, как Вы? среди русских, %

Примечание: составлено авторами на основе данных собственного проекта «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана». ОФ ЦСПИ «Стратегия»

Вместе с тем ответы на следующий вопрос показали наличие непонимания во всех этнических группах направленности развития страны. Так, если в 2022 г. 43% отмечали, что им понятна направленность развития государства (по стране этот показатель составил 46%), то в 2025 г. доля таких ответов снизилась до 37% (по стране – 42%). В 2025 г. более половины русских респондентов (55%) и половина опрошенных по стране (51%) ответили, что им непонятно, в каком направлении развивается государство. Таким образом сформирован запрос на более точное определение курса развития страны среди значительной доли казахстанцев, вне зависимости от этнической принадлежности.

Диаграмма 22. Вам понятно, в каком направлении развивается государство? среди русских, %

Примечание: составлено авторами на основе данных собственного проекта «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана». ОФ ЦСПИ «Стратегия»

Считаем возможным предположить, что снижение у русских понимания и одобрения направленности развития государства может быть связано с оценкой его внешнеполитического курса. Очевидно, что взаимоотношения Казахстана с Россией является важным фактором формирования настроений у значительной части населения, и прежде всего, русских казахстанцев. Мониторинг ответов на вопрос о том, на какие страны или группы стран должен ориентироваться Казахстан в своей внешней политике показал, что треть русских (с провалом до 25% в 2018 г.) полагала и полагает, что Казахстан должен в качестве ориентира выбирать РФ и страны СНГ. В то же время, начиная с 2016 г., русские стали все меньше (с 41% до 16% в 2025 г.) поддерживать политику многовекторности, при том, что на уровне пятой части они поддерживают курс на сохранение приверженности Казахстана собственным государственным интересам.

Диаграмма 23. На какие страны или группы стран должен ориентироваться Казахстан в своей внешней политике? среди русских, %

Примечание: составлено авторами на основе данных собственного проекта «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана». ОФ ЦСПИ «Стратегия»

Примечательно, что европейский и американский внешнеполитические векторы, впрочем, как и центральноазиатский, китайский, тюркский

и, тем более, исламский, векторы, поддерживается самым малым числом русских (1–7%). Если же проанализировать результаты ответов русских на вопрос об их отношении к отдельным странам, то можем увидеть, что в 2024 г. отношение к России и Китаю было значительно лучше (77% и 63% положительных ответов соответственно), чем к США, к которым 14% опрошенных русских относятся отрицательно, половина – нейтрально и только 32% выразили положительное отношение, т.е. видим сохранение «антиамериканизма» среди части русских.

Диаграмма 24. Как Вы в целом относитесь к следующим странам – положительно, отрицательно или нейтрально (безразлично)? среди русских, %

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2024

Возвращаясь к теме гражданского участия, обратим внимание, что среди русских, как и среди всего населения страны, в одинаковой мере наиболее эффективными методами влияния на власть признаются голосование на выборах, обращения в СМИ и в суды. На уровне пятой части опрошенных во всех группах имеющими результат считаются обращения в вышестоящие инстанции, также есть совпадение взглядов русских и других граждан страны на эффективность таких инструментов влияния, как участие в общественных организациях, самостоятельные действия через свои личные связи и акты гражданского неповиновения. В то же время у русских несколько завышено представление об эффективности влияния таких инструментов влияния на власть, как политические партии, профсоюзы, а также участие в различных протестных акциях. Но, в целом, надо сказать, что русские рассматривают для себя использование всего набора конвенциональных и не всегда конвенциональных способов оказания давления на власть, что не отличает их от всех других граждан страны.

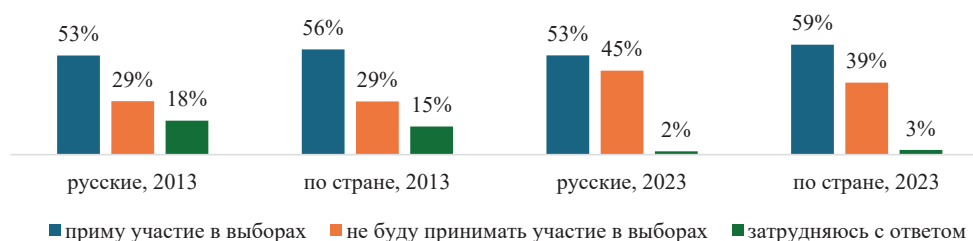
Диаграмма 25. Какие инструменты влияния на власть вы считаете наиболее эффективными? Сравнительные данные

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2024

Что касается такой конвенциональной формы, как участие в голосовании на парламентских выборах, то сравнительные данные показывают, что доля русских, которые планируют участие в выборах, никогда не была ниже 50%, что в целом соответствовало показателям по стране. Интересно и совпадение долей тех, кто не планировал идти на выборы и тех, кто затруднялся с ответом как среди русских, так и по стране, т.е. можно видеть формирование однородности в электоральном поведении граждан страны.

Диаграмма 26. Потенциальное участие в голосовании на парламентских выборах. Сравнительные данные

Примечание: составлено авторами на основе данных собственного проекта «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана». ОФ ЦСПИ «Стратегия»

Результаты исследований и наблюдения указывают на то, что политическое поведение русских остается в фарватере сложившихся моделей общественно-политической активности казахстанцев, даже несмотря на то, что они обладают более критичным взглядом на ситуацию в стране и чаще других высказывают недовольство работой центральной власти. Русские хорошо представлены в общественном и гражданском секторах общества, состоят в профессиональных организациях и демонстрируют умеренную электорально-политическую активность. В то же время заметно, при сохраняющем определенную устойчивость мнении среди русских, что Казахстан должен исходить из собственных интересов (21%), во внешней политике они все-таки тяготеют к российскому и европейскому векторам.

Идентификация, самобытность, интеграция. В советской национальной политике проповедовался принцип «одна этнонация – одно государство», согласно этому принципу, «национальные» республики были соотнесены с определенной титульной⁹⁹ нацией, понимаемой как этнос. Это же представление распространялось и на русских как самой большей части советского народа. Л.М. Дробижева отмечала в своей статье 2010 г., что термин «государственно-гражданская» или «национально-гражданская» идентичность, как отождествление себя «с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обиды, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии)» было достаточно новым для публичной сферы и научной литературы постсоветской России, где «исторически сложилось понимание нации в этнокультурном значении» (Дробижева, 2010).

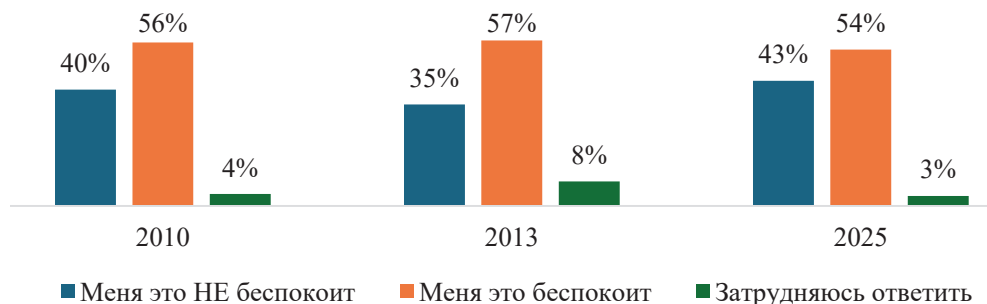
По этой же причине, по мнению С.С. Савоскула (2001), «ситуация вокруг русского (как и другого нетитульного) населения бывших союзных республик за пределами России» стала одной из наиболее актуальных этнических проблем, имеющих всеобъемлющий для постсоветского пространства характер. Он связывал эту проблему «с объективным радикальным противоречием между недавним статусом этой части русских, ясно осознающих свою принадлежность к народу, доминировавшему в бывшем СССР и по преимуществу отождествлявшему себя (в отличие от других народов страны) с единой союзной державой, и их нынешним положением этнического, зачастую дискриминируемого меньшинства в новых независимых государствах», поскольку «главной составляющей идеологии радикальной суверенизации и реальной политики по ее осуществлению практически во

99 По определению С.С. Савоскула, титульный народ (этнос) – т.е. народ, чей этноним входит в титул (название) соответствующего государственного или автономного образования.

всех бывших союзных республиках, за исключением, пожалуй, России и Белоруссии, стал этнический национализм. Его суть состоит в идее создания «своей» этнической государственности, призванной защищать прежде всего интересы развития «своего» титульного этноса, его языка и культуры». Именно это обстоятельство предопределяло этнические различия в становлении новой гражданской идентичности на постсоветском пространстве вне России: у большинства титульного населения этот процесс проходит относительно благоприятно, для большинства же русского (и другого нетитульного) населения новых независимых стран был характерен идентификационный кризис. В то же время содержание и глубина идентификационного кризиса различались в каждом из постсоветских государств, поскольку определялись их этнонациональной и языковой политиками.

Как уже отмечалось ранее, в Казахстане потеря русскими доминирования во всех сферах жизни общества, требование владения казахским языком, расширение сфер его применения вызывало сложности адаптации русских к новым условиям. В то же время надо отметить и тот факт, что в республике за все постсоветские годы не было зафиксировано ни одного открытого противостояния между казахами и русскими, хотя нельзя отрицать, что в определенные моменты истории уровень межэтнической конфликтности возрастал (из наиболее известных – выступления уральских казаков в 1991г.) («Уральские события 1991г.», 2011). Вместе с тем результаты опросов показывают, что среди большинства русских до сих пор сохраняется существенный уровень тревожности, связанный с возможностью межэтнических конфликтов, причем с 2010г. показатель опасений сохраняется примерно на одном уровне и никогда не был ниже 50%.

Диаграмма 27. Обеспокоенность конфликтами на межэтнической почве, среди русских.

Примечание: составлено авторами на основе данных собственного проекта «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана». ОФ ЦСПИ «Стратегия»

Обращает внимание и то, что в 2024 г. почти 60% русских чувствовали себя как полноценные граждане страны, но в то же время 40% опрошенных русских отмечали проблемы, включая наличие притеснений и ущемления их прав как граждан (6%), еще 2,3% указывали на оскорбление и унижение национального (этнического) достоинства.

Диаграмма 28. Как чувствуют себя сегодня люди вашей национальности в Казахстане?
Сравнительные данные

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2023

Мониторинговый вопрос «Чаще всего к какой группе вы себя относите?» показывает, что с годами в среде русских снижалась важность практически всех идентификационных маркеров, включая гражданский (гражданин Казахстана), региональный (житель своей области), национальный (этнический). Вместе с тем имело место последовательное увеличение доли тех, кто соотносит себя со своим поколением, с людьми одного возраста. Таким образом, в 2022 г. в идентификационной матрице русских базовыми маркерами являлись поколение/возраст (55%), локальность (житель своего города/села) (54%) и гражданственность (51%). Ко второстепенным можно отнести такие маркеры, как этнос (39%), вера (38%), род занятий (37%), род (34%), достаток (33%), региональный признак (32%).

Диаграмма 29. Чаще всего к какой группе вы себя относите? среди русских

Примечание: составлено авторами на основе данных собственного проекта «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана». ОФ ЦСПИ «Стратегия»

В опросе 2025 г. (вопрос был задан в другой форме), 54% русских сказали, что в первую очередь считают себя гражданами Казахстана, 20% определили себя представителем своей национальности (этнуса), еще 16% сказали, что считают себя в первую очередь жителем определенной территории (места жительства). Т.е. каким бы образом ни задавался вопрос, результат чаще всего сообщал о том, что не менее половины русских в Казахстане считают себя в первую очередь гражданами страны.

Заключение. О гражданственности русских. Согласно определению, гражданство является устойчивой правовой связью между индивидом и государством, которая выражается в наличии взаимных прав и обязанностей, определенным статусом, закрепляющимся за всеми индивидами, в такой связи находящимися. Закон РК о гражданстве полагает ответственность государства в лице своих государственных органов и должностных лиц перед гражданами республики, но и граждане ответственны перед республикой. Гражданин «обязан соблюдать Конституцию и законы Республики Казахстан, защищать интересы Республики Казахстан, ее территориальную целостность, уважительно относиться к обычаям, традициям, государственному языку и языкам всех национальностей, проживающих на ее территории, способствовать укреплению могущества, суверенитета и независимости Ре-

спублики Казахстан» (Закон РК «О гражданстве РК», 1991). В свою очередь гражданственность можно определить как осознание себя гражданином своей страны и соответствующее этому поведение, готовность человека активно содействовать процветанию общества. Гражданственность также включает в себя патриотизм, любовь и преданность родине.

Очевидно, что выбор в анкете варианта ответа «считаю себя гражданином Казахстана» не обязательно может соответствовать внутреннему убеждению отвечающего. Вполне вероятно причиной выбора такого ответа является прагматизм, согласно которому «большинство русских в Казахстане не строят иллюзий по поводу своей возможной интеграции в России и предпочитают разыгрывать казахстанскую карту» (Ларуэль & Пейруз, с. 320). Но каким бы ни было основание, почему люди идентифицируют себя в первую очередь как граждане страны, то, как измерить реальный уровень гражданственности и патриотизма, как измерить любовь к родине, к Казахстану?

Все приводимые нами данные показывают, что в среде русских казахстанцев идут сложные нелинейные процессы адаптации и интеграции в единое общество. Можно привести мнение участника одной из фокус-групповых дискуссий (еще 2014 г.) в поддержку идеи формирования единой нации «казахстанцы», что должно позволить избежать этнической дискриминации и сделать аксиомой, что Казахстан – это одна родина для всех: *«Может, не разделять нас на русских и казахов, а как Америка прошла все в 18 веке, как они стали все – и черные, и белые – американцами. Я не против стать – если убрать графу «русский» – я не против стать казахстанцем» (село, Алматинская обл.)*. В каких-то случаях уже можно говорить о значительном продвижении в сторону гомогенизации/повышения однородности казахстанского общества, понимаемой как унификация политических, правовых и организационных принципов, что способствует консолидации общества и здесь видим схожесть оценок вопросов социального развития, работы органов власти, особенности электорального поведения и гражданского участия. С другой стороны, у русских все еще остаются опасения в связи с дискриминацией по причине незнания казахского языка, а также страхи перед возможностью конфликтов на межэтнической почве – все это оказывает влияние на уровень доверия, а также скорость и содержание интеграционных процессов в обществе.

Список литературы

1. Арутюнян, Ю.В. (2003). *Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований*. Москва. Наука.
2. Бюро национальной статистики опубликовало тематический сборник по Национальному составу населения по итогам переписи 2021 года. (2023). Бюро национальной статистики. <https://stat.gov.kz/ru/news/byuro-natsionalnoy-statistiki-opublikovalo-tematicheskiiy-sbornik-po-natsionalnomu-sostavu-naseleniya/>. Дата обращения: 14.09.2025.

3. Вандескрик, К. (2005). Демографический анализ. Москва. Гаудеамус.
4. Диаспоры Казахстана: единство в многообразии. (2017). Сборник статей под ред. д.и.н., проф. Г.Н. Ким. Алматы. Қазақ университеті. https://library-koresaram.com/f/kim_gn_red_diaspory_kazahstana_edinstvo_v_mnogoobrazii_almaty_2018.pdf. Дата обращения: 14.09.2025.
5. Доктрина Национального единства Казахстана. (2010) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158. Дата обращения: 14.09.2025.
6. Дробижева, Л.М. (2010). Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. Социологические исследования, 12(12). 49-58.
7. Закон РК «О языках в Республике Казахстан», N151, 4 ст. (1997). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151>. Дата обращения: 14.09.2025.
8. Конституция Республики Казахстан. (1995). https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_#z0. Дата обращения: 14.09.2025.
9. Краснобаева, Н. (2024). Демографическое развитие русских Казахстана в начале XXI века. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции «Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур». Барнаул. ФГБОУ ВО «АлтПТУ». 197-201.
10. Ларюэль М., Пейруз С. (2007). «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. Москва. Наталис.
11. Лобанов, А. (2005). Русская диаспора в Казахстане. <https://russkie.org/articles/russkaya-diaspora-v-kazahstane/>. Дата обращения: 14.09.2025.
12. Морозова, Е.Р. (2019). Историко-географические условия формирования российской диаспоры в Республике Казахстан. Постсоветские исследования. Т.2. 3(8). DOI10.24411/2618-7426-2019-00026. Дата обращения: 14.09.2025.
13. Закон РК «О гражданстве Республики Казахстан». (1991). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004800>. Дата обращения: 14.10.2025. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004800>. Дата обращения: 14.10.2025
14. Указ Президента РК «Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022–2026 гг.». (2022). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014>. Дата обращения: 14.09.2025.
15. Марова А. (2001). Есть ли русское движение в Казахстане? <https://zonakz.net/2001/02/20/est-li-russkoe-dvizhenie-v-kazahstane/>. Дата обращения: 14.09.2025.
16. Официальный сайт Ассамблеи народа Казахстана. <https://assembly.kz/ru/struktury-ank/etnokulturnye-obedineniya/respublikanskije-eko/assotsiatsiya-russkikh-slavyanskikh-i-kazachikh-organizatsiy-kazahstana/>. Дата обращения: 20.09.2025.
17. Официальный сайт Института стран СНГ. <https://i-sng.ru/institut-stran-sng/>. Дата обращения: 14.09.2025.
18. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. (2023). Итоги Национальной переписи населения 2021 года. <https://stat.gov.kz/ru/national/2021>. Дата обращения: 11.09.2025.
19. Сунгоркин В., Седов А., Кияница В. (2020). Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев: «В Казахстане нет понятия «национальное меньшинство». Комсомольская правда. <https://www.kp.ru/daily/27137/4228949/> <https://www.kp.ru/daily/27137/4228949/>. Дата обращения: 14.09.2025.
20. Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ? (2007). AsiaIn-form.Ru. <https://asiaplus.news/2007/03/02/russkie-v-kazahstane-diaspora-ili-edinyj-kazahstanskij-narod/>. Дата обращения: 14.09.2025.
21. Русские: этносоциологические исследования. (2011). Под ред. Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, Л.В. Остапенко и др. Москва. Наука.
22. Савоскул С.С. (2001). Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук наук. <https://www.dissercat.com/content/russkie-novogo-zarubezhya-vybor-sudby>. Дата обращения: 14.10.2025.

23. Сагынбаева А. (2023). О возрастном и брачном состоянии этнических групп в Казахстане по итогам Национальной переписи населения 2021 года. <https://iaer.kz/ru/item/264-o-voznastnom-i-bracnom-sostoanii-etniceskih-grupp-v-kazahstane-po-itogam-nacional-noj-perepisi-naselenia-2021-goda>. Дата обращения: 25.09.2025.
24. Средний возраст казахстанцев – 32,3 года. (2024). Официальный Telegram-канал БНС Qazstat. https://t.me/stat_gov_kz_official/2697. Дата обращения 25.09.2025.
25. Суций С.Я. (2019). Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы. Гл.5. Русские в Казахстане. https://www.ssc-ras.ru/ckfinder/userfiles/files/227_263_Suschiy-6.pdf. Дата обращения: 14.09.2025.
26. Тайжан М. (2011). Почему защита русского языка – патриотизм, а казахского – национализм? https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31077833&pos=4;-98#pos=4;-98. Дата обращения: 14.09.2025.
27. Тишков В.А. (2007). Русский мир: смыслы и стратегии. <https://mdn.ru/articles/v-atishkov-russkij-mir-smysly-i-strategii>. Дата обращения: 14.09.2025.
28. Уалиева С.К. (2020). Новые особенности в формировании этнической идентичности детей из межэтнических браков в Восточном Казахстане. Вестник Каз НПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. Том 3. №66. <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/282>. Дата обращения: 20.09.2025.
29. Указ Президента Республики Казахстан «О Государственной программе функционирования и развития языков на 2001–2010 годы». (2001). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U010000550>. Дата обращения: 14.09.2025.
30. Уральские события 1991 года. В 3-х частях. 07-09.09.2011. https://rus.azattyq.org/a/uralskie_sobytia_1991_oral_okigasy_uralsk_events_kazakhstan_kazak_eskaliev_makashov/24322127.html. Дата обращения: 14.10.2025.
31. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 N 99-ФЗ (последняя редакция). (1999). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/. Дата обращения: 14.09.2025.
32. Фертильность русских в Казахстане. 14.02.2024. <https://denalt.livejournal.com/84302.html>. Дата обращения: 25.09.2025.
33. Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан. (2025). Демографическая статистика, 18 серия. <https://stat.gov.kz/ru/publication/spreadsheets/?-year=&name=18633&period=&industry=&type=> Дата обращения: 11.09.2025.
34. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам и возрастным группам (на начало 2025 г.). (2025). <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/>. Дата обращения: 14.10.2025.
35. Этнографическая экспедиция в Казахстане и Киргизию. (2019). <https://rgo-etnomir.ru/analytics/875-obshchie-vyvody-predvaritelnogo-analiticheskogo-otchjota-o-realizatsii-2-go-polevogo-etapa-ekspeditsii-sovremennyj-etnomir-po-kazahstanu-i-kirgizii>. Дата обращения: 14.09.2025).er